

М. ЛАТАРЦЕВА

ЧТО-ТО ПОШЛО
НЕ ТАК

18+

Мария Латарцева

Что-то пошло не так

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24426545

SelfPub; 2018

Аннотация

С недавних пор жизнь львовянина Богдана напоминала скоростную ленту неожиданностей и неприятностей: потеря работы, митинги на Майдане, смерть матери, переворот в Киеве, мобилизация в АТО, отъезд на родину, в Россию, жены с детьми... Казалось бы, удивляться уже нечему, и в это время «минивэн», следовавший в зону боевых действий, подрывается на mine, из семерых пассажиров машины в живых остаётся только он один.

Повесть является художественным произведением на основе реальных событий. Все герои – вымышлены, любое совпадение с реальными людьми – случайно.

Промозглый влажный воздух бесцеремонно лез во все щели, заставляя дрожать от холода и притопывать на месте. «Мда, сегодня полная дубарина, а до вечера ещё стоять и стоять», – Богдан машинально взглянул на часы, отметив время до конца смены, поднял воротник и затянул теснее шарф. Увы, теплее все равно не стало – середина февраля теплом не баловала, оставалась надежда, что удастся погреться у костра, или, в худшем случае, хотя бы выпить чашку горячего чая.

Депутаты в четком порядке выходили на сцену, бросали в толпу пару-тройку стандартных лозунгов, беззастенчиво обещали невыполнимое и, повертевшись несколько минут перед людьми, уходили в тепло помещений.

Дольше всех наедине с Майданом оставалась неразлучная тройка, записавшая себя в отцы-спасители державы – Яценюк, Кличко и Тягнибок. Последнего Богдан даже знал немного – общались как-то во время встречи на родном предприятии. Давно это было. Уже и должности экономиста планового отдела нет. И отдела нет. Да и самой фабрики нет. Что будет дальше, одному Богу известно.

Задумавшись о своём, он и не заметил, как вслед за Кличко слово взял Порошенко. «...Будем твёрдо стоять на сво-

ём...», «...не только Соединённые Штаты и Евросоюз, но и весь мир с нами в борьбе против нынешней преступной власти...», «...мы должны быть едины и никто не расколется нас...» – и снова ничего нового, все тот же порядком заезженный репертуар, скучный, однообразный и надоевший до безобразия.

Он потянулся в карман за телефоном, чтобы поговорить с родными, когда услышал фразу, заставившую его насторожиться: «...Вторая позиция: мы должны объединить Украину, и это не словом, а делом продемонстрировали наши партнёры и коллеги – ультрас и футбольные фанаты. Давайте отдельно похлопаем фанатам «Шахтёра» в Донецке!.. Фанатам «Металлиста» в Харькове!..» Дальше, перемежаясь громкими аплодисментами и возгласами одобрения, шли одесский «Черноморец» и днепропетровский «Днепр», а Богдан недоумевал, за какие такие «отдельные заслуги» удостоились чести Майдана ультрас и любители футбола?

Неожиданно, как черт из табакерки, на сцену выпрыгнула Руслана. «Вроде, в годах уже молодница, а все не образумится,» – подумал укоризненно и вспомнил свою Наталью – высокую, статную кубанскую казачку...

Службу в Вооружённых Силах молодой львовянин проходил сразу же после окончания университета, когда еще хмельным вином кружил голову выпускной вечер, грудь переполняли амбициозные планы и романтические мечты, а рука то и дело украдкой касалась кармана пиджака, который

приятно оттягивал пахнувший свежей типографской краской новенький красный диплом. Повестка в армию несколько не смутила новоиспеченного экономиста, ведь служить Отечеству в то время не считалось зазорным, скорее, вопросы возникали к тем, кто не служил.

В одной казарме с Богданом оказались такие же вчерашние выпускники университетов – Эмиль из Казани и Александр из Харькова. Несмотря на высшее образование, ребята ничем не отличались от других новобранцев, разве только служить им предназначалось вместо двух стандартных лет – полтора, да на обмундировании сразу красовались лычки сержанта.

В свободное от службы время бывшие студенты с удовольствием вспоминали альма-матер и делились планами на будущее, а во время выходов в город спешили в местный парк развлечений, где всегда продавалось обалденное мороженое в вафельных стаканчиках, и можно было покататься на качелях. В очереди за билетами на аттракционы Богдан и увидел Наталью. Да, много с тех пор воды утекло, но помнится все, будто было вчера...

Воскресное утро ничего нового не обещало – привычный режим, отработанный, казалось, до дырок: утреннее построение, давно приевшийся завтрак и долгожданная увольнительная, обещающая праздник живота. Скажи кто-нибудь два года назад, что взрослому мужику так будет хотеться сладкого, в глаза рассмеялся бы, не поверил, а в армии и дня

не проходило без пирожных со стаканом сладкой газировки или грамм двести конфет. В выходные к обычному набору добавлялось мороженое.

Вот и сейчас он стоял возле касс, уничтожая вторую порцию «эскимо», и, как бы невзначай, изучал обстановку. Больше всего на аттракционах было детей, но ни они, ни их родители Богдана не интересовали, другое дело – девушки! Те стояли яркими стайками, похожие на разноцветных бабочек, и также исподтишка рассматривали военнослужащих.

В глаза Богдану бросилась высокая незнакомка с двумя тяжелыми косами ниже пояса на спине. Девушка увлеченно общалась с подругами, не торопясь поворачиваться к нему лицом, но почему-то он был абсолютно уверен, что она – красавица, а та, словно почувствовав на себе чужой изучающий взгляд, медленно повернула голову в сторону Богдана. И в то же мгновение его сердце рухнуло вниз. «Моя!» – решил он самонадеянно.

Эмиль и Саша тоже заметили девушек. Пританцовывая на месте и громко разговаривая, они так и этак старались привлечь к себе их внимание. Вроде бы дело житейское, но Богдан вдруг обиделся на друзей. Ему показалось, будто они пытаются обокрасть его. И так отчаянно захотелось сделать что-нибудь такое... такое... Ну, такое героическое, важное такое, подвиг, что ли, совершить... К примеру, человека из горящего дома вынести, утопающего спасти, или, на худой конец, хотя бы старушку через дорогу перевести... А по-

том не спеша, медленно так, с достоинством, мимо девушек пройти. Пройти, чтобы она заметила...

Молодой человек оглянулся вокруг в поисках объекта спасения, но в парке все было тихо и спокойно: дети катались на лошадках, рядом на скамейках мирно беседовали их мамы и те же бабули, но никто из них не горел, не тонул и, тем более, никто не собирался бросаться под колеса машины.

«Да, не густо... Видать, подвиг сегодня в пролете», – почесал затылок несостоявшийся герой, еще раз разочарованно оглядывая отдыхающих, и вдруг кто-то потянул его за ногу – маленький ушастый пацан одной рукой дергал Богдана за штанину, а другую, липкую и грязную, тянул кверху:

– Дядя, а дядя, у меня рука слиплась, помой, пожалуйста, не то мамка уши надерет!

С одной стороны, жалко мальчонку, а с другой, времени в обрез, но малец так умоляюще тряс ладошкой, что пришлось тащить его к фонтану. Через несколько минут с пареньком все было в порядке, зато красавица с косами, словно сквозь землю провалилась. Разочарованный произошедшим, он молча поплелся в часть.

Ночью Богдану приснился сон, будто идет он по улице, а перед ним – русоволосая девушка. Он ускоряет шаг, чтобы догнать незнакомку, но та, игриво махнув на прощание косами, снова бесследно исчезает.

Неделя прошла, как на взводе – и секунды не было, чтобы он не думал о девушке, тем более, до дембеля оставалось

совсем ничего – чуть больше недели.

Еле дождавшись следующего выходного, Богдан решил во что бы то ни стало найти зазнобу. Целый день он бродил по аллеям парка, каждый раз кидаясь в сторону девичьего сме-ха, но тщетно. К вечеру, за несколько минут до окончания последней увольнительной, потеряв всякую надежду и запыхавшись от быстрого бега, он заскочил в чепок.

– Теть Галя, налейте стаканчик газировки! – крикнул на ходу, вытаскивая из кармана мелочь, и тут же поправился. – Пожалуйста!

Из двери подсобки донеслось степенное:

– Во-первых, здравствуйте, молодой человек!..

– Здравствуйте! Вы?..

В кармане зазвонил телефон. Богдан прижал трубку к самому уху и даже немного присел, чтобы лучше слышать звонившего.

– Бодя, родненький, что там у вас творится? Радио и телевизор с самого утра разрываются от сообщений о нападениях на демонстрантов! Вас, что там, бьют? По вам стреляют? Скажи мне, Богдан, скажи, я должна знать! А ещё лучше – брось ты эту затею, езжай домой, дорогой, чует мое сердце – не к добру это!..

Трубка продолжала что-то кричать голосом жены, требуя немедленного возвращения, но он уже ничего не слышал – рядом медленно оседал его односельчанин...

А дальше все происходило, будто в другой реальности:

упал, переворачиваясь в воздухе, телефон, уплыли в темноту силуэты людей, недавно стоящих вокруг, а вместо них, словно в старых фильмах про войну, появились вспышки от разрывов бомб, глубокие воронки в земле, горящие здания, протянутые из огня руки... И над всем этим – невыносимый смрад, и трупы, трупы, трупы... Горы трупов – взрослые вперемишку с детьми, с оторванными руками, ногами, обожженные, утыканные осколками снарядов, залитые кровью... Горы трупов, облепленных жирными зелеными мухами...

Так же неожиданно, как и появилась, картинка исчезла. Богдан очнулся. В голове стояла гулкая пустота, будто все содержимое из нее вынули, осталась лишь оболочка. Он оглянулся по сторонам – вокруг него бесновалась толпа. В каком-то диком экстазе люди высоко подпрыгивали, размахивая руками и широко открывая при этом рты...

«Почему нет звука? Что происходит?» Богдан перевел глаза дальше, нашел сцену... На ней тоже прыгали, дергались немые люди с искаженными ненавистью, застывшими, будто уродливые восковые маски, лицами. Неожиданно звук включился, и послышался невероятный рев нескольких тысяч глоток, в котором с трудом можно было разобрать: «Хто не скаче, той москаль!.. Хто не скаче...»

По спине ручьями сбегал холодный пот, пустота в голове наполнилась гнетущим чувством опасности, а во рту появилось неприятное ощущение, напоминающее смешанный вкус крови, дыма и еще... Было что-то еще... Что-то неуло-

вимое, ускользающее, остающееся за гранью сознания... Это «что-то» нельзя было объяснить, нельзя было назвать, но именно его не хватало, чтобы сложилась полная картина происходящего. Мысли на этот счёт у него отсутствовали, да и вообще голова тупо отказывалась думать.

Внезапно просто под ногами зазвонил телефон. Богдан автоматически наклонился, провел по брусчатке рукой, но вместо зудящего аппарата рука коснулась чего-то липкого, неприятного, а потом, как вспышка, появился постоянно исчезающий элемент – запах смерти...

Он ещё раз посмотрел вокруг, но увиденное только усилило чувство тревоги и опасности, исходящее от окружающих его людей. Ему вдруг стало страшно, до жути страшно, будто он оказался один посреди ночи на кладбище... Или там, где он совсем недавно был...

Если бы он знал тогда, если бы он мог предположить, чем закончатся невинные, казалось бы, «скачки» на Майдане, объединившие несоединимое настоящее и разъединившие соединенное несколько веков назад... Если бы он знал, что всего через несколько месяцев его сны, его кровавые видения, наполненные ужасом и кровью, напоминающие бессмысленный бред, начнут сбываться наяву, а запах смерти будет преследовать его, сопровождать каждый его шаг... Если бы он знал!..

А пока что события в центре Киева напоминали скоростной калейдоскоп, уследить за которым не было возможно-

сти – возникшие из ниоткуда автомобильные покрывалы, бутылки с коктейлем Молотова, люди, прячущие лица под балаклавами... Прежде мирный, Майдан сейчас был похож на возмущенный муравейник – все куда-то бежали, спешили, сутились, кричали, требовали...

На первый взгляд, все происходило непроизвольно, спонтанно, но, приглядевшись, Богдан увидел четкий порядок, как и подобает муравьиному жилищу: люди-муравьи послушно двигались в установленном направлении и так же послушно выполняли работу, навязанную им людьми в ярко-красных куртках, которые, в свою очередь, действовали больше личным примером, чем приказами.

Вот один из этих людей, стоящий в нескольких шагах от первой линии «Беркута», словно гипнотизируя, обвел глазами толпу, медленно наклонился, поддел брусчатку продолговатым предметом, завернутым в грязную тряпицу, так же медленно поднял вывернутый камень и, по-хозяйски вытерев его левой рукой, бросил в безоружных милиционеров. Попав в щит, камень издал сухой звук, схожий со звуком выстрела, и отлетел от металла, никого не задев, но парня в красном это не остановило – он снова наклонился, взял следующий и снова бросил.

Его безмолвные действия тотчас нашли отклик у митингующих, и уже через минуту одни жители Майдана, выстроившись подвижной человеческой цепочкой, бодро разбирали мостовую, складывая столетнюю брусчатку на кучки, а

другие с невероятной скоростью бросали её в живой щит из правоохранителей.

Скоро звуки ударов превратились в бесконечную канонаду, а громкие крики и стоны «беркутят» от попавших в них булыжников только раззадорили бросающих. Вся не востребованная ранее энергия Майдана с жадной жестокостью тут же удвоилась. С перекошенными нечеловеческой злобою лицами и невидящими, будто пустыми, глазницами недавние мирные демонстранты превратились в зомби из американских фильмов ужасов. Не чувствуя боли в разбитых руках, с тупым упрямством они вырывали камни у себя из-под ног и бросали их, бросали, бросали, бросали...

Вслед за брусчаткой в милицию полетели файеры, за ними – бутылки с зажигательной смесью. Богдан увидел, как живые люди на его глазах превращаются в пылающие факелы, а озверевшая толпа ревет от восторга. Стало страшно от одной только мысли, что за первой кровью последует продолжение кровавого банкета, и затем, почувствовав безнаказанность, люди не смогут остановиться. Тогда все. Тогда, пиши, пропало...

Лишь под утро Богдан смог добраться до палатки, чтобы немного прилечь. Голова гудела, словно встревоженный улей, напрочь отказываясь переваривать происходящее. Кажалось, что прошли не сутки, а годы. Неожиданное превращение сонного, вялого Майдана в жестокое побоище пугало своей непредсказуемостью, а еще пугала реакция людей,

безропотно выполняющих приказы сотников, но думать об этом сейчас не хотелось, хотелось побыстрее лечь и уснуть.

В палатке было тепло. Все остальное уже давно не имело значения – ни тяжелый смрад доброго десятка пар заношенных носков, смешанный с запахом немых тел и табака, ни засохшие остатки еды на грубо сколоченных ящиках, служивших обеденным столом, ни продавленные доходящие матрасы, прикрытые грязным подобием постельного белья и армейскими одеялами.

Богдан опустился на кровать. В темном углу на противоположной стороне что-то зашевелилось, раздалось хихиканье, а затем высокий женский голос капризно произнес:

– Зая, дорогой, ты меня окончательно замучаешь... Отдохни чуток, мы же никуда не торопимся?!

Сказано это было громким шепотом, рассчитанным больше на только что пришедшего соседа, чем на «заю», но ответной реакции не последовало – мужчина мягко завалился на кровать и, едва коснувшись постели, захрапел.

Проснулся Богдан от острого желания пить. Пошарил рукой в поисках пластиковой бутылки с водой, хлебнул, не вставая с постели. Теплая застоявшаяся жидкость только усилила жажду. Он брезгливо отбросил в сторону бутылку, вынул сигареты и тут же, не выходя из палатки, прикурил. После второй затяжки немного попустило. Все тело немилосердно ломило, будто по нему проехали катком. В голове продолжали крутиться обрывки странного сна, напоминаю-

щего, скорее, бессмысленные фантазии больного воображения.

Он обхватил руками голову, потер виски. Это помогло малость сосредоточиться: «...Костив... Костив... Костюшко... Костюшко Богдан? Так это же я... Это я!..»

Воспаленный мозг возобновил сопротивление, но лед уже тронулся, в голове немного прояснилось, а в памяти возникли жуткие картины.

Снилось ему, будто идет он по кладбищу. Сам идет. Один. Вокруг – тишина, безграничная зловещая тишина, от которой кровь стынет в жилах и хочется бежать, куда глаза глядят, не останавливаясь. По обе стороны от него – кресты. Много крестов. Больших и малых...

Неожиданно памятники куда-то исчезают, а вместо них появляются светящиеся кубы. Все они – правильной формы, одинаковых размеров, выстроены ровными рядами.

Приглядевшись, Богдан замечает, что кубы ничем не закреплены, они будто парят в воздухе, не касаясь земли, а грани их мелко исписаны именами и фамилиями. Напротив фамилий – только дата. Одна. Дата рождения. Траурно-черные надписи сделаны со всех сторон. Четко. Под линейку. Строго по алфавиту:

- Костив Илья...
- Костив Юрий...
- Костюшко Богдан...

На одной из сторон куба третьим был он.

Конечно, можно допустить, что это – простое совпадение, что в списке не он, а его однофамилец, что... Да мало ли что! Но совпадало все – имя, фамилия, отчество, число, месяц, год рождения. Что бы это значило?..

Внезапно дверь в палатку приоткрылась, вошел незнакомый человек.

– Костюшко? Богдан Зиновьевич?

– Да! – неожиданно быстро, по-военному, выпрямился, отвечая.

– Вольно, – одними глазами одобрительно улыбнулся незнакомец. – В хорошей форме. Приятно. Тем более приятно иметь дело с умным человеком. Меня зовут Петр Васильевич. Можно просто – Петро. На данный момент я набираю сотню. Мне нужны образованные, надежные люди. Сбор в двадцать два, ноль, ноль.

И, пресекая любые вопросы, странный гость круто повернулся и пошел к выходу. Закрывая входное полотнище, не оборачиваясь, он вскользь обронил, будто поставил точку:

– Не беспокойтесь, вас найдут.

Богдан посмотрел на часы – десять утра. До встречи – ровно двенадцать часов. За это время нужно многое успеть. Он оглянулся вокруг. В палатке было пусто, и только груды смятого грязного тряпья и затхлый кислый запах напоминали о недавнем пребывании в ней людей.

«Пресвятая Богородице, что я здесь делаю? За что можно бороться, опустившись до такого уровня, до уровня вокзаль-

ного бомжа?» Визит незнакомца подействовал на него, как ушат студёной воды, мысли снова обрели былую четкость, но безотчетная тревога уже не покидала его сердце.

Вчера, в первые минуты противостояния, когда в ход пошли файеры и коктейли Молотова, прямо перед ним из дыма двое парней в балаклавах выволокли третьего. Тот был без сознания, одежда на нем еще дымилась. Ребята молча бросили своего товарища под ноги Богдану, а сами убежали обратно. Пришлось ему тянуть раненого в Киевсовет, где, по словам митингующих, именно для таких целей оборудовали госпиталь.

Увидев обожженного, доктор сразу же принялась резать на нем одежду, и ему ничего не оставалось, как помогать ей. Потом принесли еще одного с ожогами, за ним – раненого, с самым настоящим огнестрельным ранением, а вслед за раненым изуродованные и покалеченные протестующие потянулись непрерывной цепочкой, так что он быстро сбился со счета. Довелось всю ночь напролет провести в импровизированном госпитале подручным у врача – он бинтовал кровоточащие ладони, накладывал шины на сломанные конечности и даже на свой страх и риск, руководствуясь исключительно интуицией, вправлял вывихи.

Ольга, главная в медчасти, приняла Богдана за своего, и без зазрения совести помыкала им да покрикивала, когда что-нибудь не получалось.

Возможно, если бы не она, совершенно не похожая на

остальных демонстрантов интеллигентка, он бы давно ушёл из госпиталя, но Ольга – хрупкая, деликатная аристократка, из тех, кто по-праву принадлежит к сливкам нации, к её элите, не считала ниже своего достоинства помогать немытым, дурно пахнущим простолюдинам, работая наравне со своими добровольными помощниками.

Уже под утро, в курилке, отстранённо взглядываясь куда-то внутрь себя, она произнесла:

– Страшно это... Страшно, когда люди убивают друг друга. Неправильно это, не по-человечески.

Женщина затянулась сигаретой, крепко, по-мужски, и вместе с дымом выдохнула:

– Все. Идите отдыхать. Чувствую, завтра дел поболее будет. Силы надо беречь...

Богдан посмотрел на часы, но спрашивать, когда наступит это завтра, не стал.

На улице, со стороны Грушевского, тянуло жженой резиной и бензином. Вместе с густым запахом гари оттуда брели мрачные тени уставших борцов за свободу и демократию, страшных в своей угрюмой обреченности и отчаянии, а ведь по большому счёту у многих этих людей была уже практика революций, ещё и десятка лет не прошло со времён первой, Помаранчевой.

...Первый блин оказался комом, да таким огромным, что одним махом накрыл собою все ожидания людей на лучшую жизнь и заживо похоронил их сокровенные мечты, а сама

жизнь потихоньку начала скатываться в бездонную яму, унося с собою промышленность с рабочими местами, бесплатную медицину с таким же образованием, социальное обеспечение вместе с социально незащищенными и все остальное, что ещё оставалось на плаву после развала Союза.

Как-то само по себе случилось, что клятвенные обещания майданной оппозиции отошли на задний план, как только оппозиция стала властью, а вместе с обещаниями ушла в небытие и ответственность за их выполнение. В обиходе появились новые слова – приватизация и ликвидация, значение которых народ узнал не из толковых словарей, а испытал на собственной шкуре. Оказалось, что слова эти – близнецы-братья, и означают они отсутствие работы, пустые прилавки магазинов и полки домашних холодильников, а ещё – хроническую головную боль и жирный знак вопроса на будущем детей.

Сначала приватизация, а затем ликвидация родного предприятия не обошли стороной и Богдана, поставив крест на всех его планах и мечтах. Он никогда не забудет, как несколько часов подряд кружил возле дома, подбирая слова, чтобы сообщить своим четверым женщинам, что он, их единственный кормилец, уже безработный.

Положение спасла мама. Без всяких проволочек и обсуждений, в одностороннем порядке, она решила:

– Жить будете у меня, городскую квартиру сдадим – и вам будет сподручнее, и мне веселее.

Так они стали сельскими жителями. Шли годы. Менялась власть. Неизменным оставалось только её отношение к народу. Второй Майдан был неизбежен. Когда же это произошло, давно уставший от безденежья и временных заработков от сезона к сезону, Богдан решил ехать в Киев.

Домашние сразу же восстали. Наталья в самых резких тонах обрисовала сомнительные достижения предыдущего Майдана и назвала мужа наивным; старшая дочь, Татьяна, изучающая право, была против, как абсолютная поклонница Закона; а мама жаловалась на никудышнее здоровье. Зато Ксюшенька, младшенькая, его любимица, по-хозяйски рассудила:

– Папа съездит на денёк, всё узнает и вернется. Правда, папа?

Поездка затянулась почти на два месяца. Многодневные бдения понемногу сгладили острый дефицит большинства благ цивилизации, и то, что вначале его чрезвычайно смущало или вызывало моментальное отвращение, со временем превратилось в обыденность, но Богдан прекрасно понимал, что отсутствие возможности помыться и поменять белье в ближайшем будущем скажется на его здоровье.

Так и случилось, и даже раньше, чем он ожидал – уже первая неделя съела все запасы чистой одежды, невымытое тело невыносимо зудело, а от ежедневного бритья возле таза с ледяной водой на лице появилась сухость и раздражение.

Вот тогда и услышал Богдан от соседа по палатке, что

некоторые демонстранты ходят мыться к киевлянам, проживающим рядом, на Крещатике. В ответ он посмотрел на дома, напоминающие неприступные крепости, на занавешенные непроницаемыми шторами окна, и скептически улыбнулся: «Кому нужны грязные попрошайки? Смотри, как Киев отгородился от Майдана, будто вымер, ни одна занавеска не шелохнется».

Но зуд – не тетка. Через неделю, еще маленько поколебавшись, Богдан решился, наконец, попытать своего счастья. Он долго бродил по Крещатику, выискивая дом попроще да понеприметнее, потом так же долго сидел на скамейке возле чужого подъезда, прижимая к груди узелок с последней парой чистого белья и выжидая хоть какую-нибудь старушку, готовую помочь «борцу за независимость страны».

Увы, труды его оказались напрасными – то ли на улице было слишком холодно для прогулок, то ли в доме не проживали люди пожилого возраста, но за час его томительного ожидания никто из них так и не появился во дворе. Мало того, за это время вообще ни одна живая душа не выходила и не заходила в подъезд дома, казалось, словно в нем совсем никто не обитает. Вот тебе и счастье.

Вконец расстроенный, Богдан уже поднялся, чтобы возвращаться на Майдан, когда будто кто-то толкнул его к дверям. Рука сама потянулась к домофону, нажала несколько кнопок наугад и вызов. И еще больше удивился мужчина, когда в ответ на его неловкое покашливание, там, внутри до-

ма, тут же откликнулись: «Бодя? Заходи, дорогой, дверь открыта».

«Мистика», – думал львовянин, не имеющий ни одного знакомого в столице, поднимаясь на второй этаж. Дверь в квартиру действительно была открыта. Он зашел в просторный коридор. Высокие потолки, массивные дубовые шкафы, изящно изогнутые ручки семейных зонтов, огромное зеркало в резном деревянном багете, сделанное, по всей видимости, под заказ – все предельно просто и зажиточно.

– Раздевайся, проходи, дорогой. Как хорошо, что ты сегодня раньше пришел, – раздалось из глубины квартиры. – Нам как раз помощь твоя нужна. Я сейчас...

Богдан снял обувь, скривился – в нос ударила вонь давно не стиранных носков. Снял куртку, пропахшую дымом кофров и покрышек, аккуратно сложил её, пристроил на полу возле ботинок, потом пригладил волосы и остановился в нерешительности, не зная, что делать дальше.

– Вы кто?

В дверном проеме стоял пожилой человек с шипящей яичницей на тяжелой чугунной сковородке в руке. По виду ему было лет за семьдесят. Он вяло, как-то обреченно, махнул рукой и устало произнес:

– А-а... Случилось...

Что именно случилось, мужчина не объяснил, но было понятно, что появление Богдана он воспринял с какой-то неизбежной безысходностью.

– Заходите, молодой человек. Располагайтесь. Будьте, как дома. Что вам показать? А-а... Да что там показывать – сами найдете... Только прошу вас – не испугайте её, – мужчина снова обреченно махнул рукой и ушел.

Ситуация была, вне всякого сомнения, непонятной. Вслед за хозяином Богдан прошел в комнату. Закрытые плотные шторы создавали в помещении полумрак. Остро пахло лекарствами. На разложенном диване лежала пожилая женщина. От скрипа половиц её глаза широко распахнулись.

– Богдан? Мальчик мой, как я по тебе соскучилась!

«Снова это «Богдан», откуда?»

– Здравствуйте. Извините, пожалуйста...

– Вы кто? Где мой племянник? Саша! Сашенька!..

Женщина закричала, сделала попытку встать, но сразу же упала, едва не свалившись с дивана. К ней тут же бросился муж. Он мрачно посмотрел на незваного гостя и принялся укладывать больную поудобнее.

– Успокойся, дорогая, все в порядке... Успокойся... Я здесь, я рядом, успокойся...

Женщина обессиленно затихла, но продолжала цепляться за руку мужа, а тот укоризненно вздохнул:

– Я же просил... Э-э, да что там просить, когда за окнами такое творится... Вы что же молчите, молодой человек? Давайте хоть познакомимся. Меня Сашей зовут, Александром Израилевичем, как ни странно это звучит, – мужчина горько улыбнулся. – А это – жена моя, Ниночка. Нина Ивановна.

Мы вообще-то племянника ждали – его уже несколько дней не было, беспокоимся, и телефон «вне зоны», а тут – вы...

– Вы извините меня, Александр Израилевич, за вторжение. Я не хотел вас напугать. Понимаете, я тут... я... – Богдан чувствовал себя провинившимся школяром. – Я помыться пришел... То есть, я хотел попросить вас... Попросить... разрешить... мне...

Он совсем запутался, что-то неловко мычал в свое оправдание, а двое старых людей, не давая ему ни малейшего шанса, осуждающе смотрели не мигающими глазами, заглядывая, кажется, в самую душу, да так, что оставалось только повернуться и убираться восвояси.

Борец за свободу страны неожиданно понял, что у свободы есть ещё одна сторона, противоположная, другая, и его визиту в этом доме совсем не рады. Процесс одевания занял не больше минуты, но этого времени хватило, чтобы хозяева успели пообщаться.

– Молодой человек, вернитесь! Что же вы, так и будете чуждым ходить? – донеслось из комнаты. – Да и познакомиться не помешало бы – мы до сих пор не знаем, как вас зовут.

– Богданом меня зовут. Богдан Зиновьевич... Костюшко, – поправился гость с Майдана, с удивлением отмечая, как поднимается вверх правая бровь хозяина.

– Вот ведь как! Да вы, оказывается, тёзка двух непростых людей, Богдан. Как знать, как знать, к чему такое совпадение... Ну что же, приятно с вами познакомиться.

Ещё через час заношенная одежда Богдана крутилась в стиральной машине, а сам он, вымытый до скрипа, сидел за столом с хозяевами и пил чай. Точнее, за столом сидели мужчины, и чай пили только мужчины, а Нина Ивановна, удобно облокотившись на высокие подушки, внимательно слушала гостя, время от времени задавая ему вопросы.

Сначала Богдан чувствовал себя неловко, словно под рентгеном, или под микроскопом, но постепенно растерянность и смущение прошли, слова лились рекой, догоняя друг друга, а иногда и перегоняя, путались, наслаивались, но всё равно не успевали за мыслями, рвущимися наружу бурными потоками. В отличие от слов, мысли его были ясными и трезвыми. Ему даже казалось, что до сих пор они просто складировались в голове и впервые за сорок семь лет его жизни взбунтовались, требуя немедленного выхода.

– Ну вот, кажется, все.

В ответ не последовало ни вопросов, ни замечаний.

Возвращался на Майдан Богдан чистым, как после исповеди. Нет, он не изменил своим принципам, не изменил своим убеждениям, да никто и не просил его об этом, но сейчас все казалось немного другим, не таким основательным, как прежде. А еще... Еще появилось ощущение зыбкости, зыбкости и фальши происходящего.

Он оглянулся окрест, увидел дымящиеся костры посреди площади, посреди когда-то величавой главной площади страны, копошащихся вокруг них мелких суетных челове-

ков, и вдруг ему захотелось развернуться на сто восемьдесят градусов и бежать, бежать обратно, бежать в чистую, теплую квартиру с запахом лекарств и жареной яичницы, бежать к двум немощным, больным старикам за помощью, за защитой. Богдан остановился в растерянности, не зная, что делать, куда идти...

– Бодя? Ты чего такой бледный? Что-то случилось? С детьми все в порядке? С Натальей?.. Может, с пани Ядвигой недоброе произошло? – его сосед, Вадим, с участливым видом пытался узнать причину паники, слишком явственно проступавшей на лице Богдана.

– Да нет, все нормально. Спасибо, Вадим, – очнулся Богдан. – И с родными, слава Богу, все в порядке.

– Вот и ладненько, а то я запереживал. Так что же мы стоим? Там народ к сцене подтягивается, обещали «Океан Эльзы» подвезти! Да и Руслана сегодня в форме – во, как соловьем заливается! Зацени!..

«Океан Эльзы» – это, конечно, здорово, ему нравилось слушать их песни, неторопливые и мудрые, как само время. Хорошо пели ребята, душевно, поэтому, наверное, и нравились не только жителям западных областей, но и всей Украине без исключения.

Нравился и сам Святослав Вакарчук – умный и не по годам степенный. Ходили, правда, слухи, что на прошлом Майдане он напел своему отцу должность министра образования, но, по мнению самого Богдана, все это от зависти, лю-

дям рот не закроешь, поговорят, да и успокоятся.

Старший Вакарчук, Иван Александрович, действительно, после Помаранчевой революции возглавил министерство образования, но удивляться тут нечему – до этого он долгие годы был ректором Львовского университета. И образование подходящее имел, и опыт работы – не с улицы ведь в министерство пришел.

Да и самому Святославу никто не закинет, мол, таланта у него нет, слушать его – одно удовольствие, тем более, занимается человек тем, что знает и умеет, в политику не лезет.

Не чета ему Руслана – постоянно нервная, дерганая и вечно сердитая, будто ей весь мир должен. Да и странновато как-то выглядит, когда молодая женщина с перекошенным от злобы лицом исторгает из себя проклятья в адрес других людей. Неприкаянная она какая-то, заблудшая. И с депутатством у нее не сложилось, однако. Кажется, что же здесь трудного – сиди себе в тепле-добре, только зарплату успевай получать, ан, нет, не срослось. Теперь, поговаривали, за должность министра культуры старается.

К сцене мужчины подошли уже во время исполнения гимна. Пели все. Хором. С придыханием. С восторгом. Рука на сердце. Глаза на небо.

Неожиданно вспомнился фильм с Лайзой Минелли. «Кабаре», кажется... От невольного сравнения Богдана бросило в пот. Он виновато оглянулся, будто его только-что поймали с поличным на чем-то постыдном. Что с ним? Неужели он

разочаровался в Майдане? Нет, здесь, в Киеве, совсем не то, что в фильме! Там, в далеком тридцать третьем, в Германии, фашизм был, а на Украине... А на Украине – борьба народа за свои права, справедливая борьба, мирная...

Короткий спич Вакарчука, за ним – выступление «Океана Эльзы» и лидеров оппозиции понемногу успокоили мятущуюся душу галичанина, а уже к вечеру он совершенно забыл прежнюю крамолу. Вернулась к Богдану и былая уверенность в силу Майдана, в его справедливость, в непогрешимость его истин и идей, да и как не верить, если у людей осталась последняя надежда изменить страну, последняя возможность заставить власть повернуться лицом к народу...

Тогда, месяц назад, все было по-другому, ясно и понятно, без лишней суеты и лжи... Да, это было так давно – целый месяц назад, но именно с тех пор несколько раз в неделю спешил он в уютную квартиру на Крещатике, где за сомнительной защитой тонких кирпичных стен жили два старых мудрых человека. Там его не спрашивали о затянувшемся митинге, не надоедали расспросами о политике, о патриотизме, не спорили об убеждениях и не пытались убедить в обратном. Там просто жили, и были ему рады – он видел это по глазам.

Вот и сегодня путь его прежде всего лежал на Крещатик – не хотелось вечером, на встрече с Петром Васильевичем, выглядеть грязной невежественной деревенщиной, да и по

знакомым своим он соскучился, тем более, Нина Ивановна в последнее время неважно себя чувствовала.

Возле нужного ему подъезда стоял длинный крытый грузовик, из которого рабочие выгружали ящики с мебелью. Обе створки входных дверей были открыты настежь. Обрадовавшись, что не надо никого беспокоить, Богдан буквально вылетел на второй этаж. Он уже подходил к квартире Александра Израилевича, когда тихонько скрипнула, приоткрываясь, соседняя дверь, и оттуда показалась седая женская голова с указательным пальцем у рта.

– Ш-ш-ш, – неожиданно зашипела она и так же неожиданно исчезла.

Мужчина оглянулся – никого. Прислушался. Из квартиры глухо звучали голоса. Он прислонился ухом к двери, но разобрать, что говорили, не смог. Мелькнула мысль: «Может, племянник Нины Ивановны наконец нашёлся? Что ж, познакомимся». И вдруг он услышал женский крик. Не медля ни секунды, Богдан рванул в квартиру.

Кроме хозяев, в комнате было трое мужчин. Один из них держал на прицеле пистолета Александра Израилевича, второй – за руку лежащую на диване Нину Ивановну. Третий мужчина, почему-то в двух очках сразу, бледный, как лист бумаги, трясущимися руками подсовывал женщине какие-то документы.

Мгновение – и пистолет оказался в руках Богдана, двое неизвестных – на полу, а плешивый мужичок, не успев со-

образить, что же происходит, продолжал тыкать бумаги Нине Ивановне. «Вот оно – то самое «случилось», о котором говорил во время первой встречи Александр Израилевич, – мелькнуло в голове. – А я-то, дурень этакий, не понял, что он имел ввиду!»

Через несколько минут, когда непрошенные гости, крепко связанные бельевыми веревками, лежали на полу, а их подельник – допрошен и отпущен восвояси, хозяйева квартиры во всех подробностях рассказали о случившемся. У Богдана от ужаса зашевелились волосы на голове, он представил себе, что произошло бы, если бы сегодня он не пришел.

Незванные гости практически обыскали весь дом, собрали все ценное – деньги, ювелирные изделия, шубы, не забыв при этом про теплые вещи и продукты, и сейчас все это добро бесформенной кучей лежало посреди комнаты на покрывале.

Но самым странным и самым страшным оказалось присутствие в этой воровской компании настоящего киевского нотариуса с бланком самой настоящей «дарственной» на квартиру, в которую оставалось вписать только нужные данные.

Мужички были мелкими, неказистыми, но пистолет в руках одного из них круто менял суть дела. Десятки подобных этим людям рыскали по Майдану. Они не слушали выступлений депутатов, не пели гимн, не кричали «Слава Украине!», они играли свою игру, отдельную от политики. А еще

без зазрения совести выполняли мелкие поручения местных сотников, не гнушаясь особо деликатных – избить, запугать, заставить, иными словами, «направить на путь истинный». Все эти услуги, как правило, хорошо оценивались и без промедления оплачивались, так что число уголовников на Майдане быстро росло.

В квартире Александра Израилевича «гости», скорее всего, появились не случайно, а под чьим-то чутким руководством. Не так давно Богдан сам слышал, что о жильцах близлежащих домов на Майдане собирают информацию. Один знакомый даже похвастался, кивая на сцену: «Эти по-крупному бреют, с размахом, а мы – по-мелкому, но надежно, на хлеб с маслом хватает. Молодежь не трогаем – мало ли что, а вот старье... Старье уже нажилось, набарствовалось, пора и на покой...»

Богдан тогда не оценил его слова по достоинству, а надо было бы. Возможно, будь он раньше более сообразителен, не случилось бы то, что случилось сегодня, а, с другой стороны, если бы знал, где упадешь...

Связанные мужики ничего, кроме брезгливости, не вызывали, поэтому, забрав пистолет, он отпустил и их. Александр Израилевич долго вздыхал, будто сомневался, рассказывать, или нет, своему молодому другу последние новости. Потом собрался с духом:

– Знаешь, Богдан Зиновьевич, тут бабки в подъезде шепчутся... Не знаю, может, правда, а, может, брехня, но люди

судачат, что ваши с Майдана не только привороживают по квартирам, но и...

Пожилой человек снова замолчал, подбирая подходящие случаю слова.

– Да что тут говорить, пропадать люди стали, Богдан. Такие, как мы с Ниной, старики... Никому не нужные старики... Эх, времена настали! И не пожалуешься ведь никому, не поверят... Мы тут вот что с Ниночкой подумали... Даже не знаю, как сказать. Ну, может, ты согласишься у нас пожить, пока здесь находишься? И тебе удобнее будет, и нам сподручнее.

Александр Израилевич тоскливо заглянул Богдану в глаза:

– Не хочется как-то на помойке гнить, не заслужили мы этого...

Уходил Богдан от своих знакомых неохотно. Покоя не давали последние слова Александра Израилевича, тем более, что после вчерашних событий на Грушевского гарантий на мирное разрешение Майдана уже не было...

За пять минут до назначенного утренним гостем времени, в палатку заглянул Вадим.

– Так что, прошвырнемся немного?

– Куда? Да и встреча у меня, не могу сейчас.

– Вот-вот, я и говорю – встреча, – твердо подчеркнул односельчанин, после чего у Богдана исчезли все вопросы.

В Доме профсоюзов царила деловая атмосфера. Люди

сновали туда-сюда, как в муравейнике. Сразу стало ясно, что Вадим был своим в этой тусовке. Знал его и Петр Васильевич, пригласивший на встречу Богдана.

– Вот это приятно, – вышел он из-за стола, подавая руку прибывшим. – Сейчас народ подойдет, присаживайтесь.

Народ, действительно, начал подтягиваться. Серые хмурые лица осторожно смотрели на новичка, будто ощупывая его. Заметив это, Петр Васильевич представил его:

– Знакомьтесь, Богдан Зиновьевич, наш человек, львовянин. Надеюсь, у нас все сложится. Не так ли, Богдан Зиновьевич?

Бровь старшего вопросительно поднялась, а жесткий взгляд буравил душу, требуя немедленного ответа. Словно под гипнозом, Богдан сказал:

– Я? Конечно... Я не подведу.

Присутствующие разом выдохнули. К нему потянулись руки – то ли для поздравления, то ли для приветствия. Дальше всё происходило очень быстро. Вкратце обрисовав ситуацию в стране, Петр Васильевич начал давать задания на следующий день. Разошлись через полчаса. Каждый уходящий привычно брал со стола увесистый пакет, аккуратно завернутый в коричневую оберточную бумагу. Интересоваться, что это, для кого, Богдан не стал.

А на улице вовсю бушевала революция. Со сцены звучали настойчивые призывы защитить страну от вмешательства России. Другие лозунги уже давно потеряли свою актуаль-

ность и отошли на задний план.

На следующий день после полудня ему позвонила Наталья:

– Богдан, срочно приезжай – маме плохо.

Дорога заняла почти всю длинную зимнюю ночь. И большую её часть он пролежал на верхней полке плацкарта, ни с кем не общаясь. Хотелось отдохнуть, собраться с мыслями, понять, что дальше делать и как жить. А ещё из головы его не шёл вопрос, что будет с новыми его знакомыми?

Сейчас, на расстоянии, он ничем не сможет им помочь, а племянник Нины Ивановны, его тёзка, за месяц так ни разу и не объявился. Богдан вспомнил тоскливые глаза Александра Израилевича, когда тот узнал, что их друг с Майдана вынужден возвращаться домой, и его последние слова: «В жизни, Богдан Зиновьевич, у каждого своя дорога, и мы благодарим судьбу, что наши с тобой дороги пересеклись. Пусть ненадолго, на короткое время, но это были, поверь, приятные минуты. Даст Бог, ещё придется свидеться. Здоровья матушке и всем твоим родным».

Поезд прибыл на станцию рано утром, а еще через час, поздоровавшись с Натальей и детьми, он вошел в комнату матери.

Мама лежала с закрытыми глазами, прямая, как натянутая струна.

– Вот так и лежит третий день. Лежит и молчит, – шепотом рассказывала встревоженная жена. – В воскресенье из

церкви пришла, уставшая, бледная. «Наталья, – говорит, – позвони сыну моему, скажи, пушай домой едет». Легла после этого. Третий день лежит, не ест, не говорит, воды вот только попросила... Может, доктора позвать, как ты скажешь?

– Не шепчись, Наталья, это неприлично, я не бревно, живой человек. Жива пока, так что, пожалуйста... И доктора звать не надо, – все еще с закрытыми глазами громко произнесла лежащая. – Не болеть я собралась, дорогая, а помирять. Время пришло.

– Да...

– Не перебивай, дочка, – мама открыла глаза, строго посмотрела на Богдана. – Приехал? Хорошо. Нечего по столицам шляться. Что ты там забыл? Не твое это дело – политика. Иди, умойся с дороги. Потом придете. Сейчас я отдохну. Устала.

Сколько помнил себя Богдан, мама всегда была жесткой и бескомпромиссной, никому не давала спуска, всегда требовала неукоснительного выполнения каких-то правил, норм, законов, и контролировала это, начиная с себя. Соседи называли её не иначе, как пани Ядвига, и в глаза, и между собою, и побаивались её крутого нрава.

Единственный сын тоже не имел поблажек, но знал, что мама никогда не поругает и не накажет даром, без причины – пани Ядвига была до последней капли справедлива, и в людях ценила прежде всего справедливость. А ещё он помнил, как отчитав его за какую-нибудь оплошность, она всегда го-

ворила: «Чтоб жидким не был – ни душой, ни телом» или: «Когда ты родился, я поблагодарила Пресвятую Богородицу».

...Вернувшись из армии, недели две Богдан втайне от матери бегал на почту, чтобы позвонить в Краснодар, боялся ей признаться, что влюбился, как говорили во Львове, в москальку: кто знает, как мама отреагирует, а вдруг запретит общаться, с неё станет. Но шила в мешке не утаишь. Однажды вечером, тихонько пробираясь в свою комнату, он услышал спокойное:

– Таки люди не брешут.

Заикаясь от неожиданности и страха, глотая слоги и слова, несостоявшийся конспиратор принялся рассказывать о Наталье. Объяснение заняло минут пять, не больше, и Богдан даже ушам своим не поверил, когда услышал:

– И чего ты сиднем сидишь? Езжай за девушкой, коль обещался, нельзя людей обманывать, не гоже это, не по-человечески.

– Как? Ехать? А...

– Обыкновенно, поездом. Взять билет, сесть на поезд и ехать, – медленно, будто несмышлёнышу, объяснила мама ошалевшему от счастья сыну...

– Богдан, – в комнату зашла жена. – Мама хочет нас видеть. Я уже и девочек позвала.

Пани Ядвига лежала все в той же позе, что и утром, словно за день даже не двигалась с места.

– Собрались, – не то спросила, не то подтвердила она. – Буду кратка. Вы должны вернуться в город. Девочки уже взрослые, им общение надо. Обо всем мирском я уже позаботилась, вам осталось только батюшку позвать. Отца Василия не зовите – тяжкий грех на нем... Не гоже в храме господнем к насилию призывать. Бог с ним, с Василием, пусть живёт, отца Сергия попросите панихиду отслужить. Стар он уже, немощен, но и я не молодуха, так что друг дружке подойдём...

– Мама... – попыталась вставить слово Наталья.

– Не мешай, дочка.

– Но, как же так? При хорошем здоровье и ясной памяти...

– Наташа, – мама сделала ударение на имени снохи. – А ты бы хотела, чтобы я больной помирала?

– Но, мама...

– Девочки, будьте добры, оставьте меня наедине с сыном.

Пани Ядвига закрыла глаза. Казалось, что она уснула. Впервые в жизни Богдан видел маму слабой, более того, своего состояния она не стеснялась и не прятала.

– Устала я. Сил нету больше смотреть, что в мире творится... Будто все вместе с ума сошли. Богдан, возьми на столе письмо, после смерти моей прочитаешь, а сейчас уходи.

Вечером пани Ядвиги не стало. Панихида прошла тихо, без лишних слез и причитаний, сухо и сдержанно, как прежде жила усопшая.

После похорон Богдан позвонил Александру Израилевичу. Телефонную трубку подняли так быстро, словно звонка ожидали, сидя возле аппарата. Незнакомый мужской голос вопросительно произнес: «Здравствуйте, чем могу быть полезен?» Почти тут же из глубины комнаты послышался голос хозяина квартиры: «Бодя, кто там звонит?»

«Слава Богу, все в порядке. Племянник Нины Ивановны в обиду своих родственников не даст». Вместо ответа он молча положил трубку.

После поминального обеда Богдан открыл мамино письмо. Оно было написано четким почерком и содержало перечень обязательных требований ко всем домашним. Казалось, мама просто уехала на недельку-две, попросив поливать драцену и герань, кормить кота и не забывать о курочках.

Еще в конверте лежал ключ от шкатулки. Эту шкатулку, больше похожую на маленький чемодан, Богдан когда-то сам смастерил на уроке труда и подарил маме в день её рождения. С тех пор подарок занял почетное место возле швейной машинки, где стоял и по сей день.

Замок был совсем крохотный, почти миниатюрный, зато блестящий, не потемневший даже с годами. Он тихо щелкнул, открывая нутро шкатулки. Там царил невообразимый кавардак – катушки ниток вперемешку со шпильками и наборами иголок, ножницы, мелки, пуговицы, бусы, кусочки ткани, инструкции... Легче было назвать, чего там не было, чем было. Брови Натальи удивленно поползли вверх,

ведь большей аккуратистки, чем её свекровь, она в жизни не встречала, и увиденное в её святая святых было сродни шоку.

Среди всего этого бардака лежал старый, пожелтевший конверт. Памятуя о письме, Богдан вынул его содержимое: два сложенных листа бумаги разных времен, такую же давнюю фотографию и совсем свежую записку на вырванном из школьной тетради листе.

Читать начал с записки. «Дорогой сынок! Прости мне мои прегрешения перед тобою. Знаю, что рос без ласки, без любви, но что поделаешь, по-другому у меня не получалось...» У мамы был всегда предельно аккуратный, каллиграфический почерк, но сейчас буквы плясали, ложились в разных направлениях, будто писавший человек пребывал в волнении. Слезы застлали глаза Богдана. На мгновение ему показалось, что он беседует с мамой, просто беседует, как должны беседовать мать и сын. Прежде, при жизни матери, такое было невозможным.

Он продолжил чтение: «Не хочу быть прорицателем, но времена меняются, что-то нехорошее готовится в стране. Даже в церкви, в храме Господнем, призывают к войне. Богдан, спасай семью, не жди беды. Дом и квартиру продавайте. Уезжайте отсюда, сынок, Бога ради, уезжайте, прошу тебя».

Взял старую черно-белую фотографию. Повертел в руках. Мужчина на ней, как две капли воды, был похож на Богдана – то же лицо, нос, брови, широко поставленные глаза...

Наверное, мамин родственник. Развернул сложенный вдвое пожелтевший лист. На нем крупными, выцветшими от времени буквами был записан адрес. И город, расположенный на востоке страны, и фамилия автора записки были Богдану неизвестны.

Третий лист содержал имена потенциальных покупателей дома и квартиры, с адресами и телефонами. Мама, как всегда, была предусмотрительной. Прочитав письмо, решили сельский дом продать, самим возвращаться в городскую квартиру, а дальше, как Бог даст.

В городе было спокойно. Большая политика игнорировала периферию, сосредоточившись в основном в столице. Малым городам разрешалось довольствоваться только обедками с главного революционного стола, наблюдая за происходящим на Майдане по телевизору или в интернете. Такая перспектива его ничуть не огорчала, ведь при любом раскладе худой мир лучше доброй войны, но вскоре оказалось, что время не стоит на месте, и, в конце концов, отголоски протестов посетили и их безмятежную гавань.

О захвате областной госадминистрации Богдан узнал от своего соседа. Неестественно возбужденный, словно окрыленный, Николай с восхищением приветствовал происходящие в стране перемены и с нескрываемым восторгом рассказывал о новой жизни, которая, вне всякого сомнения, должна была начаться уже завтра:

– Ну, вот и мы дождались! Теперь покатит – не остано-

вишь! Надо менять!.. Все, к черту, менять!.. Надо жить, надо творить! Созидать!.. Надо гореть, а не дымить попусту! Надо в Европу, к людям, к настоящим европейцам, а не к восточным их аналогам! Только они могут нам помочь, только они научат, как нужно жить!

Коля нервно потирал руки, суетливо строил планы на будущее и уже видел себя европейцем – степенным немецким бюргером или франтоватым пижоном-французом, но пока-что своим видом и поведением больше был похож на задиристого воробья – мелкую птицу без рода, без племени.

–...А что?.. Нормально все! Да что нормально?! Превосходно! Подумать только – идём в Европу!

Сделав выразительную паузу, чтобы в который раз почувствовать всю важность предстоящего момента, Николай вполслова произнес:

– Идём в Европу!

И даже пожевал, будто пробуя свои слова на вкус, прикрыв при этом глаза от удовольствия. Продолжалось его благодостное состояние ровно мгновение, стремительно сменившись театральной окрыленностью,

– Все! Баста! Назад возврата нет! Только не надо небылицы мне про лягушатников и макаронников рассказывать! Да чтоб попасть туда, я не только жаб, я кузнечиков согласен жрать... горстями, живьём... лишь бы взяли, лишь бы за своего приняли! Эх, засиделся я в этом болоте! – игриво потянулся сосед. – Засиделся! А там – жизнь ключом! Там

– фсё! Побыстрее бы, поживее, силы нету больше ждать и терпеть!.. Вот кто меня поймет! Вот кто в меня поверит! А я, поверь, способен пасту с пармезаном оценить!

После этих слов сосед украдкой оглянулся по сторонам и, наклонившись почти к самому уху Богдана, доверительно прошептал:

– Я так думаю, Богдан, если менять, то все сразу, целиком, в комплекте, так сказать, в комплексе. И ты меня не осуждай! Не надо! Не за что! Думаешь, я не заслужил? Не достоин? Да я... Да они... Эх, если бы ты знал!.. А я ещё ого-го! В силе ещё, при здоровье! Надьке с девками квартиру оставлю, не обижу... Как мужик! А сам!.. Ох, заживу я теперь! По полной заживу! Увидишь! Мне ещё многие будут завидовать!..

В течение следующего полчаса Николай, багровея и пых-тя, воинственно размахивал руками, доказывая свою несомненную важность и исключительность. Потом энтузиазм его понемногу пошёл на спад – то ли боевой дух иссяк, то ли доказательная база исчерпалась, и он уже совсем миролюбиво, но со значением, тыкая куда-то в небо указательным пальцем, произнес:

– Таких, как мы, ценить нужно! Чтобы потом не пожалеть!

На этом Коля, все ещё взволнованно подпрыгивая и подтягивая на ходу старое облезлое трико с пузырями на острых коленках, ушёл домой.

«Европеец...» – снисходительно думал Богдан, провожая взглядом возбужденного соседа и вспоминая его маленькую,

неказистую жену, больше похожую на серую мышку, работающую на двух работах, чтобы прокормить семью – трех девочек-погодков и «бесценного» и «исключительного» мужа-поэта, лет десять, не менее, пролеживающего диван в ожидании творческого вдохновения. По-видимому, и Надя вздохнет с облегчением, и квартира, помнится, тоже её, от родителей по наследству досталась, так что все будет нормально – семья без Николая не пропадёт.

Вечером по телевизору показывали захват администраций уже по всей Украине, а вместе с ними – МВД, СБУ, оружейных комнат, казарм... Как ни странно, во всех этих массовых беспорядках участвовали не только радикалы, но и футбольные фанаты, и вопросов, за что им хлопали на Майдане, у Богдана больше не возникало. А дальше, прав был сосед, как покатило, как понесло, остановить, действительно, было невозможно.

Как-то очень незаметно, с ходу, студенты перестали посещать занятия, поменяв лекции в университетах на воздвижение баррикад и заработки в качестве протестующей против власти массовки. В Киеве, на главной площади страны, по своим и чужим стреляли снайперы, на Грушевского, возле стадиона «Динамо», политые коктейлем Молотова, живьём горели бойцы «Беркута». В соседней области главу администрации приковали наручниками к сцене местного Майдана, и, поливая его холодной водой на февральском морозе, требовали стать на колени и извиниться за содеянное. Правда,

за что извиняться, ему не объяснили, тем более, работал человек на должности главы чуть больше месяца. Потом на дорогах страны появились блокпосты, а в городах – вооруженные отряды самообороны...

Пиком революции стал захват оппозицией власти и побег из страны президента, который не стал ждать для себя повторения судьбы Кадафи. Казалось, все, конец, победа! Оказалось – только начало трудного пути.

...«Минивэн» немилосердно трясло. Старая изношенная подвеска тяжело вздыхала на ухабах, обещая рассыпаться при первой же подвернувшейся возможности. Далеко позади остались горы, уютные местечки у их подножья, и маленькие села с домашними часовенками и статуями Божьей матери у дороги. Богдан без усталости крестился на святой образ, читал молитвы и просил у Святой заступницы мира для страны, для семьи, для всех, кого знал и встречал.

Через несколько часов поездки голова его распухла от запаха солянки и дорожной болтанки, потом на смену возмущению по поводу качества топлива и асфальта пришло полное оупение и безразличие. Сонно покачиваясь в такт движению машины, он отрешенно смотрел, как огни фар, время от времени подпрыгивая и мелко вздрагивая, медленно плывут в густой зеленой пелене, похожей на маслянистую воду реки из его детства.

Ему было почти двенадцать, когда лодка, раскачиваемая его разыгравшимся другом, неожиданно резко накренилась,

легла на борт, и, на мгновение застыв в воздухе, будто решая, в какую сторону упасть, тяжело рухнула кверху днищем, накрывая его своим весом. Он даже не успел испугаться, просто опускался на дно реки, удивлённо наблюдая, как в жирно-зеленой жидкости, напоминающей постное масло, лениво уползают вверх прозрачные воздушные пузырьки...

В чувство его привела очередная яма. После хорошей встряски сонливость как рукой сняло, и мысли его сосредоточились на насущном. Вчера глубокой ночью позвонила Наталья, сообщила, что они благополучно пересекли границу. Богдан посчитал это добрым знаком, по привычке поблагодарил Святую покровительницу, и приготовился ждать от родных новых известий.

Устроившись поудобнее на сиденье, он ещё раз перебрал в памяти свои последние шаги перед отъездом из дому, вспомнил добрым словом соседку, согласившуюся присматривать за квартирой, в который раз похвалил себя, что сообразил перенести к ней цветочные горшки и пристроить кота... Воспоминания действовали усыпляюще, и, чтобы не уснуть, он переключил внимание на своих попутчиков.

В машине, кроме него, было ещё шесть человек. Водитель, пожилой небритый человек с красными, воспалёнными от усталости и постоянного недосыпания, глазами, молча крутил баранку, непрерывно грыз семечки и изредка зевал, широко открывая рот, отчего казалось, что он вот-вот свернёт себе челюсть. Остальные спали.

От выпитого вечером самогона в салоне стоял густой тяжкий дух, не помогали даже открытые окна. Когда машину встряхивало на ямах или заносило на поворотах, сонные пассажиры, как по команде, дружно подпрыгивали, хватались за сидения, в сердцах матерились и, что-то бессвязно бормоча, снова возвращались в прежнее коматозное состояние.

Все мужики были его возраста, только один – помоложе. Несколько часов подряд он без передышки рассказывал, что недавно женился, что жена – в ожидании, и он очень надеется, что у них будет двойня – мальчик и девочка. А ещё молодой человек сообщил Богдану, что на свадебные деньги новобрачные купили недостроенный дом, и, чтобы завершить строительство, он «пошел на фронт мочить сепаров».

Сосед лихорадочно размахивал руками, грубовато шутил, громко смеялся, а Богдан думал о своем, делая вид, что внимательно слушает, изредка поддакивая и согласно кивая головой.

–...Тыща в день! Вот это деньги! Прикинь, сколько это в месяц будет?! Тридцать тыщ! Офигеть! Уму непостижимо! А если на передовой полгода продержаться, прикинь? Ты где ещё такой заработок найдёшь? Тем более, практически на месте, не выезжая из страны!

С горящими от предвкушения глазами, громко прищёптывая, парень долго умножал тридцать на шесть, полученный результат – на тысячу, нервничал и переживал, будет ли отдельно учтено тридцать первое число, потом ещё дольше

переводил гривны в доллары, чтобы случайно на инфляции не потерять, колебался по поводу ещё одного месяца службы на Донбассе, чтобы иметь, на всякий случай, маневренный запас...

После продолжительных устных подсчетов и пересчетов он перешел на калькулятор и вскоре выдал результат:

– Как ни крути – что слева направо, что справа налево, по минимуму сто восемьдесят тысяч гривен получается, прикинь! Я фигею! Вот это президент! Вот это сила!..

Обещание новоизбранного президента страны платить каждому бойцу антитеррористической операции тысячу гривен в день молодой человек совершенно не связывал с конкретной целью предстоящего заработка – убийством людей. Все ещё не веря своему нечаянному счастью, он строил планы, как потратить неожиданно свалившееся на него богатство: «путешествовал» с семьей по миру; «дарил» жене золото и бриллианты; «возил» ещё не рожденных детей в Париж, в Диснейленд, на заморские курорты; «записывал» их в музыкальную школу, на футбол; «покупал» фортепиано...

«Совсем ещё ребёнок», – добродушно думал Богдан, вполглаза наблюдая за восторженным мечтателем, который был на седьмом небе от предстоящих перспектив. Слушая его фантазии, Богдан вспомнил обещание Порошенко на Майдане: «Приятная новость для фанатов киевского «Динамо» – после нашей победы я обещаю за сутки отреставрировать брусчатку на Грушевского и отремонтировать стадион

«Динамо»!» Тогда слова Петра Алексеевича вызвали бурное обсуждение и одобрение в обществе, но прошло время, обещание так и осталось красивыми словами, и что-то подсказывало Богдану, что «тысяча в день в зоне АТО» – из этой же невыполнимой серии, как и предвыборное обязательство президента «в две недели закончить войну на Донбассе».

Что-то пошло не так. Как и прежде, обман ложился на обман, и это не оставляло ни малейших иллюзий, что что-то в этом мире поменяется. У народа, который шёл за Моисеем, была надежда, была вера, а у народа Украины не было ничего, кроме безысходной темноты тоннеля и горького понимания, что его Моисей, скорее всего, ещё не родился.

На очередном ухабе сосед, совсем недавно задремавший, снова проснулся, и до Богдана донеслось:

–...машину. Там, говорят, любую можно взять, какая понравится. И с документами проблем не будет, вот мои документы.

Сощурив глаза, так, что они превратились в острые жесткие прорезы, молодой человек постучал себя по боку, где, по идее, должна была находиться кобура.

«Интересно, где же это машины дают, какие понравятся? Да ещё бесплатно», – подумал Богдан недоверчиво, но потом вспомнил, как ещё зимой газеты писали о компьютерах, пропавших из Киевской горадминистрации после её захвата протестантами. Милиция потом нашла их в одном из сел соседней области. Да и местные паненки в соцсетях не брез-

говали хвастаться подарками своих мужей из зоны боевых действий. Старшая дочка, Татьяна, возмущенно фыркала, и категорически прекращала с такими людьми общение.

А ещё Тане не нравилось, что студенты практически не учатся, на пары не ходят, а сессию сдают на «отлично», что доносы на преподавателей пишут, что в ректорат на них «стучат»... Ещё год назад мечтавшая продолжить образование в аспирантуре, сейчас его девочка хотела лишь одного – побыстрее закончить учебу и получить диплом. Богдан видел, как свет потух в её глазах, с какой неохотой она шла в университет, забросила общественную работу, встречи с подругами, рассталась «по идейным соображениям» с молодым человеком, но надеялся, что со временем это пройдет...

Машину подбросило на очередном ухабе, сонные пассажиры дружно вскинули головы, чертыхаясь и лязгая зубами, подпрыгнули и грузно возвратились в прежнее состояние.

–...Бодя, ау-у! Ты чего не слушаешь? Да не смотри ты постоянно на часы, скоро дырки протрешь! Не терпится? Не бойсь, через часок-полтора на месте будем! Я специально в навигатор маршрут «забил», все рассчитал – и расстояние, и время... Лучше послушай, как я заживу! Вот заработаю в АТО – дом дострою, гараж сооружу, баньку... Чтоб все, как у людей! И даже лучше! А вокруг дома – газон... Газон, как в Европе! Представляешь?! – будто и не спал, продолжал мечтать вслух его словоохотливый приятель.

– Не какой-то сельский огород – картошка-петрушка-мор-

ковь, а самый настоящий зеленый газон! С кустами можжевельника, с бетонными бордюрчиками, с узкими дорожками, посыпанными белым гравием! Нет, не белым... Я дорожки мраморной крошкой высыплю! Красной! Представляешь, ярко-красные дорожки, нарядные, как на картинке в глянцево-м журнале, а вокруг них – темно-зелёная сочная трава! Красота! А ещё газонокосилку куплю, дорогую, электрическую, чтобы не ревела, будто у неё понос, а басовито шла, солидно, как в уважаемом хозяйстве полагается. Так вот, куплю, и каждую неделю буду стричь газо...

Внезапно в глаза ударила молния. Неестественно белый дрожащий свет обнажил на мгновение кресты. Потом из темноты медленно выплыли светящиеся кубы.

– Костив Илья... Костив Юрий... – читает Богдан на одном из них. Против каждого имени четко, под линейку, написано две даты. Дата рождения. И дата смерти. Совсем свежая. Дальше идет – Костюшко... Богдан Зиновьевич...

И снова темнота, запах горелой резины и ещё какой-то незнакомый, нет, знакомый, но давно забытый запах... Запах из детства... Или из юности... Слышится резкий треск... Просто в глаза бьет ослепительный свет операционных ламп... К нему наклоняется доктор. Богдану видно, как шевелятся его губы, но слов он не слышит, зато видит глаза... Очень знакомые глаза... И ещё чувствует запах, тонкий, приятный запах парфюма. Этот запах живёт сам по себе, отдельно от запаха больницы...

– Ты смотри, а этот, по-моему, живой еще. Вроде шевелится... – слышит Богдан, как сквозь вату, после чего на него сыплются удары.

– Сдохни, тварь, сдохни!.. Сдохни!..

Голос бьющего высокий, детский, да и сами пинки – слабые, не причиняют ему особой боли.

– Не надо! Не надо! Не трогай его, Санька, отойди!.. Кому говорю?!.. – раздается рядом, потом следует какая-то быстрая возня, и удары прекращаются.

– Ну вот, так-то оно лучше, – ворчливо замечает тот же голос, принадлежащий, по всей видимости, пожилому человеку. – Не видишь, они только что приехали...

Но не успевает мужчина договорить, как на голову Богдана снова сыплются тумаки.

– Мои тоже приехали!.. Тоже приехали!.. Тоже приехали!.. Только что приехали...

Детский голос срывается, переходит в щемяще-тоскливый глубокий всхлип. Богдан осторожно открывает глаза. Высоко в небе кружит ястреб. Где-то рядом с треском и шипением горит резина. Двое мужчин в полувоенных костюмах с интересом наблюдают за его действиями. Богдан пробует пошевелиться, но задеревеневшее тело не слушает его, пробует заговорить, но тоже не может.

– Чё выставил моргалы? – не выдерживает совсем молодой паренек. – Говори, сука, куда ехали? Рассказывай, мразь, рассказывай, не то враз приговорю!

– Саня, спокойнее, дорогой, спокойнее, сейчас его заберут, куда надо, там все и расскажет. А ты, мил человек, зря к нам с оружием пришел, ох, зря... Нехорошее дело вы затеяли – людей убивать... Не божье это дело, что там говорить, да и не по-человечески как-то...

Старший мужик, по виду – пенсионер, осуждающе качает головой:

– Видишь, что ваши натворили? Мин на дорогах понатыкали, растяжек, вот и подорвались вы. Скажи спасибо, что живой остался, да ещё вот мальчика благодари – это он взрыв услышал, потом ко мне прибежал и сюда идти заставил, чтобы посмотреть, может, выжил кто, случаем... Наши, деревенские, уже давно в эту сторону носа не кажут – на мину напороться боятся. Да... Дела... Остальные твои напарники уже того... представились. Уже на небесах...

– В пекле они, гады, горят! В аду! С чертями вместе жарятся!.. – в сердцах произносит Саня.

– Ты не обижайся на ребятенка, мил человек, прав он. Делов вы натворили – немерено, до конца жизни не расхлебать. У него, – кивает старик на своего молодого напарника, – давеча отец с мамкой погибли, на mine подорвались. Тоже на этой дороге. Сам он остался, один... Один, как палец...

В кармане оживает телефон. Кто бы это мог быть? Неужели Наталья? Сутки назад, когда Богдану пришла повестка, жену с детьми он отправил на Кубань, от греха подальше. Вчера ночью они сообщили, что пересекли государственную

границу. Говорить сейчас с родными не хотелось, но телефон, будто заведённая пластинка, звонил и звонил, не умолкая. А может, это вовсе и не Наталья, может, звонят из военкомата, беспокоятся, прибыл ли на место? Он пытается вынуть из-под себя затёкшую руку, но тщетно.

– Ты чего трубку не берешь? – сердито спрашивает подросток.

– Аа-а, так ведь он не может, – догадывается старший, помогая Богдану освободить руку. – Удивительное дело, однако: шестерых – всмятку, а этому хоть бы что – ни единой царапины!

Телефон наконец замолкает. «Наверное, батарея разрядилась», – отмечает он равнодушно.

– Повезло тебе, мужик, ох, повезло... Видать, в рубашке родился. Или дела на земле оставил... недоделанные...

Со стороны дороги слышится пронзительный визг тормозов, и через мгновение, лихо развернувшись на сто восемьдесят градусов, возле них останавливается старая «копейка». Из нее проворно выныривает широкоплечий молодой человек.

– Ну, чё там, дядь Лёш? Подорвались, ссуки? Сколько было? Все готовы?

Обескураженно присвистывая, мужчина быстро обходит догорающий «минивэн».

– Да... Врачам здесь делать нечего... Так, я команду пришлю, хорошо? Транспорт, опять же, надо, чтобы увезти...

Ребята решат, куда их пристроить, да и документы какие, возможно, сохранились... Нужно машину осмотреть... Может, родных удастся найти, чтобы тела забрали похоронить. Тут минутой дела не обойтись, а мне некогда сейчас, дядя Лёша, у меня Надежда рождает! – с гордостью произносит приехавший и только сейчас замечает Богдана.

От изумления он резко сбавляет ход, в раздумье чешет затылок и, смачно сплюнув себе под ноги, удивлённо пялит глаза:

– Ни фиги себе! Оттуда?

К нему тут же подскакивает обрадованный подросток.

– Так мы тебе чего звонили, Гриша? По этому поводу и звонили! Живой он, представляешь, совсем живой! Шестерых на мелкие куски, как игрушек пластмассовых, порвало, а этому – хоть бы хны! Дядя Лёша говорит – в рубашке родился, а, по-моему, так просто повезло! Ты его, Гриша, сдай, кому надо! Да так сдай, чтобы по полной получил, чтобы почувствовал, мразь, куда попал, чтобы не лез больше...

– Ну-ну, Санек, зачем так грозно? – успокаивает мальчонку Григорий. – Сдам, не беспокойся. Я вот чё думаю, дядя Лёша, я счас его домой свезу, прикрою где-нибудь на время, а со своими делами управлюсь, тогда и его определю. Мне сейчас доктора привезти нужно – Надежда рождает, первенец у нас, без помощи не обойтись... Она там ждёт... Ну чё, парниша, пойдём?

– Так не может он идти, Гришенька, в том-то и дело, что

не может идти. И не говорит ничего...

Старший мужчина подходит к Богдану вплотную и, наклонившись к его уху, громко кричит:

– Мужик, ты как, идти можешь? Ну вот, молчит, наверное, не слышит. Может, и впрямь глухонемой?

– Ага, говорить не говорит, а телефон в кармане! – возмущается Саня.

– И вправду, зачем глухонемому телефон? Ну, ты, малый, и голова, – Гриша снова озадаченно чешет затылок, пытаясь понять, почему молчит уцелевший пассажир «минивэна».

– Его, наверное, о землю ударило, контузило, так сказать. Смотри, метров на десять от транспорта откинуло! Ему бы отлежаться сейчас, в себя прийти чуток...

– Вот-вот! Отлежаться! В себя прийти! – раздосадовано подпрыгивает на месте мальчишка. – А как же – только отлежаться! На мягкой кровати!.. Под теплым одеялом!.. Да ещё чайку с медком ему в постель, а как же, он ведь приболел – его, видишь ли, контузило! Дядя Лёша, Гриша, ну, что же вы, как маленькие? Он, вражина, стрелять нас приехал, а вы – будто сговорились!

Саня отворачивается, слышно, как он обиженно посапывает носом. Алексей с Гришей переглядываются.

– Никто и не думал его чаем поить! Но, согласись, Санек, потрепало его таки основательно, хоть бы дуба не дал, пока я буду его к ребятам везти. А ну-ка, мужики, грузи его на заднее сидение!

Гриша ловко хватает Богдана за руки, дядя Лёша и Саня цепляются за ноги, и, как куль с картошкой, забрасывают его в машину.

Дорога заняла минут десять. Гриша заехал в гараж, сноровисто вытянул не подающего признаков жизни пассажира из машины и, даже не заходя в дом, тут же уехал. Богдан остался лежать в темном гараже, вдыхая запах бензина и временами проваливаясь в черную пропасть.

Тогда ему казалось, будто лежит он на узкой больничной койке, по самый подбородок накрытый неестественно белой простыней, а вокруг него летает всякая нечисть. Хохоча от удовольствия, нечистые легко поднимают кровать и, словно невесомую колыбель, раскачивают её в воздухе, отчего ещё ужаснее болит и кружится голова.

Богдан вспоминает молитву, хочет перекреститься, но заостеневшие руки не слушаются его, а черти хохочут еще громче, еще омерзительнее, и больно тыкают в него негнущимися волосатыми пальцами. Тогда он пробует слезть с кровати, пытается ухватиться за упрямо ускользящие металлические прутья, но кровать поднимается все выше и выше, раскачивается все сильнее и сильнее, и он понимает, что каждое мгновение может стать для него последним.

Он открывает глаза. Нечистые исчезают, с ним остается лишь темнота и запах бензина, да еще – холодный липкий пот, обволакивающий все тело, как когда-то речная вода. То ли от пота, то ли от бетонного пола, жутко мерзнет спина.

Богдан с большим трудом садится, на ощупь находит кирпичную кладку стены, подтягивается к ней. Через несколько минут, немного отдохнув, пробует встать. На этом силы его заканчиваются, а сам он вновь проваливается в преисподнюю. И снова его кровать летает в руках чертей, и снова они хохочут, хохочут, хохочут...

– ...Помогите мне! Помогите! Мужчина, вы слышите меня? Мужчина... Проснитесь!

В глаза бьет яркий свет – прямо над ним, на потолке, на тонком покрученном проводе горит электрическая лампочка. Рядом с ним кто-то тяжело дышит...

– Мужчина, помогите мне, – слышит он по-детски обиженный женский голос. Совсем молодая беременная женщина требовательно тормозит его за руки. Богдан пытается пошевелиться, но не может.

Неожиданно девушка хватается за живот. Вместо крика из её рта вырываются короткие, будто сдавленные, бессвязные звуки. Он делает ещё одну попытку встать, но ноги не слушают его, словно парализованные.

– Уу-у-у-у! – жалостливо воеет женщина. Ему становится страшно. Страшно не за себя, а за беременную и за её не родившееся дитя.

«Пресвятая Дева Мария, мать Божья, помоги ей! Сжался!» – молится он, вспоминая, как однажды был уже в похожей ситуации. Жена тогда первого ребёнка носила, Танечку. Мама с утра в церковь ушла, а они дома остались, на

хозяйстве.

Тогда-то все и случилось: прервав разговор на полуслове, Наталья ойкнула, побледнела и присела на пол. Из-под её платья медленно вытекала мутноватая жидкость, а он беспомощно смотрел на увеличивающееся прямо на глазах пятно, скованный по рукам и ногам каким-то первобытным, нечеловеческим страхом. В себя Богдан пришел от удивительно спокойного голоса жены:

– Ну вот, воды отошли. Вызывай «неотложку» – рожаем.

Через полчаса, привыкший ко всему, врач «скорой помощи» всю потешался над слишком мнительным отцом, рассказывая невероятные истории реакции мужей на роды их жён. Тогда, более двадцати лет назад, он молодым был, здоровым, врачи рядом, соседи, и то испугался... Не за себя испугался, а за Наталью и за дочку. Боялся, что что-то может пойти не так – что «скорая» может не успеть, задержавшись в дороге, или врач оказаться молодым и неопытным... А сейчас ни доктора нет, ни соседей...

«Соседи! Вот кто поможет!» Богдан в надежде смотрит на женщину. Как же ей объяснить, чтобы она позвала соседей?

Неожиданно в воздухе слышится громкий вой, затем – взрыв, треск... Снаряд разрывается где-то неподалёку. Гараж содрогается от взрывной волны. Лампочка тухнет, но солнечный свет через сорванную с петель дверь выхватывает из темноты неестественно вытаращенные глаза беременной и широко открытый в крике рот.

Следующий взрыв раздаётся почти сразу же. Женщина уже не кричит. Она испуганно дергается и инстинктивно прикрывает живот. Уши Богдана снова закладывает ватой, потом в голове что-то щелкает, будто лопают натянутая струна. «Нужно что-то делать, – стучит в висках. – Ей нужна помощь...» Эта мысль каким-то образом помогает ему подняться, взять беременную на руки и добраться до двери.

– Сейчас помогу, милая, сейчас... помогу... Господи, на все твоя воля!

Он переступает низкий порожек, выходит на улицу, но очередной оглушительный взрыв заставляет его остановиться и поспешно отпрянуть назад. Во дворе, совсем рядом с гаражом, стоит недавно построенный кирпичный дом. «Два уровня, – фиксирует сознание. – Чёрт! Ступеньки!» Богдан прижимает женщину к себе и, шатаясь от слабости и нагрузки, тащит её к дому. И снова свист... Взрыв... Треск... Его качает, как на палубе. Дверь. «Слава Богу, открыта!» Еще одна дверь. Глаза находят кровать...

Женщина испуганно закрывает глаза, невольно сжимается и жалобно стонет, а Богдан лихорадочно пытается вспомнить, какие слова говорят роженицам, чтобы успокоить, но, кроме стандартного «тужься» и «дыши», в памяти ничего не появляется.

– Наденька, потерпите, милая! Сейчас Гриша врача привезет! Все будет хорошо, только потерпите, голубушка!

Услышав имя мужа, беременная облегченно вздыхает и,

трогательно улыбаясь, спрашивает:

– Вы видели Гришу?

– Да-да, видел, Наденька, он просил передать вам, что скоро будет... С врачом... Как вы себя чувствуете, дорогая? Болит?

– Раньше болело, сейчас отпустило маленько-о-о... Мама, мамочка, помоги-и-и!.. – не договорив, женщина неестественно изгибается, часто дышит. Лоб её покрывается густой испариной. Крупные прозрачные капли медленно стекают вниз, соединяясь в ручейки, заливают глаза. Он вытирает с лица роженицы пот и прилипшие волосы. Надежда с благодарностью улыбается, но очередной приступ боли снова искажает её улыбку. Руки её с необычайной силой цепляются за его руку, до крови впиваются в неё ногтями.

– Болит... Опять болит... Сильно! Помогите мне... – раздается сквозь крепко стиснутые зубы.

Новый взрыв заставляет его присесть от страха, вжать голову в плечи. Окна в доме опасно дребезжат, с потолка осыпается штукатурка, а беременную снова охватывает паника. Она громко кричит, мечется на кровати, зовёт мужа.

Снова оглушительный взрыв. За ним еще один, более мощный. Практически без перерыва. Ухнуло так, что дом содрогнулся, взрывной волной выбило стекла и двери, а в зияющие отверстия метнулся горячий воздух. «Десятый, – зафиксировал в памяти, машинально закрывая собою женщину. – Дебилы! Недоумки, ссука! По селу бьют, мрази!»

Схватки у Надежды уже не прекращаются. Она жалобно стонет, кричит, плачет, хватая его за руки, а он пытается повторить, что делал тогда, в его прошлой жизни, врач «скорой помощи».

Наконец роженица напрягается, лицо её становится пунцовым, на шее надувается пульсирующая жилка... Глубокий шумный вдох, такой же глубокий выдох, пронзительный вой и громоподобный звук разорвавшегося поблизости снаряда... Дом шатается, будто игрушечный...

Всё. Готово. Красное сморщенное тельце хрюкнуло, открыло рот и сердито заорало. «Мужик! Сразу видно – мужик! – одобрительно усмехнулся Богдан, принимая дитя. – Живи, человек!»

– Наденька, у вас мальчик, дорогая! Здоровенький крепенький мальчик, слава Богу!

Надя зашевелилась, отыскала глазами сына, криво улыбнулась сухими запеченными губами. Он неуклюже перерезал пуповину, завернул ребенка в простыню, затем положил орущий сверток возле матери, прикрыл обоих одеялом, перекрестил и вышел из дома. В воздухе стояла тяжелая завеса из копоти и пыли, неподалеку дымился сгоревший вчистую, дотла, деревянный сарай, а поперек обрушенного гаража лежала вывороченная из земли с корнями старая толстая липа.

На улице возле черных догорающих остовов копошились похожие на обугленных муравьев люди. Двигаясь молча и не спеша, они усердно растаскивали свои разоренные муравей-

ники. Прямо на дороге, небрежно накрытый подобием простыни, лежал труп. Из-под серых задымленных тряпок выглядывала скрюченная женская рука с обручальным кольцом на безымянном пальце. «Замужняя», – отметил про себя. На соседнем подворье, склонившись над убитой молодой женщиной, жалостно рыдал-скулил старик...

Почему-то вспомнился вчерашний инструктор, бесконечно повторяющий мобилизованным: «Вы должны помнить, что на Донбассе живут не люди, а сепаратисты и террористы». Интересно, что бы он сказал, воочию увидев этих самых «террористов»?

– Мужик, помоги, – раздалось откуда-то из-под земли. Богдан невольно остановился, огляделся по сторонам, но никого не заметил.

– В дом... иди... В дом... – услышал он снова.

Дымящиеся руины трудно было назвать домом, но именно оттуда доносились глухие удары и, будто сдавленные, звуки голоса, и он ступил в зияющую дыру дверного проема.

В углу комнаты на коленях стоял сгорбленный человек и стертыми в кровь руками ожесточенно разбирал завалы. Битые кирпичи, стекло, черепица вперемешку со сломанной мебелью, бытовой техникой и домашней утварью летели в разные стороны, сантиметр за сантиметром обнажая присыпанные грязно-морковной пудрой половицы. Над всем этим висела плотная пелена раздражающей горло едкой пыли.

– Вот здесь... Дверца есть... В подвал... – прохрипел

мужчина, сложившись пополам от удушающего кашля.

Прочистив горло, он на мгновение замешкался, будто хотел продолжить разговор, но передумал. Потом, мельком окинув взглядом Богдана, махнул рукой, освобождая место возле себя, и вновь уткнулся глазами в пол. Куски черепицы полетели с удвоенной силой. На улице завывла сирена. Мужик машинально вскинул голову, тревожно прислушиваясь, но сразу же успокоился, вытер рукавом серое, с ручейками седого пота, лицо, ещё больше размазав по нему грязь, и, не обращая внимания на кровоточащие руки, снова принялся за дело. Через несколько секунд мимо дома с громким воем пролетела «скорая». Спустя пару минут – ещё две машины. Богдан облегченно вздохнул – к Надежде с сыном.

При одном лишь упоминании о ситуации с родами по коже его пробежал мороз, а на голове зашевелились волосы. Только теперь он с ужасом понял, на что подписался, ведь любая мелочь, в нормальной жизни ничего не значащая, сейчас, во время войны, могла стоить жизни и роженице, и её ребёнку. Хорошо, что обошлось без осложнений, а если бы нужна была операция? А если бы открылось кровотечение? А если бы...

Руки его автоматически разгребали превратившийся в обломки дом, а в голове назойливо крутилось «если бы...», и спокойнее от этого не становилось.

Лишь через полчаса упорного труда в четыре руки дверь в подвал была освобождена. Мужчина схватил валяющуюся

на полу одежду, старательно вытер густую пыль на досках и скомандовал:

– Открывай.

Сам он сразу же кинулся к деревянной лестнице, ведущей в погреб.

– Мама, мама, ты здесь? Господи, за что? Мама, ты жива? Мама...

Первым из подвала выбрался черный лоснящийся кот. Увидев чужого, он сузил глаза, громко зашипел и рванул на улицу. После этого лестница тяжело застонала, и из отверстия показался хозяин с пожилой женщиной на руках.

– Ты ещё здесь? Держи...

Он отдал Богдану дорогую ношу, а сам, как раньше кот, тоже выбежал на улицу. Оставалось ждать. Женщина не шевелилась, но и потерей сознания её состояние назвать было нельзя. Она спала. Просто спала, как безмятежно спит младенец. Богдан осторожно переступил с ноги на ногу, стараясь стать поудобнее, и при этом не разбудить спящую, но та внезапно открыла глаза, по-доброму улыбнулась и совершенно спокойным ровным голосом произнесла:

– Миша? Вот и встретились. Я знала, что рано или поздно это произойдет...

Женщина снова уснула, и в это время возле дома остановилась карета «скорой помощи». Через несколько минут хозяин, его мама и кот уехали, оставив Богдана в неведении, кто же такой Миша...

Артиллерийским обстрелом уничтожило почти всю улицу. Безголовые мертвые дома, выжженные начисто внутри, покореженные сараи и изувеченные деревья пугали своим черным уродством, даже отдалённо не напоминая, что совсем недавно здесь кипела жизнь. Живыми были только люди, снующие на пожарищах. Они разбирали дымящиеся завалы, сортировали уцелевшие материалы, одежду, посуду, бросая все на отдельные кучки.

«Что они делают? – мелькнуло в голове. – Зачем собирать испорченные вещи, по большому счету это негодный, загубленный хлам, не подлежащий восстановлению?» И вдруг до него донеслось:

– Мама, мамочка, ты посмотри, что я нашла! Юбку! Мама, синюю юбку!.. Мою любимую! И, кажется, целую! Еще бы кофточку найти – и будет в чем в школу ходить!

Удар был настолько сильным, что он почувствовал его физически, а ещё к нему пришло понимание случившегося. «Господи, ведь эти люди потеряли все! Меньше часа назад у них был свой дом, своя жизнь, а сейчас все это превратилось в кучу мусора, в груды обгоревших кирпичей и пепла. Господи, за что?» – нечаянно он повторил слова недавнего встречного и ускорил шаг. Мозг от избытка мыслей горел огнем: «Что делать этим людям? Как им жить? Где им жить? Где?..»

Он шел по разбомбленной улице и, как прежде взрывы, считал разрушенные дома. После шестого он понял, что все боеприпасы, все до единого, попали в цель. Он пошел быст-

рее, потом побежал, побежал, опустив голову вниз, чтобы не смотреть на обугленные скелеты недавних человеческих жилищ. Он позорно убегал, стараясь не думать, что разорвавшиеся снаряды были выпущены руками таких же людей... таких же, как он, людей...

Внезапно ему показалось, что душа его на мгновение раздвоилась, что одна её часть осталась здесь, на черной расстрелянной улице среди домов-головешек, а вторая улетела туда, откуда прилетели смертоносные посылки, где, прикрыв для верности глаз, старательно вглядывается в прицел миномета наводчик, выбирая себе новую цель, новую жертву...

Задыхаясь от быстрого бега, он свернул на перекрестке и остановился, как вкопанный – просто перед ним внезапно появился другой мир. Богдан протер глаза, но видение не исчезало – в паре сотен метров от него, вдоль узкой ленты асфальта, стояли аккуратные кирпичные дома, покрытые разноцветной черепицей. У каждого дома за опрятным забором росли ухоженные деревья и цветы. И над всем этим великолепием на свежем голубом небе сияло яркое августовское солнце.

«Как же так? Разве может такое быть? Разве это возможно? Это обман! Иллюзия! Мираж!» – он оглянулся в поисках кинокамер, режиссеров, актеров, но тщетно – вокруг, кроме него самого, никого больше не было.

Все ещё не веря своим глазам, он повернулся и пошел обратно, пошел назад, туда, где только что был обстрел, где

ещё дымились развороченные дома, где посреди дороги лежал женский труп, накрытый закопченной дырявой простыней, а поперёк гаража, в котором его оставил Григорий, покоилась старая толстая липа. Он возвращался в войну, и в самом дальнем уголке сердца у него ещё теплилась надежда, что, возможно, именно там идут съемки, и именно сожжённая улица не настоящая, а декорации к фильму.

Действительность была жестокой. Покружив несколько минут возле свежих пепелищ, тщательно выискивая подставу, Богдан снова вернулся на перекресток. Теперь он боялся, что за время его отсутствия могло что-то измениться по ту сторону жизни – мирной, не обстрелянной смертью жизни.

«Слава Богу! – облегченно выдохнул он, увидев первый дом. – Слава Богу!» Все было на месте: совершенно целые дома с нетронутыми стеклами в таких же целых, не поврежденных оконных рамах, зеленые деревья и кусты за аккуратными чистыми заборами, и солнце – яркое августовское солнце, не затянутое дымом пожарищ.

Осторожно, почти не дыша, и все ещё не доверяя своим глазам, он направился в сторону улицы. Один дом... Никого. Второй... Третий... Пусто. Возле четвертого калитка во двор открыта. Он оглянулся по сторонам и пошел к дому. Снова никого. Входная дверь тоже открыта. Богдан шагнул внутрь – ни души. Развернулся, чтобы выйти, и вдруг до него донеслось еле слышное:

– Дядя, не уходи! Нам страшно!

Шепот доносился откуда-то снизу, из-под кровати. Он присел, откинул цветастое покрывало и в самом дальнем углу увидел двух ребятешек – старший, мальчик, прижимал к себе девочку поменьше.

– Не уходи, пожалуйста, мамы дома нет, а Светка стрельбы боится!

Дети гуськом выползли из своего укрытия.

– Я-то что? Я не боюсь! Я – мужчина!

Храбрый мужчина лет семи, заикаясь и раз за разом повторяясь, рассказывал, как он не струсил, когда начались взрывы, как он бесстрашно спасал сестру, спрятав её под кроватью, как успокаивал её, и сам почти ни чуточки не плакал, а Богдан не знал, что сказать детям, чтобы их утешить. Оказалось, ничего не надо – сделав серьезное выражение лица, мальчик успокоил его самого:

– И ты, дядя, не переживай – если снова бомбить станут, у нас место для всех найдется, смотри, какая большая кровать!

– А кого это ты, Женечка, под кроватью прятать собираешься?

– Вот... Дядю... – неуверенно произнес Женя и тут же закричал: – Мама! Мамочка! Ты пришла! А знаешь, что у нас случилось? Знаешь? Нас бомбили!.. Представляешь, бомбили!.. По-самому по-настоящему!.. Так грохотало, будто гроза, только совсем-совсем без дождя! Но ты не думай – я не струсил, я не испугался...

Мама обняла детей, прижала к себе, а те вырывались из

её объятий, чтобы рассказать об обстреле. Богдан тихонько вышел, чтобы не мешать семье. Он снова шел по безлюдной улице, но отсутствие людей уже не удивляло его – все пространство вокруг было заполнено ощущением подспудного страха и безотчетной тревоги, заставляющим малодушно оглядываться по сторонам и втягивать голову в плечи.

«А ведь они не живут, нет, – думал он. – Они ждут... Ждут своего часа, даже не задумываясь об этом. Ждут, что каждую минуту их могут обстрелять... Ждут, что каждую минуту снаряд может попасть именно в их дом... Ждут, что каждую минуту они могут умереть... У них нет выбора, они сидят в подвалах под обстрелами, надеются на Божью милость и ждут, накроет их дом или нет... Господи, помоги мне! Объясни, почему я должен это знать?»

В голове пульсировала боль, превращаясь в открытую рану. Рана, в свою очередь, с невероятной скоростью разрасталась, угрожая в скором времени поглотить его целиком, всего, без остатка. Он чувствовал это, знал, но не знал, как предотвратить приближающуюся гибель... А ещё он знал, что что-то пошло не так.

Еще несколько дней назад Богдан был уверен, что он – защитник родной земли, что он – спаситель, герой. Все вокруг в это верили, поздравляли его, когда повестка пришла. И друзья, и знакомые, и соседи радовались. Одна Наталья потемнела.

– Может, не пойдешь? Давай куда-нибудь уедем, дорогой,

насовсем уедем. У нас дети, Богдан, им отец нужен.

– Нельзя, милая, порядок такой...

– Какой порядок? Где ты порядок нашёл? В соседнем доме парня месяц назад призвали... Знаешь, что с ним случилось? Знаешь, где он сейчас? В больнице лежит, без ноги... Ему только восемнадцать лет, а он – безногий инвалид... Через месяц после призыва!.. Это порядком ты называешь? Это порядок, ты говоришь? – Наталья закрыла руками лицо, содрогаясь от плача. – А знаешь, где ему ногу оторвало, знаешь?.. А знаешь, что его мама сказала? «Хорошо, что в живых остался. Другим так не повезло...» Что с нами творится, Богдан? Что? В мирное время...

От волнения Наталию трясло, как в лихорадке. Не отвечая, он обнял плачущую жену, прижал к себе:

– Собирайся, дорогая, к родным на Кубань поедешь. Девочкам до отъезда ничего не говори, так надо, – последнее предложение вырвалось помимо его воли – то ли инстинкт сработал, то ли простая осмотрительность, поэтому, чтобы не выглядеть совсем безнадёжным, он тут же поправился:

– Пусть это будет для них сюрпризом. Недельку-другую погостите, а там, даст Бог, все к лучшему переменится... Тогда и домой вернетесь.

Что переменится, он не знал. Уже с полгода все телевизионные каналы, захлебываясь, рассказывали о жесточайшей войне с российскими войсками на Донбассе, в стране шла неизвестно какая волна мобилизации, во всех школах и

учреждениях плели маскировочные сетки, собирали деньги на бронежилеты и красили мир...

Мир, по новым украинским стандартам, должен был быть в двух цветах – в желтом и синем. И только в них. Другого быть не дано. Поэтому красили все – стены, подъезды, заборы, бровку, брусчатку, мосты... Красили капитально, надежно, самозабвенно, забыв про все на свете, будто кисточкой и банкой масляной краски можно было решить все государственные и личные проблемы.

Соцсети пестрели такими же желто-синими фотоотчетами – яркими, нарядными, как «новые» хрущевки с оконными заплатами и трещинами от земли до неба, или попавшие в зону повышенного патриотизма мусорные баки с общественными туалетами. Отчеты обещали стремительное приближение выполнения плана поголовной патриотизации, и в порядке перевыполнения – возможность красить по-новой.

Наталья однозначно осуждала необычное увлечение молодёжи, укоризненно качала головой, но мыслей своих не озвучивала, а Богдану нравилось происходящее, и он смеялся: «Пусть красят! Они же дети! Это намного лучше, да и безопаснее, чем по городу с факелами расхаживать – людей пугать да киоски громить! Пусть красят, хоть какая-то польза будет, надоест – перестанут!»

Смех его прекратился, когда однажды младшая, Ксюшенька, пришла из школы, выкрашенная в цвета государственного флага: правый рукав куртки и правая часть рюк-

зака – в синий, вторая часть, левая – в желтый. Нос Ксюши был опухшим, глаза – красными от слез, а сама она кипела от возмущения и негодования:

– Завтра я в школу не пойду! И Нина Свежечкова не пойдёт! И вообще – нечего нам там больше делать! Что мы там забыли?

Сделав вывод, что досталось не только их дочери, решили связаться с родителями её одноклассницы. Жена молча сняла с дочери рюкзак и куртку, взяла за руку и увела в ванную. Больше по этому поводу не было произнесено ни единого слова. Наутро Ксения без сопротивления пошла на уроки, созвонившись предварительно со своей подругой и договорившись встретиться с ней у парадного подъезда.

Казалось, все прошло, забылось, но на душе остался горький осадок, остался стыд перед молодым поколением, затянутым в опасные взрослые игры, ведь если хорошо подумать, ничем хорошим это не закончится.

А тем временем по телевизору исступленно призывали к защите «единой страны». Новостные передачи уже давно превратились в сводки с фронта и сообщения о неслыханной воинской доблести украинской армии, ежедневно пачками, да что там пачками, целыми батальонами уничтожающей «российского врага-супостата».

Народ ликовал, а Богдан складывал цифры из рапортов командования и недоумевал – судя по ним, запасы военной техники и живой силы противника должны были уже дав-

ным-давно иссякнуть, если, конечно, они не были безграничны, или не имели функции самовосстановления. Полюбому, что-то в сообщениях руководства армией было не так, что-то настораживало, вызывало сомнения, но что – он пока не знал. Оставалось ждать.

А между тем на кладбищах начали появляться свежие могилы, а в городах – безрукие-безногие калеки и волонтеры-общественники, активно призывающие спасти государство от «агрессора». Для спасения страны подходило все, что под руку попало – от детского рисунка «дорогому защитнику Отечества» до материальной помощи участникам антитеррористической операции.

Материальную помощь принимали круглосуточно и без ограничения – куртки, штаны, подштанники, рис, макароны, гривны, доллары, евро, не брезговали и российскими рублями, лишь бы сумма побольше да купюры посолиднее. Волонтерские организации росли, как грибы после дождя, казалось, что их армия по своему количеству уже на порядок превосходит Вооруженные силы Украины. Добровольные помощники устроили настоящий бум по сбору средств для АТО, затмивший по своей значимости даже желто-синий облик державы...

Задумавшись, Богдан и не заметил, как проселочная дорога вывела его на трассу. Ровная асфальтовая полоса кичилась аккуратной белой разметкой. «Да, живут же люди!» – с невольной завистью отметил качество дорожного покрытия,

вспомнив недавнюю тряску в «минивэне» по родным дорогам. Идти по ровному асфальту было намного приятнее, да и быстрее, не мешали даже рытвины от снарядов и мин, которые можно было запросто обойти стороной, благо места для этого было достаточно.

Солнце в последний раз подмигнуло и скрылось за высоким терриконом, но день не спешил сдаваться на милость ночи, загоня сумерки в придорожные кусты и балки. Пение птиц сменилось звонким стрекотанием цикад, и за их оглушительным хором остался незамеченным новый звук – размеренный гул быстро приближающихся автомобильных моторов.

Машины появились внезапно, как снег на голову, застав Богдана врасплох. Не успев куда-нибудь спрятаться, он стоял на обочине, обдуваемый со всех сторон густым горячим выхлопом дизельных движков, и зачем-то считал белые фуры-близнецы с трехцветными флажками, тяжело, но уверенно уходящие вдаль.

«Вот оно – оружие!.. Танки!.. Боеприпасы!..» – от этой мысли Богдана бросило в дрожь, он в два счета выхватил из кармана сотовый, на ходу лихорадочно нажимая на кнопки, чтобы успеть сфотографировать компромат, но мобильник не включался. Он отчаянно стучал по клавишам, по экрану, ожесточенно тряс аппарат, но телефон все равно не работал.

– Все, проехали, суки! – сплюнул в сердцах, затравленно провожая взглядом удаляющуюся колонну. – Не успел!

Водитель последней машины, совсем молодой парень, улыбнулся, поднял вверх правую руку и помахал ею, прощаясь. Богдану показалось, что он даже подмигнул ему лукаво. Такой неслыханной дерзости от недруга он не ожидал! Бесильно скрипнув зубами, он схватил валяющийся под ногами камень, и совсем по-детски запустил его вдогонку уходящей за горизонт колонне.

«Вражины! Лицемеры! Фарисеи! И как вас земля святая носит?!» – по-военному чеканя шаг по белой линии разметки, он проклинал русских, Россию, водителя грузовика и давал себе обещания бороться с врагами до последнего вздоха.

Ночь застала его в решительном намерении действовать. Как действовать, что делать, он не знал. Ещё не знал. Но зато был твердо уверен, что сидеть, сложа руки, нельзя – время не терпит.

Опасливо оглядываясь по сторонам, первым делом он изучил все, что попало в зону его видимости, что даже отдалённо напоминало неприятеля или вызывало чувство опасности, и только после этого удобно устроился на затвердевшем, как камень, теплом грунте обочины, чтобы наметить хоть приблизительный план своих дальнейших маневров.

Трасса была пустой. После прохождения автомобильной колонны в течение долгого времени на ней не появилось ни единой машины и ни единой души. Тяжелый ровный гул моторов сменился шаткой, почти осязаемой тишиной, готовой в любой миг взорваться от неосторожного звука и рассыпаться-

ся на мелкие дрожащие осколки. Затаив на мгновение дыхание, Богдан внимательно прислушался, но даже ветерок не нарушал спокойного безмолвия степи.

«Ангел пролетел, – пришло в голову из детства. – Как бы я хотел знать, куда он направился!» Он зевнул, обхватил себя руками и чуть было не уснул, когда вдруг совсем рядом с ним раздался леденящий душу зловещий крик ночной птицы. От этого нечеловеческого вопля ему стало не по себе – он содрогнулся, остолбенел, и снова почувствовал себя совершенно беззащитным и беспомощным, как будто разбитый параличом, один среди чужой безлюдной степи, сдобренной только угольными терриконами, редкими посадками да лесополосами вдоль дороги.

Человеку, рожденному и выросшему на Западной Украине, среди леса, у подножия Карпат, безлесая, практически голая чужая территория не внушала доверия, и первым делом ему надо было найти хотя бы временный приют, любую крышу над головой, чтобы можно было спрятаться до завтра, поглубже зарыться, онеметь и оглохнуть, а завтра – будь, что будет... Завтра у него начнётся другая жизнь, не эта, начнётся его личная война, и ничто не сможет остановить его на этом праведном пути...

«На пути справедливого возмездия», – повторил он торжественно вслух, будто смакуя новые ощущения. Посреди абсолютной тишины вполголоса произнесенные слова прозвучали, как набат, и в тот же миг в нескольких метрах от

него раздалось частое хлопанье крыльев, и в небо с жутким хрипом взмыл большой серебристый ворон.

Он снова вздрогнул, испуганно сжался, почувствовал, как между лопаток пробежал липкий неприятный холодок, а в горле пересохло от страха, ползучего звериного страха, от которого деревенеет шея и немеют ноги. Но оцепенение быстро прошло, и неожиданное появление птицы Богдан расценил, как знамение, как поддержку высшими силами его будущей борьбы с врагом-супостатом. Настроение сразу улучшилось. Уже совсем с другими чувствами он продолжил обдумывать свои дальнейшие действия, конечным пунктом которых должно было стать воссоединение со «своими».

Затихшие на время цикады возобновили свое размеренное стрекотание. По степи пронесся свежий ветерок, напомнивший, что время безвозвратно уходит, а место, где можно было бы часок-другой переспать, чтобы завтра вовсе без сил не упасть, так и не найдено. Эта неизвестность угнетала его, подавляла волю, не давала шагу ступить. Он вынул из кармана мертвый телефон, раздражающий своим тупым молчанием, потёр о штанину в надежде чуда, но чудо не произошло – мобильный так и не ожил.

Чтобы не поддаваться панике, он прочитал молитву, потом еще одну, и ещё, шел и читал молитвы, заканчивая одну и тут же начиная новую, но безотчетный страх то и дело заставлял его оглядываться по сторонам, держал в постоянном напряжении, не разрешая ни на мгновение расслабиться.

«Все, абсолютно все кругом – птицы, насекомые, звезды, помогают мне!» – как спасительную мантру, повторял Богдан, не особо переживая, что единственной звездой на темном полуночном небе является спутник, а взмывший рядом странный ворон больше напугал его, чем взбодрил или помог.

Не переубедило его в обратном даже то, что в поисках места для ночлега ещё битый час пришлось топтать по асфальту, и когда ноги уже совсем отказывались идти, а в горле пересохло от нестерпимой жажды, в нескольких метрах от трассы, в лесополосе, он заметил расплывчатые очертания громадного предмета, похожего на танк или машину.

Первым его желанием было бежать! Бежать, куда глаза глядят, бежать, чтобы не пропасть попусту, задаром! Но легко сказать бежать, когда тебя шатает из стороны в сторону от усталости, и сил нету даже стоять, не то, чтобы идти. Тогда, немного успокоившись, и понижая припадая к земле, он несколько минут внимательно наблюдал за объектом. Тот вел себя на удивление мирно – совершенно не двигался и не издавал никаких звуков. «Господи, так это же копна сена!» – дошло до него наконец.

Воровато оглядываясь по сторонам, он несколько раз обошел темный силуэт, тихонько кашлянул, потом – громче, и лишь после этого шагнул к стогу. Сено было свежим, душистым и невероятно вкусно пахло клевером. От этого запаха в животе заурчало, напоминая о голодном дне. «Утро вечера

мудренее», – привычно успокоил себя Богдан, зачем-то пожевал сухой стебель, зарылся поглубже в духмяную копну и закрыл глаза.

И снилась ему бесконечная вереница машин, с тяжелым сытым гулом проносющаяся по ровной, как стекло, трассе, а в каждой машине – ухмыляющийся, подмигивающий шофер с громким противным голосом:

– Мужик, а, мужик!

Он собрался с силами и поднял руку, сжатую в кулак, чтобы заехать смеющемуся врагу прямо в его бесстыжую физиономию.

– Ты чего? Умом тронулся? Я тебя уже минут десять, как бужу! Ты, давай, убирайся подобру-поздорову, мне сено грузить надо.

Только сейчас Богдан открыл глаза и увидел возле стога, в котором заночевал, пустую телегу, а рядом с ней – безмятежно жующую траву гнедую лошадь. Возле скотины стоял рыжий курчавый человек приблизительно сорока лет отроду с вилами наперевес.

– Ты чего на людей-то бросаешься? Хорошо, я успел отскочить, а то бы уже и фингал схлопотал. Ну, коль бодаешься, сделаем по-другому! Вот тебе повозка, а вот тебе инструмент – за мотель надо платить.

Богдан молча кивнул, принимая вилы, и взялся за работу. Даром, что родился и большую часть жизни прожил в городе, он был привычный к сельскому труду, и через несколько

минут, забыв обо всем на свете, с удовольствием укладывал на воз пахнущее летом сено, словно впервые в жизни наблюдая, как блестящие гладкие зубья, будто в масло, легко вонзаются в копну.

Ему казалось, что более важного дела сейчас в мире нет, что где-то далеко позади, в другой жизни, осталась его неприкаянность, терзающие душу сомнения, мобилизация, война... Нет этого! Ничего нет! Есть только он, есть сено, есть старая мудрая лошадь, застывшая в безмолвном недоумении, и больше – ничего!

Рыжий внимательно наблюдал за Богданом, в руках которого вилы летали, будто им приделали крылья. Заметив, что незваный гость малость выбился из сил, он подошел к нему, чтобы заменить, но тот неожиданно отскочил в сторону, выставив перед собой, будто оружие, острые железные зубцы вил.

– Ну-ну, угомонись, мужик! Устал – маленько отдохни, а я закончу сам.

Вскоре весь стог перекочевал на воз.

– Ну вот, готово, – одобрительно крякнул хозяин, тщательно сгребая остатки сухой травы на месте недавней копны.

Он не спеша обошел повозку, ласково похлопал по крупу коня, еще раз домовито поправил подпруги, закрепил на повозке вожжи и только после этого скомандовал:

– Пошли. Меня Саввой зовут. Сразу же повторяю – не

Славой, а Саввой, в честь прадеда назвали. Не люблю, когда имя коверкают, а то бывали случаи... – совсем по-детски пожаловался мужчина. – Так вот, сейчас, первым делом, к нам – покушаешь, помоешься, в порядок себя приведёшь, а там... А там будем посмотреть, что делать дальше.

Идти пришлось недолго. Лошадь хорошо знала дорогу домой. Не торопясь, она с достоинством тянула груженую телегу, искоса поглядывая на Богдана пушистым влажным глазом, будто пытаясь разглядеть, что он за человек, а они шли рядом, лениво переговариваясь про погоду, урожай, про политику. Стараясь не сильно увлекаться, Богдан в двух словах поведал Савве историю, как перед смертью мама просила найти близкого ей человека, и даже показал его фотографию и адрес, но по дороге на Донбасс их бус наехал на мину, и только чудом он остался жив. Оказалось, что поселок в адресе почти рядом, в соседнем районе...

– Са-а-а-в-ва-а-а!

От неожиданности Богдан присел, втянул голову в плечи, его глаза забегали в поисках хозяина зычного голоса, но, кроме маленькой женщины на резном деревянном крыльце, никого не увидел. Он оглянулся на своего нового знакомого, еще раз недоуменно посмотрел на женщину, и тут снова прозвучало громогласное:

– Са-а-в-ва! Ты где шатался, пострелок? Я уже и блины испекла – стынут, и детей напоила-накормила – с гусями на пруд отправились. Быстро в избу. А ты, мил человек, кем бу-

дешь? – женщина вопросительно сощурила глаза, заглядывая в душу. – В дом заходи, не стесняйся.

Богдан давно уже перестал удивляться открытости этих людей, но вчерашняя колонна машин изрядно поубавила веру в чистоту их помыслов, поэтому только кивнул головой.

У Саввы зазвонил телефон. Он отошел в сторону, с кем-то по-быстрому переговорил и, вернувшись обратно, тотчас объяснил:

– Там гуманитарка пришла, мне в поселок смотаться нужно...

– Ничего не случится, если уедешь через полчаса. Заходите в дом, кормить буду.

В открывшуюся дверь вырвался густой запах еды. Желудок Богдана тут же откликнулся голодным требовательным бурчанием. Он торопливо прижал к животу руки, но запах был такой аппетитный, что внутри забурчало снова, а во рту собралась слюна. Как нашкодивший ребенок, он украдкой сглотнул её, потупил глаза и застыл в ожидании дальнейших указаний. Хозяйка дома не заставила себя ждать.

– Меня Татьяной Ильиничной можешь кликать. Ты, – обратилась она к сыну, – рассказываешь мне, где нашел этого чумазого, а ты – идешь в ванную приводить себя в порядок. Да, свежее полотенце там же ищи, в ванной, в тумбочке. И остальное – тоже.

В ванную идти не хотелось, хотелось кушать, но приказ есть приказ, и обсуждению он не подлежит.

Едва прикоснувшись к крану, он подставил под тонкую теплую струйку руки и невольно заглянул в зеркало. Оттуда за ним внимательно следил старый измученный человек с темными бороздками морщин на измятом немывом лице. Дополняли неприглядную картину красные воспаленные глаза и отрешенный, загнанный взгляд. По виду человек был очень похож на прежнего Богдана, только лет так на двадцать старше.

«Удивительно, как меня в дом не побоялись пустить? Как после бодуна», – констатировал горько, пытаясь причесать негнушимися пальцами спутанные волосы. Затем открыл кран на полную мощь, подставив руки под горячую струю, пока они снова не стали податливыми. Плеснул в лицо водой. В зеркале было видно, как мокрые ручейки, мутные от пыли, стекают по отросшей щетине, придавая лицу еще более неряшливый и запущенный вид. От этого неприятного зрелища к самому себе возникло отвращение.

В дверь тихонько постучали. В испуге он отшатнулся от зеркала, как от ядовитой змеи, но тут же успокоился, услышав: «Богдан, я тут одежду чистую тебе приготовил, ложу под дверь». Опять подошел к зеркалу, смочил руки, приглаживая непослушные волосы. Потом намочил еще раз, за чем-то провел ими по рубашке и брюкам. На ладонях остались грязные следы.

Через минуту он стоял под душем, ожесточенно смывая с себя грязь, пыль, дорогу, войну, а заодно и кожу, беспощад-

но растирая её жесткой мочалкой, а еще через пять минут, вымытый до скрипа, одевал на себя чужую одежду, словно примерял чужую жизнь...

В горнице никого не было. Стандартная мебель, как у всех: шкаф, диван, два мягких кресла, аккуратный журнальный столик с увесистой стопкой журналов и газет, рядом – стол побольше, с привычными венскими стульями, на стенке над столом – старая черно-белая фотография в тонкой деревянной рамке под стеклом. На портрете – молодожены: широко улыбающаяся круглолицая красавица – Татьяна Ильинична, и смущенный худощавый молодой человек, по всему, её муж. Посреди стола – хлеб, накрытый вышитой крестиком салфеткой, совсем, как дома, во Львове. В желудке снова засосало.

– Богдан? Присаживайся, – Татьяна Ильинична несла полную тарелку парующего борща. Она окинула взглядом гостя и осталась довольна увиденным. – Вот так-то лучше! Как тебе одежда? Впору? Да не смущайся ты, как красна девица, разное в жизни случается, время такое... И кушать не стесняйся – не бедствуем, слава Богу. Это раньше трудно было, в девяностые... Не знаю, как у вас тогда, но у нас, как вспомню... Вроде все работают, а в доме пусто – зарплаты не дают, не за что продукты купить. Пережили, слава Богу, на ноги встали, детей подняли... А тут, прости Господи, другая беда приключилась – война. Кому-то ведь надо было поссорить народ? Да ну их, Бог все видит, не слепой. Я же, Богдан, то-

же из Западной, из Трускавца... Да ты ешь, дорогой, ешь, не стесняйся! Я тебе еще блинов принесу! Вкусные блины получились, тебе понравятся.

Татьяна Ильинична проворно выбежала из комнаты, а Богдан ел борщ, самый вкусный борщ в его жизни, и удивлялся, как могут кому-то не понравиться блины. За трапезой он даже не услышал звука подъехавшего автомобиля.

– Мама, а, мама!..

– Да здесь я, здесь. Чего не терпится? Дай человеку спокойно покушать.

Савва еле сдерживался, переминаясь с ноги на ногу, но матери не перечил, а та все подкладывала еду неожиданному гостю, приговаривая:

– Ты ешь, милый, ешь, чай, не чужой...

После этих слов Богдан неожиданно вспомнил инструктора: «Кушать и пить на вражеской территории вне воинской части категорически запрещается».

Как же он забыл? Неужели за миску борща продался? Тарелка с недоеденными блинами, словно живая, отъехала к центру стола, а сам он вскочил, будто ошпаренный, задев попутно ногой соседний стул.

Татьяна Ильинична побледнела, бросилась к нему:

– Богдан, сынок, что с тобой? Тебе плохо? Тебе что-то болит?

От этих слов стало еще хуже. Хотелось завывать от безысходности. Он сжал обеими руками голову, пытаясь унять

пульсирующую боль, но молоток продолжал долбить в мозг: «Они – враги! Они – враги!...»

Савва обнял его за плечи, прижал к себе, будто больного, терпеливо нашёптывая:

– Успокойся, все в порядке... Все будет хорошо. Давай присядем. Вот так, а теперь сюда...

Очнулся Богдан на диване. В соседней комнате звонкий женский голос взволнованно перечислял: «...Кровлю сегодня, слава Богу, закончили. Мусор вывезли. Дыры в стенах заделали. Завтра окна еще обещали, сразу и поставят... С западной стороны все нужно менять».

«Ишь, как разошлась! Небось, ещё и пальцы загибает? – подумал въедливо. – Новую крышу ей подавай, и окна, а ведь кричат: «Война! Война!» Он поднялся. Осторожно пощупал голову. Острая боль прошла, осталось только гнетущее чувство раздражения, досады и обиды на весь мир, и это чувство не помещалось в голове, давило изнутри, пытаюсь вырваться на волю. «Надо уходить, пока не поздно! Нужно искать своих!»

«...Вчера Петрович грозился компьютеры подвезти! Не новые, конечно, но нам-то что, лишь бы работали, а там, смотри, и на новые разживемся...», – продолжала отчитываться девушка.

«Ого, да тут целый сговор, – он снова прислушался. – Интересно, где же это во время войны строительством занимаются, да еще оргтехнику завозят, почти новую?»

Любопытство взяло верх над осмотрительностью. Он поправил на себе одежду, прошелся пятерней по волосам, глубоко вдохнул, выдохнул и толкнул дверь.

За столом пили чай. В компании уже знакомых Богдану Татьяны Ильиничны и Саввы находились две молодые женщины, младшая из которых, с короткой модной стрижкой, в роговых очках на вздернутом носике, увлеченно делилась с другими своими достижениями. Появление гостя не вызвало у присутствующих особого удивления или смущения, и после короткого знакомства разговор продолжился.

На этот раз слово взяла вторая женщина, оказавшаяся женой Саввы и по совместительству – завучем местной школы:

– На первых порах будут, конечно, неудобства – правое крыло полностью разбито, придется в две смены работать, но до холодов, думаю, сумеем управиться. Родители обещались помочь, да и поссовет не оставит в беде, так что будем мы со школой. Ну, а ваши, Богдан, дети как? Где они сейчас? В школу ходят?

Сидящие за столом разом замолчали, повернувшись к нему в ожидании ответа. Казалось бы, совсем безобидный вопрос, но удар был ниже пояса. Только сейчас он понял, что натворил – сам, лично, отправил детей с Натальей в Россию. Конечно, его жена у себя на родине, она не пропадет, а вот девочки... В последнее время им и во Львове не сладко жилось, ведь все знакомые знали, что их мама – москалька. Это так, но во Львове был он, их отец, всегда готовый стать на

защиту дочерей, да и сами они родились в этом городе, а кто их защитит на чужбине, тем более, сейчас, когда идет война с соседним государством?

Голова снова заныла. Он медленно отхлебнул глоток горячего чая, вспоминая указания инструктора: «Сообщать о местонахождении родных – запрещено. Враг не спит».

– Дома. У нас все спокойно.

– Вот и хорошо, что дома!

На этом все облегченно вздохнули и продолжили разговор.

– Сегодняшний день удался на славу! Вишь, сколько дел переделали, – подытожил Савва. – Знаешь, Света, там с транспортом книжки пришли, ты бы заглянула к нам, может, себе в школу что-нибудь подобрала бы – так быстро расходятся, что завтра можешь не успеть. Ах, да, мама, тебе привет от Людмилы Александровны! Представляешь, её дом уцелел, так она к себе погорельцев пустила, с детьми. Велела кланяться, в гости звала.

Богдан не понимал, что происходит: у них рядом война, жизнь рушится, трещит по всем швам, а они сидят себе беззаботно, чай распивают, в гости друг дружку приглашают! Казалось бы, должны... Что должны были делать эти люди, и чего не должны, он так и не додумал, не успел.

– Ну вот, – встал из-за стола Савва, – мне пора. Я в штаб сейчас, заодно и Богдана в город подброшу, оттуда легче будет выехать.

Восторгу Богдана не было предела, душа его ликovala и пела, и он боялся, что не выдержит, что закричит от счастья: «Спасибо тебе, Господи, что услышал меня! Спасибо за помощь!»

Теперь он точно знал, что с каждым часом все ближе и ближе его встреча со своими, и он придет к ним не с пустыми руками. Вчерашняя автомобильная колонна с российскими флажками, которую он встретил по дороге, была, конечно, весомым доказательством военной агрессии, но оказаться в штабе, в самом сердце сепаратистов – намного выше его желаний, и этот шанс он не может упустить!

Из дому выехали только через полчаса, после того, как багажник машины был доверху наполнен какими-то мешками, коробками и пакетами. В салоне тоже не было свободного места – на задние сидения улеглись теплые одеяла, подушки, куртки, свитера... Складывалось впечатление, что семья переезжает, но спрашивать об этом было как-то неудобно.

Наконец-то все вещи заняли свои места, Татьяна Ильична вложила в руки Богдану увесистый кулёк: «С Богом!», машина завелась, слегка дернулась и вывернула на трассу. Метров через пятьдесят, возле небольшого озера, Савва поигналил. Две рыжие девочки лет десяти помахали ему в ответ.

– Мои! – гордо обронил мужчина.

«Мог бы и не объяснять, и так видно – рыжие обе, конопатые, один в один – папаша, – иронично подумал Богдан и

вздыхнул. – А где же сейчас мои девочки? Что делают? Чем занимаются?»

Савва включил радио, и машина наполнилась нежными, почти невесомыми звуками фортепиано.

– Наша! Донецкая! Валя Лисица! – снова с гордостью произнес он, назвав исполнительницу музыки по имени, будто добрую знакомую.

Краем уха Богдан слышал, что известная пианистка с мировым именем, в последнее время проживающая не то в Америке, не то во Франции, публично осудила войну против жителей Донбасса. В связи с этим разразился скандал в соцсетях, и Украина, в свою очередь, осудила пианистку, запретив ей въезд на родину. Правда, насколько ему известно, родилась Валентина Лисица не в Донецке, а в Киеве, но переубеждать Савву в обратном сейчас не имело смысла.

Колёса мягко шелестели по асфальту, словно дополняя Шопена. Навстречу неслись электрические столбы, деревья, кусты, изредка попадались случайные прохожие. И вдруг среди этих редких путников он увидел свою семью.

Первой ехала Ксения, на велосипеде. Сразу бросилось в глаза, что велосипед – чужой. Потом он заметил, что и ехала Ксюша не так, как всегда, странно как-то ехала, неестественно, да и выглядела она при этом необычно, будто не своя, не родная – была слишком строгой, без своей постоянной улыбки, а ещё слишком прямо сидела, слишком старательно всматривалась вперед... Приглядевшись, Богдан с удив-

лением заметил, что педали на велосипеде не крутятся, но он все равно едет.

Вслед за дочерью шла Наталия. Такая же строгая, неприступная, как и Ксения. Чужая. Поравнявшись с машиной, жена повернула в его сторону голову и раздвинула, будто резиновые, губы. Её улыбка больше напоминала застывшую бледную маску. В испуге он отшатнулся от окна, но тут же ухватился за ручку, пытаясь открыть дверь. Он крутил её, рвал, дергал, звал дочку и жену, просил не уходить...

– Богдан... Богдан, успокойся. Проснись... Я здесь, я рядом... Успокойся, прошу тебя! Угомонись!

Он открыл глаза и увидел рядом с собой Савву. Тот тормозил его, бил по щекам, что-то громко кричал. Богдан в недоумении смотрел на мужчину, не понимая, что случилось. Его растерянность ещё больше увеличилась, когда в своих руках он увидел дверную ручку. Беглого взгляда на дверь машины хватило, чтобы понять, что произошло что-то невероятное, что-то из ряда вон выходящее.

Савва потихоньку вытащил его из салона и усадил на землю. Таким же образом неторопливо забрал сломанную ручку, а вместо нее вложил в руку бутылку с водой. При этом он что-то приговаривал, пытаясь успокоить и своего пассажира, и себя. Ещё через несколько минут они готовы были ехать дальше.

Богдан чувствовал себя провинившимся школьником. Он смущенно переминался с ноги на ногу, не зная, как объяс-

ниться.

– Ты извини, Савва, сон мне приснился, нехороший сон, жуткий больно. Как там дети, как Наталья? Не знаю... Ничего не знаю. Переживаю сильно... Скучаю я по ним, Савва, вот и снится всякая ерунда.

– Тебе бы отойти чуток, успокоиться. Может, обратно к нам? Отдохнешь денек-другой, в себя придёшь, а там и к родственнику своему отправишься. Думаю, никуда он от тебя не денется, коль до сих пор здесь живёт, а если нет – тем более. Ну, так что, согласен?

Он был не согласен. Точнее, с тем, что ему нужно успокоиться, он был согласен, но с тем, чтобы в дом Саввы возвращаться – нет.

Иногда ему казалось, что после взрыва на дороге прошли не сутки, а полжизни, и сейчас он – и вовсе не он, а старый, дряхлый старик, уставший от неизвестности и одиночества. Он чувствовал себя разбитым, потерянным и бесхозным, будто с подрубленными корнями, отчего ещё больше укреплялся в желании попасть к своим. Он должен был это сделать. Любой ценой. И прежде всего для того, чтобы снова обрести былую уверенность, чтобы снова поверить в свои силы.

А ещё ему было стыдно. Стыдно за то, что он осознанно обманывал людей, которые вызвались помочь ему, просто так помочь, безвозмездно, не требуя взамен платы, не требуя благодарности. Савва понял его без слов, больше не стал

настаивать.

Дальше их путь лежал по проселочной дороге. Глаза от усталости постоянно смыкались, голова, непривычно тяжелая, валилась на грудь, но он усердно всматривался вперед, разглядывал местность по сторонам, стараясь освоиться, запомнить хоть какие-нибудь ориентиры – мало ли что в жизни может пригодиться.

Вскоре лесополоса вдоль дороги закончилась, показались деревенские дома. Савва сбавил обороты. Лицо его потемнело, из плотно сжатых губ слова вылетали, как выстрелы:

– Из минометов, мрази, лупили. Ад крошечный! Вон как асфальт вспахали. Почти вся деревня сгорела. Люди погибли. Раненых много.

Село представляло собой жуткую картину: обугленные, разрушенные дома, обвалившиеся заборы со свежими метками, ободранные, полуживые деревья... Практически в каждом дворе из раскуроченных гаражей торчали иссеченные слепыми осколками снарядов задницы мертвых машин.

Машина медленно объезжала опрокинутые навзничь некогда осанистые тополя и огромные рваные раны на асфальте. Савва молчал, но даже его молчание было полно решимости отмщения, расплаты за содеянное с родной землей.

Богдану стало не по себе. И не столько от увиденного, сколько от вида человека, недавно доброго и покладистого, а сейчас – требующего возмездия. Вывод был неутешительным, но он еще больше укрепил его в намерении найти сво-

их, тех, у кого одни с ним корни, одни мысли и одни желания.

В самом конце поселка дома остались нетронутыми, хотя в большинстве своем выглядели сиротами-подранками – с заколоченными крест-накрест окнами, с амбарными замками на дверях.

Только подумал: «Совсем, как в фильмах об Отечественной», как услышал:

– Хозяева от войны убежали.

За воротами одного из немногих жилых домов находились люди. Им-то и предназначалось содержимое машины.

– Людмила Александровна, здесь вашим постояльцам посылочка прибыла!

На голос Саввы из двора вышла улыбающаяся пожилая женщина в наброшенной на плечи шали, как две капли воды похожая на школьных учительниц из советских фильмов. Вслед за ней гуськом потянулись остальные домочадцы, и через несколько минут они с удовольствием таскали в дом продукты и вещи, не забывая при этом шутливо толкать друг дружку локтями и подчеркнуто вежливо раскланиваться при встрече в узкой калитке. Кто-то из старших детей предложил поиграть в новоселье, что вызвало очередной взрыв эмоций.

Несколько минут – и груз перекочевал в дом, а машина продолжила свой путь. Еще через полчаса они въехали в город. И снова остановка. «Наверное, домашние Савве задание дали, попросили что-то купить в магазине,» – с ходу определил Богдан причину задержки по длинной очереди возле од-

ного из зданий, и был чрезвычайно удивлен, когда услышал:
– Все, приехали! Выгружайся!

Помещение совершенно не походило на штаб. «Магазин – да, предприятие – возможно, но, чтобы штаб? Даже с натяжкой, даже с большим преувеличением...» – думал он, следуя за Саввой. От него и услышал для себя малоприятное:

– Вчера гуманитарный конвой из России пришел. Ребята целую ночь продуктовые наборы паковали. У нас как: кто может сам забрать – приходит, пенсионерам, инвалидам – в основном мы развозим. Сейчас загрузимся и по списку... Ты меня возле машины подожди, хорошо? Я мигом...

Вот тебе и «сердце сепаров», вот тебе и разведданные! Надежды добыть информацию рухнули в одночасье. Больше ничего не держало его на чуждой ему территории. Дождавшись, когда Савва уйдет по делам, Богдан покинул мнимый штаб, оказавшийся обычным центром по выдаче гуманитарной помощи населению, хотя кое-что ему удалось-таки выяснить. Из подслушанного в очереди разговора он узнал, что «укры засели в Донецком аэропорту». Информация была свежей, как говорится, ещё горячей, и подкреплялась глухими ударами в указанном направлении. Ему-то и надо было к этим украм, к своим.

Идти к назначенной цели решил окольными путями, где любопытных глаз поменьше, чтобы дурных вопросов не возникало, в городе ориентироваться по дорожным знакам, а за его пределами – как получится.

Так случилось, что прожив немало лет в западной части страны, остальную её территорию он практически не знал. Был несколько раз в Киеве, ещё в школе, с экскурсией, потом – на Майдане, в Одессу ездили однажды всей семьей – на море, в Крым – опять-таки на море, отдыхать, но, чтобы восточнее, нет, никогда бывать не приходилось. Сейчас тоже не время для экскурсий, тем более, город как город, разве только улицы пошире, попросторнее, чем во Львове, да...

Следующий дом, черный от копоти, с проваленной кровлей и выбитыми окнами, прервал сравнения. За ним – второй, такой же инвалид, безлюдный и безжизненный, по колени в грудах битых кирпичей с верхних этажей, третий... Дальше он шел, не поднимая глаз, чтобы не видеть раскуроченных, раздолбанных, выгоревших внутри зданий, с немым укором взирающих на людей, забравших у них душу.

С прощальными лучами заходящего солнца город остался позади. Нечеловеческая усталость валила с ног. Казалось, прошедший день высосал из него все силы, лишил здоровья и последнего желания жить завтра. Ватные ноги откровенно протестовали, отказываясь идти дальше, но остатки здравого рассудка вынуждали думать о безопасности – как-никак, вокруг него находилась чужая земля.

Заметив в нескольких метрах кусты, он свернул с дороги и, как мог быстрее, не оглядываясь по сторонам, побежал к ним – нужно было ещё засветло найти себе удобное место для ночлега. И вдруг, когда он был почти возле самой цели,

нога его угодила в яму. От неожиданности Богдан пошатнулся, потерял равновесие и со всего маху рухнул на землю, буд-то подкошенный...

В голове гудел колокольный звон. Монотонно, навязчиво, противно. С бешеной скоростью проносились обрывки снов, эпизоды фильмов, пылали костры на Майдане, менялись на сцене депутаты, заламывая руки, о чем-то беззвучно просила-предупреждала мама...

На смену звону пришел посторонний запах. Чужой запах... Непонятный и неприятный... Что-то среднее между немытым, потным телом и бензином или свежим нафталином.

Потом он почувствовал на себе чужой взгляд. Стараясь не шевелиться, чуть-чуть приоткрыл один глаз и сразу же уперся в не мигающие стеклянные глаза напротив.

Мертвенно-бледное лицо находилось в нескольких сантиметрах от его головы. Лёгкий ветерок, балуясь, пошевелил волосы мертвеца, прикрыв половину лица светлой прядью. Затем на нос трупа медленно, с легким жужжанием, спланировала большая зеленая муха. Звон! Вот откуда звон! Это не колокол, это – мухи!

Он подскочил, как ужаленный, но снова застыл на месте, будто под гипнозом. Теперь уже у него на голове зашевелились волосы, но не от ветра, а от брезгливости. Зрелище было не для слабонервных: нижняя часть мертвеца с оторванными конечностями, со вспоротым животом, была покрыта

сотнями, нет, не сотнями, десятками сотен блестящих темно-зелёных падальниц, которые сыто гудели, почти не отрываясь от своего мерзкого занятия. Рядом с мухами на вывороченных внутренностях погибшего лениво подрагивали жирные белые личинки, отчего казалось, что кишки живые, их только надо прикрыть разорванной кожей.

Закрыв рукою нос, он сделал шаг назад, к кустам, но чуть не упал, споткнувшись о выглядывающий из земли корень дерева. Взгляд его зацепился за ногу, обутую в светлый ботинок, за человеческую ногу, стоящую возле кустов колючей акации. Ошмётки второй ноги находились тут же – висели на тонком столбике с наспех приколоченной фанерной табличкой, на которой было коряво нацарапано: «Аккуратно. Мины». Не по правилам – «внимание», а именно «аккуратно».

«Да, аккуратность здесь не помешает». Богдан попятился к дороге, намереваясь побыстрее покинуть злополучный участок, и в это время одна из кишек трупа вздулась, зашипела и выпустила из себя изрядную порцию ядовитого смрада. В тот же момент его вывернуло наизнанку. Следующие несколько минут его измученное тело сотрясала жесточайшая рвота, пока все содержимое желудка не оказалось на земле.

Мокрый от пота и вконец обессиленный, он еле отполз от страшного места. Сердце его так громко и часто стучало, что казалось, не выдержит напряжения и разорвется в груди, легким не хватало воздуха, а желудок... От невольного

упоминания о желудке живот его снова свело судорогой, и Богдан скорчился в очередном приступе рвоты.

Пожалуй, никогда в жизни он не чувствовал себя более скверно, чем сейчас, и никогда в жизни не видел более отталкивающего, более ужасающего зрелища, чем это. Через некоторое время, немного отдышавшись и успокоившись, он уже трезво оценил последствия случившегося.

Прежде всего нужно было помыться. Лицо, руки, пакет... Пакет? Он изумленно рассматривал в руках своих довольно внушительный кулек, тот, что в последнюю минуту перед отъездом дала ему Татьяна Ильинична, недоумевая, как не потерял его в пути. Кое-как вытерев о траву руки, заглянул внутрь: большой сверток, несколько размером поменьше, яблоки и... телефон. Его телефон! Матерь Божья, его целый, невредимый телефон, к тому же – заряженный!

Дрожащими руками нашел в контактах «Наталья», нажал вызов и услышал: «Ваш абонент находится вне зоны досягаемости. Перезвоните ещё раз или отправьте СМС-сообщение...» Дослушал объяснение до конца, даже на английском, перезвонил ещё раз. Тот же результат. Набрал Татьяну, ещё раз Наталью, Ксюшеньку... Тыкал и тыкал в кнопки пальцем, пока тот не заболел. Хотелось завывать от отчаяния и бессилия...

Короткая передышка помогла собраться с мыслями. Уже спокойно, без лишней паники и суеты, достал из пакета сверток побольше. В нем оказалась его одежда – чистая и даже

выглаженная. Поблагодарил про себя Татьяну Ильиничну. Переоделся. В кульках поменьше находилась еда. Отложил на потом. Погрыз яблоко. Не пошло. Выплюнул. Одежду со следами блевотины оставил под кустами. Извинился перед Саввой. Тоже молча, про себя.

Желание прятаться от людей совершенно пропало. Дальше решил не рисковать и идти вдоль автомобильной трассы. Её расположение он определил сразу – по глухому гудению машин. Постоял немного в непривычной для этих мест довольно густой, примыкающей к дороге, лесопосадке, осмотрелся. Движение на трассе было оживленным. Казалось бы, так и должно быть, на то она и трасса, чтобы по ней машины ездили, но что-то выглядело не так, что-то смущало, по меньшей мере, было странным, непривычным. Понаблюдав ещё немного, он понял, в чем дело – транспорт двигался исключительно в одном направлении, а на противоположной полосе было абсолютно пусто.

«Возможно, люди за город едут – на пикник, там, или на дачу. Смотри, сколько добра с собой везут!» – размышлял Богдан, провожая взглядом машины с грузом на крыше. В другое верить не хотелось. «Другим» он называл появление на Украине беженцев, информация о наличии которых нет-нет, да и проскальзывала в интернете. И власти, и телеканалы яростно опровергали, что из Донбасса массово бежит народ, да ещё не куда-нибудь, а в Россию, по сути, к агрессору.

Богдан верил и не верил. Верил, так как видел видео с

уезжающими, а не верил, потому что верил властям. В конце концов он совсем запутался. «Едут, да и едут, значит, надо ехать», – раз и навсегда решил он для себя эту проблему и стал спать спокойно. И сейчас его мнение не изменилось, ведь на машинах не было объявлений «Бежим в Россию от войны»? Не было. Все, вопрос закрыт.

Немилосердно жгло солнце. Казалось, оно намеренно потешается над Богданом, наблюдая, как он устало бредёт по дороге, не зная, зачем и куда, и испытывает огромное удовольствие, догоняя его и причиняя ему ещё большие страдания. К полудню голова от жары совсем распухла, она отупляюще ныла и раскалывалась на части, а солнце продолжало издеваться – жарило до того беспощадно и бесчеловечно, что временами ему мерещилось, будто оно умышленно целится прямо в самое темечко.

А ещё мучительно хотелось пить. Во рту жестоко пересохло. Еле ворочая разбухшим языком, он непрерывно облизывал пересохшие растрескавшиеся губы, с тоской вспоминая холодную воду из-под крана в доме Саввы и сочные яблоки от Татьяны Ильиничны, которые, к сожалению, уже давным-давно закончились, а дороге не было ни конца, ни края. То ли от жары, то ли от безделья, в голову лезли дурные мысли, а в глаза – лицо соседа.

...С недавних пор Николай сменил род деятельности, переквалифицировавшись в модного в последнее время политического эксперта. Он больше не таскал в кармане затертую

тонюсенькую книжицу стихотворений – «результат бессонных ночей и изнурительного многолетнего труда непонятого современником поэта», изданную в количестве тридцати экземпляров на деньги Надежды, «жены и музы в двух обличках», а готовился стать блогером, как он сам определял – «freelancer, свободным художником, исследующим политику изнутри, из чрева нации».

Для блогерства Коле не хватало сущей мелочи – личного компьютера, так как печатная машинка для этого дела абсолютно не подходила, даже если это был раритетный «Ройял». Муза-Надежда уже работала в нужном направлении – сверхурочно мыла подъезды в соседнем доме, а Коля «брал уроки профмастерства у специалиста» – пятиклассника из седьмой квартиры, и круглосуточно смотрел по телевизору новости, чтобы «не слыть невеждой в блюдах национальной политической кухни». По обыкновению, вечерами Николай докладывал Богдану о ситуации в мире, и нужно признать, получалось это у него намного лучше, чем сочинять пустые романтические куплеты.

В воскресенье шестнадцатого сосед пришел чрезвычайно рано. Он был в строгом деловом костюме, неожиданно чинный и серьезный. Правда, сказать, что он просто пришел, значит, ничего не сказать. Сначала в квартиру вломился запах Николая, его новый парфюм, которым с недавних пор Коля безбожно злоупотреблял. Аромат был настолько густым и насыщенным, что казалось, будто сосед моет-

ся «О'Женом» и даже стирает в нем свою одежду. Насколько знал Богдан, запах этого одеколона при нормальном употреблении легкий, свежий, в армии им его друг, Александр, пользовался, но сейчас лошадиные дозы парфюма давили на голову, не давали дышать.

От избытка аромата Наталья чихнула, закашлялась и, неожиданно вспомнив, что у неё «на плите чайник», пулей выскочила из комнаты, опрометчиво забыв, что чайник в доме со свистком. Знающий об этом, Николай подозрительно повёл ухом в сторону приоткрытой двери, но даже не возмущившись по случаю потери потенциального слушателя, что на него и вовсе не было похоже, молча стал в позу.

«Сегодня ушел Крым! – торжественным голосом Левитана, с эффектными паузами, объявил он, вынул из кармана белоснежный платок, театрально промочил абсолютно сухие глаза и так же пафосно закончил. – Но мы не будем горевать, ведь нам открыт весь мир! Нас ждет Париж, Милан и Рим! Вперед, друзья! Вперед!»

После довольно длительной паузы, рассчитанной, скорее всего, на продолжительные аплодисменты, сосед гордо вскинул голову, выразительно взмахнул ею на манер Андрея Миронова, и отбыл в своё расположение, чуть не упав при этом, банально споткнувшись о порог входной двери.

М-да, референдум на полуострове ещё не закончился, а Николай уже обнародовал результаты. Странно это, очень странно, тем более, что у Богдана было свое мнение по этому

поводу, и явно не в пользу России.

Богдану нравился Крым. Дети также с удовольствием ездили отдыхать на море, а у Натальи там даже подруга завелась, из местных. Неделю назад, как раз в прошлое воскресенье, она звонила жене и тихонько так, несмело, шептала в трубку: «Не знаю, что будет. У меня уже истерика... Боюсь я... Боюсь из дома выходить... Боюсь даже днем. Общаюсь с тобой, а метра за два от меня, за кустом, человек стоит... в защитном... В полный рост! Кто он? Что он? Не знаю... Была у мамы недавно, там тоже стоят... Никого не трогают, ничего не объясняют – стоят... Наташ-ш-ша, представляешь, он улыбается! А может, мне просто показалось?»

В последнее время интернет всюду обсуждал появление в Крыму «зеленых человечков» или, по-другому, «вежливых людей». Относительно их прибытия и пребывания на полуострове версий было гораздо больше, чем пользователей соцсетей, и диапазон их колебался от «военнослужащих всех армий мира» до «пришельцев из космоса», но никто толком не знал, кто они, что они, и, главное, откуда.

Богдан тоже не знал, что там происходит, но очень надеялся, что власти вовремя отреагируют на сложившиеся обстоятельства, ведь на то они и власти, чтобы защищать свое государство, в их руках и армия, и флот.

Мысли об армии посеяли в душе тревогу. Хотелось верить, что ситуация разрешится мирно, бескровно, что никто из крымчан не пострадает, и завтра будет всё по-прежнему,

как вчера, позавчера и двадцать лет назад. А пока что оставалось ждать.

Он включил телевизор, методично прошелся по программам – ничего, прежняя тишина, такое ощущение, будто мир уснул... Через несколько минут выключил его, а пульт спрятал подальше – в ящик комода, чтобы не мозолил глаз. Вроде тихо все, спокойно, никаких новостей, никакой информации, но на сердце было муторно, муторно, как никогда.

Наталья тоже переживала, хотя виду не подавала. Богдан видел, как она несколько раз кому-то звонила, скорее всего, туда же, в Крым, подруге. На том конце провода трубку не брали. Жена откладывала в сторону телефон, бесцельно бродила по комнатам, перекладывая с места на место вещи, чтобы спустя несколько минут повторить попытку связаться с Еленой снова.

Потом затеяла уборку. «Неймется тебе... В воскресенье... Лучше бы в храм ходила, помолилась», – брюзжал он, лениво поднимая ноги, чтобы не вставать с дивана, хотя сам знал, что ждет известий из Крыма с таким же нетерпением, если не с большим.

Понаблюдав какое-то время, как Наталья усердно чистит-моет-трет, и окончательно устав от праздного ожидания, он и себе решил заняться делом. «Может, время быстрее пройдет», – размышлял, машинально доставая с полок книги домашней библиотеки.

Лев Толстой, Фёдор Достоевский, Валентин Пикуль, Тео-

дор Драйзер... Рядом – «Убить пересмешника» Харпера Ли и сборник Славомира Мрожека... Последний – на польском. Когда-то в детстве он прочитал его «Слона», но кроме жалости к обиженным животным – жирафу с короткой шеей, барсуку, у которого не было своей собственной норы, и трём тысячам неустроенных бедных кроликов, ничего не почувствовал.

Он помнит, как спросил у мамы, почему директор зоосада вместо живого слона решил завести резинового, ведь резиновый слон не умеет набирать хоботом воду и выливать её на себя фонтаном в жаркую погоду, а ещё он не умеет осторожно брать с ладони яблоко или бублик, как живой, и не умеет махать ушами, поднимая ветер? Мама ответила, что директор – слишком взрослый человек, поэтому ничего не понимает в слонах, но Богдан больше не читал книг, в которых животные лопают, наколовшись в ботаническом саду на колючки кактусов, а ученики становятся хулиганами, пьют водку и бьют стёкла.

Сейчас же он с интересом открыл первую страницу сборника, нашёл биографию писателя. Польша, Россия, США, Бразилия, Венесуэла, Франция, Мексика и снова Польша, Россия... Весь мир, как на ладони. Горькая неприкаянность, скитания и поиски себя в жизни, названной самим писателем абсурдом. Как следствие – усталость от этого жизненного абсурда, долгое возвращение к себе, домой, и понимание того, «что бывают иные, не европейские пути развития, иной

ритм жизни, иные ценности».

Он не верил своим глазам. Получалось, что писатель, всю жизнь скитавшийся по миру в поисках истины, потратил время впустую? «Но как же так? Как все это понимать?»

«Сын мой, твоя жизнь будет такой, как то, что ты сейчас делаешь, а не такой, как ты сейчас думаешь». Богдан отпрянул от книги, в ужасе оглядываясь по сторонам, по коже поползли мурашки. Ему внезапно показалось, что не он прочитал эти слова, а ему нашептал их сам автор. С громким звуком захлопнул томик, добавив этим ещё больше неосознанной тревоги, почти паники. Потом взял себя в руки, немного успокоился, осторожно, будто стеклянный, поставил сборник Мрожека обратно на место и принялся за следующие книги.

Отдельную полку библиотеки занимали поэтические произведения, тоже классика. С каждым томом, будь то проза или поэзия, была связана своя история, свой путь на эти стеллажи: для покупки одних они с мамой долго и кропотливо собирали макулатуру, другие были куплены по подписке, третьи – доставлены «Книга – почтой» или подарены друзьями...

Он вспомнил, как мама радовалась очередной новинке, ночами перечитывала раздобытое, а потом выставляла в одной известном ей порядке, понять который Богдану было не суждено. После смерти матери он не стал нарушать эту расстановку, оставив книги на их постоянных местах.

В самом дальнем углу шкафа в тяжёлых кожаных переплетах лежали семейные фотоальбомы. Взял верхний, открыл. Из желтоватого овала на него пристально смотрела незнакомая строгая красавица в модной шляпке с вуалью. Закрыв альбом, недоумевая, как в нем оказалась чужая фотография, осмотрел, но ничего необычного не заметил – альбом как альбом, на полке ещё несколько таких же осталось.

Открыл обложку снова, начал листать страницы, на которых повсюду было одно и то же лицо – лицо неизвестной красавицы. На одних фотографиях молодая женщина была одна, на других – в компании пожилых мужчины и женщины, скорее всего, её родителей, ещё на нескольких – с молодым человеком в старинной военной форме иноземного покроя, с ребёнком в кружевном чепчике на руках, опять одна, на фоне дома... На следующей странице находился ещё один снимок дома.

Богдан озадаченно смотрел на светло-коричневую, не совсем качественную, фотографию, понимая, что дом на ней и его настоящий дом – один и тот же, только первый – совершенно новый, будто недавно построенный, и снят, по-видимому, более века назад. Лихорадочно листая страницы, он пытался найти ответ на вопрос, откуда взялись эти карточки, кто на них, и какое отношение имеет незнакомая женщина к его семье, но напрасно – в альбоме не было ни единого слова, только снимки.

– Наталья! Чей это альбом? Откуда он здесь?

– Мамин, – как ни в чем не бывало из соседней комнаты ответила жена. – Раньше он в сельском доме хранился. Там ещё какие-то бумаги были, тоже мамины, или, возможно, бабушкины, правда, я не успела их пересмотреть. Они рядом, на том же стеллаже лежат... Под альбомами... Нашёл?

Объемистая папка с документами содержала многочисленные справки, грамоты, страховые полисы, оплаченные счета полувековой давности с грифом «хранить на протяжении трёх лет» и прочий хлам, который и в хозяйстве не нужен, и выкинуть рука не поднимается.

В отдельной папочке, потоньше, лежали документы на польском языке. Наличие гербовых печатей свидетельствовало об их подлинности и, по всей видимости, немалой важности. Аккуратно разложил на столе пожелтевшие от времени бумаги, начал читать, и после нескольких минут их беглого просмотра с немалым изумлением узнал, что является единственным наследником недвижимости во Львове, состоящей из трёхэтажного особняка в центре города и участка земли на местном кладбище, свидетельства о праве собственности на которые находятся у нотариуса. Адрес и фамилия этого человека прилагались.

Информация была настолько необычной, что на всякий случай он осторожно присел на стул, ожидая продолжения банкета – грома и молнии в середине марта, или падения метеорита, или ещё чего-то необычного, из ряда вон выходящего, но весьма уместного в данной ситуации. Но время шло,

ничего не происходило, а он все сидел с открытым ртом, ту-по уставившись невидящими глазами в текст, и молчал, га-дая – верить или не верить найденным документам? Других мыслей у него не было. Точнее, он просто не знал, что в та-ких случаях нужно думать, и тем более, что нужно делать.

Из ступора его вывел ворчливый голос жены:

– Брысь, шкодник! Смотри, как распоясался! Хозяин! Всё места ему мало! Разлётся, что тебе барин! Устал, поди, за день, наработался... Пройти невозможно... Аа-а, правда не нравится? Глаза свои бесстыжие прячешь?..

Наталья незлобиво ругалась с котом. Толстый и ленивый домашний любимец по кличке Пузо уже давно вёл себя наг-ло и бесцеремонно, а с недавних пор вообще повадился за-сыпать прямо посреди комнаты, так что все вынуждены были обходить его раздавшуюся десятикилограммовую тушу сто-роной. На просьбы и увещевания Пузо абсолютно не реа-гировал, в лучшем случае едва заметно подергивал рыжи-ми усами и небрежно фыркал. Богдан с интересом наблюдал, как Наталья терпеливо, но тщетно, пытается призвать кота к порядку, так как уже давно подозревал, что животное от-лично понимает, что делает, и выбирает место для отдыха не случайно, а совершенно сознательно, единственно из-за своей кошачьей вредности.

С улыбкой слушая монотонный монолог жены, он ещё раз перечитал бумаги, на всякий случай царапнул ногтем ре-льефную печать, зачем-то даже понюхал её, а потом вообра-

зил себе, что не он предполагаемый владделец дома, а Пузо, представил, как кот выселяет нынешних жильцов из «своего» дома, а сам, как собака на сене, каждый день живет в новой квартире. Картинка получилась настолько яркой и сочной, что он не выдержал и громко рассмеялся.

– Ты чего смеёшься? – заглядывая в дверь, подозрительно спросила Наталья. Она машинально провела влажной тряпкой по полке книжного шкафа и уставилась на него в ожидании пояснения.

– Да так, анекдот вспомнил, смешной, потом расскажу.

– Потом, так потом, ладно уж, – рассеянно согласилась жена и ушла на кухню.

А он аккуратно собрал документы, сложил их в конверт, конверт – в папку, и задумался, что же с ними делать? Как ни странно, выбор был невелик: сию же минуту выбросить папку в мусорное ведро и забыть навсегда, что там написано, или же сохранить документы на память, чтобы потом как-нибудь на досуге перечитать ещё раз, уже основательнее, не спеша, мало ли что?

Маленько поразмыслив, он осмотрительно пристроил бумаги в самом дальнем углу самой верхней полки шкафа, подальше от любопытных глаз, в глубине души все ещё надеясь, что ситуация с наследством – чья-то не очень удачная шутка. Вслед за папкой на верхнюю полку отправился альбом с фотографиями незнакомой строгой красавицы в модной шляпке с вуалью.

– Наташа, я тут документы просмотрел, те, что из бабушкиного дома... Нет там ничего интересного, так, оплаченные счета за свет и воду да старые мамины письма.

Он включил телевизор, прошелся по программам, но мысли его непрерывно возвращались к содержанию гербовых листов в невзрачной тоненькой папочке. Положить конец этим смутным размышлениям сумел только звонок из Крыма.

Жена, успевшая начистить квартиру до зеркального блеска, от неожиданности вздрогнула. Суется и нервничая, она сбила входящий вызов, дрожащими руками, чуть не уронив при этом аппарат, сама набрала номер подруги и перешла на громкую связь.

Из телефона послышалось: «Наташенька, милая, у нас праздник! Что? Не слышу... Это музыка! Алло, алло, Наташенька, ты куда пропала? Дорогая, я тебя не слышу, говори громче... Мы сейчас с Петей возле участка... Какого? Как какого – избирательного... Ты не представляешь, что здесь творится! Люди идут, идут, идут!.. Целый день идут! Голосовать!.. И старые, и молодые! Все!.. Идут, кто как может!.. Просто сейчас, на наших глазах, двое стариков под руки третью женщину повели, такую же старушку, как сами! Еле ползут, сердечные, а на лицах – улыбка!.. Наташенька, родненькая моя, у нас праздник, а я плачу, дурочка такая! Представляешь, плачу! От радости! Свершилось! Мы – в России! Мы – дома! Наконец дома!..»

Лена снова и снова рассказывала о референдуме, о голосовании, смеялась и плакала одновременно, прерываясь только, чтобы сообщить о концертах, о вечернем салюте, о празднике там, в далеком Крыму, который всего за один день отделился от Украины на целую вечность, а на Украине смеялась и плакала Наталья, радуясь за подругу. Только Богдан не знал, что ему делать.

Проведение референдума на полуострове он изначально считал предательством, и неподдельная радость Елены по поводу возвращения Крыма в Россию была ударом под самый дых.

«Чего людям не хватало? Солнце, горы, море!.. Целый год на курорте, безвыездно! Живи и радуйся! Нет, ищут-таки приключений на свою... на свою голову, не могут спокойно жить... С жиру бесятся...» У него не укладывалось в голове, что крымчане сделали это.

«А власти? Где наши власти были? А части военные? А флот? Украинский флот, в Севастополе?.. Где он был? Что он делал?» Больше телевизор включать не хотелось – в самом потаённом уголке сердца ещё оставалась надежда, что скоро все образуется, рассосётся, останется по-прежнему, как было.

...Он брел по обочине, обдуваемый горячим степным ветром, а навстречу ему неслись автобусы, машины, грузовики, и казалось, что сама жизнь проносится мимо него, и даже мимо его жизни.

Что-то пошло не так. Сейчас, через полгода после референдума, многое смотрелось по-другому, со стороны, будто глазами объективного свидетеля, который присягнул на «Библии» говорить правду и только правду, но эта правда совсем не радовала.

После отделения Крыма произошел разрыв. Нельзя сказать, что было это внезапным или неожиданным. Нет, все об этом знали, давно знали... Знали, но молчали, чтобы не накликать невзначай.

Крым всегда был отдельной территорией. Даже не полуостровом, а самым настоящим островом – со своими законами, своими порядками, своим менталитетом, обычаями... Был особенным – не российским, но и не украинским, каким-то бесхозным, неприкаянным и... забытым. Как ребенок, потерянный родителями на вокзале. Не брошенный, нет, а именно потерянный, одинокий среди многоликого, многорукого и многоногого чужого мира.

Тогда, в воскресенье, Украина молчала, казалось, почти не дышала... Ждала. Выдох произошел вместе с салютом, с салютом на уже не родной, иноземной территории.

Получилось с Крымом, как с любой частью тела – рукой, там, или ногой, вещь вроде в хозяйстве нужная, даже необходимая, но пока не беспокоит, никто не замечает. Так и Крым – жил себе, ничего не просил, никого не трогал, никому не мешал, не жаловался, и вдруг ни с того, ни с сего – заболел. Ему бы терапию, капельницу, глюкозу какую-нибудь,

физраствор, а его, вместо помощи – рраз! – и ампутировали! Своими руками, без анестезии, отсекали, и только тогда поняли, что сотворили, поняли, что это – безвозвратно, бесповоротно, и что нельзя уже ни приклеить его, ни пришить.

«Сегодня ушел Крым!» Прав оказался Николай, как никогда, прав, и правда его сейчас, через полгода после случившегося, лежала сверху, как на ладони...

Присутствие воды он уловил еще до её появления в поле зрения. Учужал носом, как собака. Так и шел, ориентируясь на запах, доверившись только своему животному инстинкту.

Узкая грунтовая дорога, укатанная транспортом до блеска, уткнулась прямо в воду. Несколько прудов прямоугольной формы, по-хозяйски обсаженных редкой в сухой степи вербой, на удивление заботливо ухоженных, принадлежали, по всей видимости, рыбному кооперативу или дачному товариществу.

Предвкушая наслаждение, он медленно, не спеша, разделся, сложил возле бортика аккуратной стопочкой одежду и зашел в прохладную влагу. Это был рай на земле! Мягкая, ласковая вода обволакивала каждую частичку измученного тела, доставая, казалось, даже до мозга. Он лениво шевелил руками, поддерживая равновесие на поверхности пруда, а вокруг него было непозволительно тихо, так тихо, будто нигде в мире не было ни войны, ни беды...

– Опа-на! И что это за явление Христа народу? Неужели сепарик пожаловал? Собственной персоной, лично! Вот уж

повезло, так повезло! А я-то думаю, чего это мне с самого утра левая рука чешется? К прибыли, однако, к прибыли! Ты кто, мой хороший – разведчик, лазутчик или сразу шпиён? Колись! Быстро! А тут что у нас, дорогуша? Счас мы посмотрим, что ты здесь прячешь!

Высокий худой мужчина в полузащитной форме с автоматом в руках, разбросав ногой Богданову одежду, пытался таким же образом извлечь содержимое пакета. После нескольких неудачных попыток его старания, наконец, увенчались успехом, и на свет божий появилось три сверточка.

Поддев носком пыльного ботинка один из них, незнакомец вопросительно посмотрел на Богдана:

– Надеюсь, не бомба? Чего застыл, как с креста снятый? Вылезай, открывай, показывай! Живо!

Сам он отошел на безопасное расстояние, выставив перед собой, для пущей верности, автомат.

Богдан медленно, стараясь не делать резких движений, чтобы не спровоцировать вооруженного человека, выбрался из пруда. Так же неторопливо взял указанный пакет и стал неспешно разворачивать его. Вскоре из-под бумаги появилась вышитая крестиком салфетка, в которую был завернут домашний хлеб.

– Ты кто? Документы! – человек с оружием недоверчиво рассматривал краюху и выглядел при этом по-детски обманутым, подозревая, что все это – неспроста, что его, вне всякого сомнения, специально подставили, вокруг пальца, как

сопливого мальчишку, обвели. Он даже оглянулся по сторонам в надежде увидеть разыгравших его.

– Документы, я сказал! – не увидев больше никого, взревел он. – Быстро!

Богдан молча показал на отброшенную в сторону рубаху. С такого же молчаливого согласия вынул бумаги, протянул военному. Тот, раз за разом слюнявя пальцы, по несколько раз придирчиво перелистал каждую страницу удостоверения личности и предписания, выискивая криминал.

– Одевайся, дурак. Ты-то хоть понимаешь, что я тебя мог... мог того... прихлопнуть стгоряча? Видишь оружие в руках? Тебе объяснить, как оно стреляет?

Богдан продолжал молчать, чем вызвал очередное недовольство незнакомца.

– Ты чего молчишь? Язык проглотил или немым уродился? Отвечай! Немой? Говори!

– За тобою скажешь...

– Цевин, что там у тебя? Сепара поймал? Сейчас допрос произведем! Давай его сюда!

Со стороны дороги к прудам направлялось ещё двое военных. Мужчина выразительно посмотрел на Богдана и, как ни в чем не бывало, спокойно выдал:

– Да нет! Знакомый приехал. Весточку от матери привёз.

– Неужто? Повезло тебе, Андрюха! Ну, общайтесь тогда, а мы скупнемся – и в часть. Минут через двадцать повеселимся! Дружку твоему концерт покажем!..

Через двадцать минут в батальоне начались, по словам командира, «плановые учебные стрельбы по враждебной территории». Стрельбам предшествовала тщательная подготовка – сначала наводчик, возбужденно пританцовывая и весело припевая, довольно долго искал в визирь прицела подходящий ориентир. Потом все бойцы по очереди обсуждали цель, вносили свои поправки, прогнозировали результат. Дали посмотреть и Богдану.

От увиденного у него зашевелились волосы на голове – целью обстрела должна была стать двухэтажная школа в поселке. Рядом – жилые дома, в них – гражданское население, да и в самой школе люди могут быть – дети, учителя, ведь учебный год не за горами. Он попытался сказать об этом человеку по фамилии Цевин, но в это время прозвучал выстрел. Бурные восторги после него означали, что снаряд попал в цель.

По всему телу Богдана поползли ледяные ручейки, казалось, вспотели даже ладони и глаза: «Что они делают? Что творят? Там же люди... Там – дети!..»

Ему казалось, что он кричит, громко, на весь мир кричит, но голоса своего не слышит. Потом, как во сне, перед ним появились глубокие воронки в земле, горящие дома, протянутые из огня руки, и над всем этим – невыносимый смрад, и трупы, трупы, трупы... Горы трупов – взрослые вперемешку с детьми, с оторванными руками, ногами, обожженные, утыканные осколками снарядов, залитые кровью... Горы трупов... Однажды он уже видел это, но где? Когда? «Господи,

на все твоя воля...»

– А землячок твой, Цевин, того... хлипким оказался... Отрубился маленько, Цевин, твой землячок... Из интеллигентиков, небось, слабачок, пороху не нюхал... Ну, ничего, через денек-другой пооботрется, пообвыкнется, что к чему поймёт, одним словом, разберётся. Здесь и не такие бывали...

После слов заряжающего стало понятно, что новичок принят в батальон, а шефство над ним отдали Цевину. Тот сразу же увел своего подопечного в расположение.

– Ты это... не паникуй, к этому привыкнуть трудно, я понимаю. Вообще-то я и сам не знаю, что лучше – привыкать или не привыкать... Ты кем на гражданке работал? Экономистом? Тем более! Специальность, скажу тебе, практически женская... Ну, я хотел сказать, не мужская... То есть не совсем... Эт... – не закончив прежней мысли, Цевин перескочил на другую тему.

– Короче, на довольствие я тебя сам поставлю, оружие потом получишь, а это – койка твоя. Фома, царствие ему небесное, недавно на mine подорвался, так что койка свободна пока. Занимай... Пользуйся... Можешь не благодарить. Меня Андрюхой зовут, а Цевин – так, для своих... И не фамилия даже...

После этого, что-то бормоча себе под нос, Андрей показал Богдану пищеблок, издалека – штаб, подсобные помещения, рассказал про обстановку на фронте, в части, и, немного по-

колебавшись, будто посоветовавшись сам с собой, произнес:

– Не хотел тебе говорить, да видит Бог... Ты, я смотрю, неплохой мужик, неиспорченный ещё, домашний... Я вот чё тебе сказать хочу – даром ты сюда приехал, даром... Не сладко здесь, а ты новенький, неопытный... Ты, думаешь, чего Фома на mine подорвался? Сбрэндил он, с катушек съехал, не выдержал, на поле побежал... А там – мины кругом... Наши мины, сами их и ставили... И он знал это! На собственную «растяжку» как раз и напоролся. Даже не прикопали его, некому – боятся люди на поле идти, мин боятся... Поставить поставили, а карты нет – по пьянке заныкали, найти не могут. И разминировать некому...

Цевин сорвался на крик, покраснел. Выглядел он при этом как-то затравленно, жалко, словно побитая собака. Потом внезапно затих, поник и, после небольшой паузы, выдал из себя, будто точку поставил:

– Знаешь, я так думаю, кто после этого дурдома в живых останется, тот потом в дурку попадет, дома уже, или... или ещё страшнее... Ну, не может человек в человека безнаказанно стрелять, грех это. Тем более, в своего родного соседа... в родственника почти.

Больше он к этому вопросу не возвращался. Порядка часа минометчики, поминутно матерясь и громко хохоча, обстреливали поселок, а Богдан вспоминал раздавленный старой липой гараж во дворе и две пары испуганных глаз под кроватью.

Ночью ему приснилась Наталья. Она снова просила уезжать с ней и детьми в Россию, просила спасти свою душу, но это было ночью, а утром земля содрогнулась от взрывов. Казалось, снаряды падают сплошным потоком, как ливень. Пекло продолжалось минут сорок.

– Полностью уничтожена столовая, повреждена канализация, водоснабжение, выведено из строя несколько машин... Ну, это не смертельно, разгребем, – осмотрев потери, похозяйски рассудил Цевин.

– Вхолостую отработали, падлы, почти все снаряды «за бугор» ушли, за территорию. Вишь, в поле дыр в земле понаделали? Только боекомплект почему зря израсходовали! Криворукие, бя... Бомбардиры хреновы! Наверное, руки из задницы растут, по-другому не скажешь!..

Действительно, учитывая, что личный состав потерь не понес, ущерб был минимальным, поэтому, слушая возмущенные рассуждения Андрея по поводу непрофессиональных действий стрелявших, Богдан удивлялся его негодованию, ведь по большому счету эта самая криворукость спасла всем бойцам жизнь.

Гораздо страшнее оказалась информация, что по батальону стреляли «свои», о чем старший этих «своих», как ни в чем не бывало, сообщил после случившегося по телефону. Причина ошибки, по его мнению, была более чем уважительна: то ли корректировщик координаты не те дал, то ли спросонья наводчику пригрезилось, что в данном направлении

должны были находиться враги. Одним словом – найти виноватого не сложно, вот только надо ли искать?

Сетуя на превратности судьбы, бойцы вяло разбирали разрушенный пищеблок, меняли трубы водопровода, копали выгребную яму, а Богдан недоумевал, как можно стрелять наобум, и что это за война такая странная, когда враг то ли есть, то ли его нет? По всему выходило, что игра велась в одни ворота, и правила создавали сами игроки, руководствуясь больше инстинктом самосохранения, чем какими-либо военными законами.

К своему большому изумлению, он также понял, что на фронте нет не только общего плана боевых действий, но и линии фронта нет, да и действия эти – банальная, не поддающаяся пониманию и здравому смыслу война самих с собой. А ещё – война с миром по ту сторону забора, война с землей, которую кто-то по воле рока зачислил во враги, война с людьми, населяющими эту землю. Война, в которой нет победителей. Война, в которой одни побежденные.

Верить в это не хотелось. Ведь тогда не имели смысла протесты людей на Майдане, напрасными были жертвы «небесной сотни», да и сама смена власти вызывала большие сомнения. А главное, не было объяснения, зачем ведется война, не было ответа на вопрос, зачем воевать со своим народом?

Он попытался найти слово, поясняющее происходящее, но, кроме слова «раздвоение», ничего в голову не приходи-

ло, тем более, что это самое раздвоение было вокруг него, как два полюса одной державы – две линии поведения, два восприятия мира, два прямо противоположных друг дружке мнения... И только война была одна на двоих.

Будто в подтверждение его мыслей, Цевин голосом телеведущего произнес:

– «За последние сутки в зоне АТО сепаратисты несколько раз нарушили режим перемирия. Артиллерийскому обстрелу боевиков подверглась поселковая школа, а также боевые позиции украинской армии. Потерь в личном составе военнослужащих ВСУ не зафиксировано...» Вечером новости смотри, сам услышишь... Соврут – и глазом не моргнут, им не впервой, да и надо же как-то произошедшее оправдывать. Эт...

И снова не хотелось верить, но за несколько дней своего путешествия Донбассом Богдан ни разу не встретил ни российских танковых колонн, ни установок «Град», ни живой силы противника, так широко разрекламированных журналистами всех центральных телеканалов.

А может, у России, наконец, армия закончилась? То-то недавно по телевизору рассказывали, что на востоке уже курсанты военных училищ воюют, знать, больше некому, раз необстрелянных юнцов на фронт посылают. Правда, верить этому – себя не уважать, тем более, что журналисты рассказывать рассказывают, а вот показывать – не показывают, ни видео, ни фотографий нет, будто армия российская в шап-

ках-невидимках вся, но, с другой стороны, и не верить нельзя, потому как в противном случае придётся поверить врагу... Заколдованный круг какой-то получается – ни конца у него, ни края.

После обеда, вздремнув часа полтора, минометчики решили отомстить за причиненный батальону ущерб. От этой новости Богдан пришел в неподдельный ужас: «Неужели по своим обратку сделают?» Не сделали – опять, как и вчера, расстреливали поселок.

– От безделья мозги сносит, – проговорил подошедший Цевин, кивая на глуповато гогочущих однополчан, суесящихся вокруг миномета. – Уходи ты, будь человеком! Ты же вэсэушник, резервист, уходи, пока не поздно! Уходи, если не хочешь зря в земле червей кормить.

Он скрипнул зубами, мотнул головой и прохрипел:

– Однажды я Богу доброе дело пообещал, ещё там – на зоне. Все думал, что же сделать такое... Чтобы правильное такое, понимаешь? А тут – ты... У нас здесь один сепаратюга недавно... на танк с гранатой попер... В ключья порвало... Детей оставил... Жену... Наши говорят: «Мудак шизонутый! Славы захотелось!» А он... мой дружбан он, знакомый, понятно? Нормальным мужиком был... Как все... Но Сашка – смог, а я – не смогу! Кишка тонка, понимаешь? У меня кишка тонка! Я ведь тоже из местных, но они там, по ту сторону фронта, а я – здесь, понимаешь? Я по-жизни трусливый, понимаешь, чуть что – сразу голову в песок, как стра-

ус...

Андрей беспокойно мерил шагами комнату, высказывая наболевшее, а Богдан думал: «Что-то пошло не так...»

Дома, во Львове, он был уверен, что на Украину напала Россия. Все так думали. Каждый день по телевизору это объясняли. Говорили не бабки у подъезда, а мужи государственные, отвечающие за свои слова. Да и Крым... Хотя... В Крыму, допустим, референдум прошел, там – русские, по жизни русские... А Донбасс? Донбасс ведь не Крым, и он – украинский, украинская ведь территория! Как же так могло случиться, что житель украинского города с гранатой на украинский танк бросился? Что же ему Украина такого плохого сделала, что он её так невзлюбил?

–...У меня жизнь с самого начала не заладилась. Жена через год к другому ушла, детей, видите ли, ей захотелось. А я че? Я ниче... «Рожай», – говорю... А она: «Куда рожать?» Вот так, поговорили. А что я ей, простой шоферюга, мог дать? Что? Другое дело, шахтёр... Там и расценки повыше, и доходы покрупнее... Правда, квартира была, однушка, хорошая квартира – комната большая, прихожая, кухня... Мебель была – диван раскладной, разные шкафчики, телевизор – не хуже, чем у людей, а ей все места мало... Дом ей подавай, говорит, дачу... Так и расстались. Я потом на нары загремел. По пьянке случайной. Отсидел, пришел домой, а тут такая каша... Дай, думаю, и себе денжат сколочу... «Бабки» нехилые обещали, и почти задаром – всего за пострелять...

«Да, что-то пошло не так. Откуда взялся нарыв? Ведь жили мирно, одной семьей, одной державой... Без ссор, без драк, без жалоб жили, без взаимных упреков... Нормально жили...»

Мысли не помещались в голове. Как такое могло случиться? Только недавно, год назад, донецкий Славянск был лучшим на параде Независимости в Киеве! Почти тысяча человек в вышиванках, под желто-синими флагами, торжественно прошли по Крещатике! Почему же год спустя те же самые жители города проголосовали против Украины? Где та тысяча украинцев, что были на параде? Почему им разонравилось то, что год назад так нравилось? Что же с тех пор изменилось?

«А может... может, им не Украина, может, им что-то другое не нравится? Может, новая власть не по нутру? Тогда... пусть говорят... Да, пусть говорят, пусть объясняют, что не так! Да, пусть говорят, только вот кому? Только...»

Неожиданно для себя он понял, что сейчас лучше молчать, чем говорить, что говорить, как никогда, чревато...

Ещё в апреле сосед показал Богдану видео из Донбасса, попросив никому не рассказывать об увиденном. Блокпосты, военные вертолеты, артиллерийские обстрелы, обрушенные дома, бомбы из самолёта над зелёным парком, застывшие на тротуаре трупы... Мертвая молодая женщина с таким же мертвым годовалым ребенком... С убитой осколком девочкой. Самолет был украинским.

Ему тогда показалось, что это розыгрыш, что это – не Донбасс, а специальные съемки, сделанные для фильма про войну. Николай не стал ничего объяснять, просто попросил прочитать комментарии, от которых у Богдана перехватило дыхание и зашевелились волосы на голове.

Потом было 2 мая. Была Одесса, Дом профсоюзов. Коля снова принес видео: молодые улыбающиеся девушки, никого не смущаясь и ни от кого не прячась, разливают в бутылки горючую смесь. На другом – из окон горящего здания прыгают пылающие люди, а по ним стреляют из земли, выживших добивают битами.

Ещё были фотографии – стреляющий по людям в окнах человек в бронежилете, наполовину обгоревшие тела и беременная женщина, задушенная телефонным проводом. Богдану тогда показалось, что ей неудобно так сидеть – на краю стола, с высоко поднятой головой и большим животом. Николай сообщил, что перед смертью её изнасиловали.

Спустя несколько дней сосед пропал, а чуть позже в своем почтовом ящике Богдан обнаружил необычную записку: «Сообщи Наде, что я живой. Пусть не волнуется». И больше ничего – ни подписи, ни даты. К его большому удивлению, прочитав написанное, Надя заплакала. Она стояла, прислонившись спиной к стене, прижимала к груди измятый клочок бумаги и молчала, а по щекам её катились крупные прозрачные капли...

–...Думаешь, по мне кто-то заплачет? Или вспомнит

кто? – услышал неожиданно. Задумавшись, он совсем забыл о Цевине.

– Вот и ты сейчас – я перед тобою, можно сказать, исповедаюсь, душу наизнанку выворачиваю, а ты не слушаешь, витаешь в облаках. Ты же меня тоже не вспомнишь, да? Кто я тебе? Так, случайный знакомый... Тем более, чуть не убивший тебя ненароком...

Андрей вымученно вздохнул, будто застонал, и сел на пол: – Устал я очень... Отдохнуть хочу... Чтобы никто не мешал, не дёргал... Чтобы ничего не слышать... Никого не видеть... А ты беги отсюда, Богдан, беги, пока не поздно, тикай, пока живой.

Вечером того же дня в батальон заехали волонтеры. Цевин пообщался с ними, потом подошел к Богдану, крепко пожал ему руку, задержав её на минуту.

– Они доставят тебя по назначению. По области немного поплутают, но на место точно доставят, так что не бойсь, – потом, чтобы исключить возможные сомнения, добавил. – Люди надежные, не переживай. Ну, все, братан, давай!.. Свою программу я перед Богом выполнил. Знаешь, а моя... бывшая моя, таки родила, пацана родила. Я на улице их видел, гуляли. Ну, че это я... Так вот, прости, если что, и... прощай.

Андрей ещё долго стоял на дороге, провожая взглядом отъезжающую машину. «Обычный нормальный мужик... Здравомыслящий, спокойный, рассудительный. Его бы в

добрые руки».

Мысли его снова возвратились к соседу. Через две недели после появления таинственной записки, Богдан неожиданно узнал, что Надежда спешно продает квартиру, а ещё через некоторое время Наталья сообщила ему, что соседка с детьми благополучно покинула город. Спустя неделю на его электронную почту пришло короткое письмо: «Мы снова вместе. Молимся за вас. Спасибо за помощь. P.S. Девочки в восторге от местной моцареллы».

И только тогда жена рассказала ему о том, что произошло с Николаем. Оказалось, что увлечение интернетом понравилось Коле намного больше, чем сочинение нелепых стихотворений, и он нырнул в него с головой – стал общаться с людьми, обзавелся знакомствами, правда, и те, и другие были виртуальными, но это не мешало ему почувствовать себя значимым.

Потом в стране началась война – на Донбассе и в интернете. Все, кому не лень, занялись политикой, а полстраны превратилось в диванных экспертов и заядлых комментаторов. Не остался в стороне от общественной жизни и Николай – тоже взялся обсуждать в социальных сетях происходящие события. Он выискивал интересные материалы, делился информацией с друзьями, и однажды, как на грех, совершенно случайно нашел то, что должно быть спрятано за семью замками. Блогер из Коли никудышный, так как, кроме «академии» соседского мальчишки, ничего больше не заканчивал,

поэтому влез в историю по самое некуда и успел там порядочно наследить.

На первый взгляд, все смахивало на сюжет дешевого детектива, но находка оказалась связанной с мутными делами, где живых свидетелей не бывает по определению. Три дня спустя Коля получил странное письмо. Потом ему позвонили по телефону. Ждать звонка в дверь наш сосед не стал.

«Происходящее для Николая было сродни холодному душу. Он словно спустился с небес на землю. Понимаешь, буд-то впервые жену увидел, детей, – взволнованно рассказывала Наталья. – Но это ещё не все. Звонок в дверь таки состоялся. Притом – ночью...»

Внезапно Богдан почувствовал укол в сердце. Ему показалось, что родные люди его предали. От Николая можно было всего ожидать – он чужой, как, впрочем, и Надя, но Наталья? Как она могла? Неужели у неё от него, родного мужа, могут быть секреты?

«Поздно вечером в квартиру соседей позвонили. Надя, как ни в чем не бывало, открыла дверь, – продолжила жена и тут же спросила: – Бодя, как ты думаешь, если бы пришел не этот человек, а другие люди, те, что угрожали Коле? Ну, эти...»

Наталья смотрела прямо в глаза, ожидая ответа, а ему ничего не оставалось, как обнять её и ещё раз сказать, что любит, но сердцем он ощутил всю зыбкость положения, незащищенность семьи в условиях сложившихся в стране обсто-

ятельств, и это его совсем не радовало.

Дальше он узнал, что поздний гость оказался одним из новых виртуальных знакомых Николая. После его визита события развивались настолько стремительно, что Наталье самой не верилось, что все настоящее и происходит на самом деле. Как ни странно, именно этот совершенно чужой человек помог сначала нашему соседу, а потом и Надежде с детьми выехать из Украины. Заключительным аккордом стало письмо: «Мы снова вместе...»

Рассказ жены немного сгладил неприятный осадок на душе Богдана, тем более, что все закончилось благополучно. Одна только мысль не давала ему покоя – неужели у истории, случившейся с семьей соседа, мог быть другой конец, менее оптимистический? А Николай? Взрослый мужик вроде, а так опростоволосился! Хорошо, родных не подставил. Судя по послесловию, конспиратор из Коли такой же никудышный, как и блогер, оставалось надеяться, что в стране, где «производят восхитительную моцареллу», и он, и его семья будут в безопасности...

– Эй, служивый!

Богдан оглянулся, сначала не поняв, что водитель обращается к нему. К тому же он даже не заметил, что их машина стоит на обочине, пропуская автомобили с трёхцветными российскими флажками. На этот раз колонна состояла из разношерстного транспорта – не первой молодости бусов, выдавших виды грузовиков, таких же «джипов» и «га-

зелей»...

– Опять?! Что это? Оружие? Боеприпасы?

– Какое там оружие?! Гречу донецким везут. Гумпомощь...

«Гречу? Знаем мы эту гречу! Потом ею наших бойцов «угощать» будут», – подумал ворчливо, а вслух спросил:

– А вы как знаете?

– Да мы здесь постоянно крутимся, и своих знаем, и чужих – коммерция, брат, она и в Африке коммерция. Вот сейчас мы на чужой территории, но ты заметил, никто нас не останавливает, не проверяет – привыкли уже, и в Донецке привыкли, и в Луганске, а нам выгодно – не надо крюк делать, чтобы на место попасть. Все мы люди! А машины эти – помощь от населения, ведь по ту сторону, – водитель махнул рукой в направлении границы с Россией, – и по эту – много родственников живёт, знакомых... При Союзе кордон условным был, это потом оказалось, что школьники, ходившие в старшие классы в соседние сёла, по сути дела, в заграницах учились.

– А на Донбасс сейчас не только продукты везут, но и одежла тёплые, одежду, питание детское, медикаменты... Все везут... Людям жить все равно надо, – беспечно бросил другой волонтер, и вдруг глаза его заискрились, словно вспомнил он что-то необычное. – Это что, это так, по мелочам... Вот мы на днях попали, так попали – земля дрожала, когда колонна шла! Фур с триста, наверняка! И все белёхонькие,

новёхонькие, будто только с завода, с конвейера! Прямо зависть взяла, по-честному! Вот это уже не сборная солянка, а государственный груз, официальная, так сказать, поддержка...

«Ага, конечно, рассказывайте мне, от агрессора и... гуманитарная помощь. Детей своих будете байками кормить, – упрямо не хотел менять Богдан сложившегося мнения. – Недаром по телевизору показывали, что боевикам на Донбасс соседи оружие поставляют. Придумали ведь способ – фуры с «гречой»... И как ни крути – не прикопаешься, все законно, а проверять под сотню фур никто не будет, физически напряжно».

Колонна с грузом для Донбасса проехала, машина продолжила путь, а он – разговор с самим собой. В последнее время ему часто казалось, что сейчас он проживает две жизни, две параллельные жизни, независимые друг от дружки. Одна жизнь была реальной, её даже можно было пощупать – дом, семья, работа, а другая сплошь и рядом состояла из вопросов, ответить на которые практически было невозможно, но которые заставляли думать, искать, наблюдать, слушать других, меняться, заставляли сердце болеть, а мозг работать. Вот и сейчас он не мог понять, почему...

Оглушительный взрыв, остановка машины и вылет из неё пассажиров произошли, казалось, одновременно.

– Не наш, – распластавшись ничком в кювете, со знанием дела произнес немолодой водитель, медленно приподни-

мая голову. – Вот когда свист услышишь, тогда все, тогда хуже некуда, конечно... Считай, по твою душу прилетел... Эту дорогу люди по-разному называют: кто – «дорогой жизни», а кто – «дорогой смерти». Первое название, потому что по ней исход народа из Украины производится, это как коридор в Россию, так сказать, а о втором, думаю, и объяснять ничё не надо – только-что сам в этом убедился. Вообще-то здесь частенько постреливают – то БТРы, то снайперы, то минометы, так что надо быть осторожным. Поговаривают, что где-то рядом корректировщик пасется, но сами мы его не видели, точно сказать не можем, да и, как говорится, меньше видишь – целее будешь. А так – бог миловал. Вот сейчас, скорее всего, кто-то сдуру пальнул – делать было нечего или пушку пробовали, вишь, больше выстрелов не слышно.

Мужчина говорил о смерти, как о чем-то обыденном, повседневном, будто только что рядом с ними прозвучал праздничный салют, а не разорвался артиллерийский снаряд. После краткого обзора дорожных новостей, волонтер подробно описал технические характеристики боеприпасов, прокомментировал их поражающую силу и завершил экскурс в историю вооружения словами:

– Думаю, в условиях города или посёлка лучше всего применять фугасные снаряды – все толку больше.

Против такого вывода возражать было бессмысленно и бесполезно, так как «коммерция – она и в Африке коммерция», и никакие доводы не смогли бы переубедить этого че-

ловека, что стрелять по городу – преступно уже по определению, независимо от того, какими снарядами это делать – фугасными или осколочными.

Да, что-то пошло не так... Богдан вспомнил небывалый подъем в стране после развала Союза: референдум о независимости; первые демократические выборы в свободной уже Украине; жёлто-синий флаг в Верховной Раде; новый гимн и новый герб; свой собственный, только украинский, президент... Тогда ему казалось, что даже дышать легче стало, свободнее! А ещё казалось, что заживет, наконец, Украина, как другие европейские страны, не даром же на Закарпатье – географический центр Европы!

Народ ликовал! В голове не укладывалось, что в стране смогли произойти такие перемены! Долгожданная свобода пьянила, как хмельное вино, и хотелось пить, пить и пить эту чашу до самого дна!

А потом так же неожиданно пришло похмелье. Будто холодный душ на горячие головы: пустые прилавки магазинов; вместо денег – ничего не стоящие бумажки; продуктовые талоны и талоны на мыло и трусы... Как-то очень быстро население превратилось в фиговых миллионеров, а отец знакомого, недавно продавший бычка-трехлетку, горько шутил:

– За трехлетнюю скотину я получил стоимость говяжьей котлеты.

Довольно скоро всем стало понятно, что от Европы на Украине, только и славы, что её пуп, а сама она, как и

прежде, недостижимо далека, как говорится, Европа – в Европе, а Украина – в... А Украина – на своем месте, вот только место это не очень благозвучно. Как ни странно, но осознание этого прискорбного факта не лишило людей последней надежды...

– ...Во металл покорежило, как ножом изрезало, – услышал он разговор волонтеров и посмотрел в окно.

Вдоль обочины стояли развороченные трупы машин – ржавые, унылые, печальные. Выгоревшие дотла и сброшенные за ненадобностью в кювет, они теперь служили всего лишь тенью недавней жизни. По спине у Богдана пробежал холодок. Он обхватил себя руками, чтобы согреться, и вернулся к далеким девяностым.

Страну беззастенчиво грабили. Делали это нагло, открыто, цинично. Переход госсобственности в частные руки сопровождался криминальными разборками, по большей части – с огнестрелом. В итоге народу разрешили полакомиться ничтожными обедками, выделив на каждую живую душу приватизационный сертификат, так называемый ваучер, обещающий долю в государственном имуществе. Но, то ли душ было больше, чем отвешенного имущества, то ли доля его мизерная – стоил ваучер пузырьёк, и ни грамма сверху.

Криминальная пятилетка закончилась так же неожиданно, как и началась. Вокруг Киева выросли коттеджные поселки и частные зоны, закрытые от любопытного глаза трехметровыми бетонными заборами и пропускными пунктами с

тяжёлыми шлагбаумами. На страже господского имущества днём и ночью трудились нагло-сытые охранники в новенькой хрустящей форме, с оттягивающей ремень кобурой на бедре, и молчаливо-важные горничные с дипломами о высшем образовании.

В рейтинге «Forbes» появились свежие украинские фамилии, граждане попредприимчивее и позубастее пересели в «лексусы» и депутатские кресла, пожиже и послабее – в областные рады и мэрии, а потом и первые, и вторые, отправив жён и детей в Париж и Куршавель, ломанулись зарабатывать «бабки», язвы и геморрой. Остальная же часть населения поняла, что она в пролёте, и у пролёта этого такие гладкие и скользкие стены, что не за что зацепиться, чтобы остановиться. Вот тогда-то и случился первый исход народа из Украины.

Как ни странно, первыми ушли женщины – стабильная интеллигенция: учителя, врачи, медсестры, те, чьим единственным богатством была медаль после окончания школы, дети – свои и чужие, или пациенты... Ушли те, кто не умел красть и стыдился этому учиться.

Почувяв золотую жилу, турагентства тут же взвинтили цены втрое, развернув бурную деятельность по продаже туристических путёвок и по обеспечению своих клиентов шенгенскими визами. За отдельную плату предлагалась VIP-услуга по оформлению загранпаспорта и помощь в выезде за рубеж в максимально сжатые сроки. Продолжили миграци-

онную цепочку перевозчики, доставляя домработниц с горничными на непосредственное место их работы.

Года три «оттуда» не возвращались. Уезжали, звонили, пересылали или передавали деньги родным, но, чтобы вернуться, или в гости приехать – нет, этого не было. Помнится, в соседнем доме свадьбу играли, так невеста целый день в слезах ходила – мама, единственная родная душа, деньги на свадьбу прислала, а приехать сама не смогла – хозяева не отпустили.

Потом пошли слухи, что стали появляться, правда, опять-таки ненадолго – проведать детей, поменять паспорт и подать на развод, чтобы не кормить спившихся на халявные деньги мужей. Разговоров о том, где живут и работают, усердно избегали, ограничиваясь, как правило, непривычно-чужим словом «компаньонка»...

–...Ты смотри, церковную стену – в щепки, а колокол оставило, – раздалось в салоне машины. Говорил старший, Василий.

– Живой колокол, однако. Эх, накосячили тут наши, крепко накосячили... Натворили беды, прости Господи.

Православный храм у самой дороги, разбитый снарядами, иссечённый осколками, словно внезапно постаревший, напоминал уставшего путника с поникшей головой. Разрушенную стену уже успели кое-как отремонтировать, подрихтовать – дыры зашили досками, в окна вставили новые стекла, но купол ещё не трогали, поэтому казалось, будто он посто-

янно падает. Вспомнился Цевин: «От безделья мозги сносит...» Можно было поверить, ведь церковь – очень хороший ориентир.

– Нелепая война какая-то, ненастоящая... Будто понарошку...

Как и прежде, слова звучали по-домашнему спокойно, словно мужчины обсуждали соседского мальчишку, забравшегося на грядку в огород – побаловал, покуролесил озорник, что с него возьмешь? Но как же так – понарошку? Ведь гибнут люди по-настоящему, ведь снаряды взрываются в домах и храмах по-настоящему, по всей дороге машины сожжённые стоят, предприятия разрушены, шахты... Внезапно сильно разболелась голова. Казалось, там поселился молотобоец.

Защищаясь от боли, Богдан закрыл глаза и почти сразу же услышал детей.

«-...Папа, папа, – громко кричала Ксения. – Ты к нам? Насовсем? Навсегда? Вот здорово! Вот мама обрадуется!

– Ксюша, не ори! Видишь, папа занят, закончит работу и приедет, не торопи...»

– Эй, служивый, уснул, никак? Знаешь, тут такое случилось... Ты это, ты слишком не переживай, хорошо? – было видно, что мужчина хочет сказать что-то важное, что-то касающееся лично его, Богдана, но не решается. Наконец Василий собрался с силами:

– Только что из батальона звонили... Там, понимаешь,..

там кореш твой, Андрюха, на mine подорвался. Разбирал её, что ли, чего-то не учёл, она и шандарахнула... Жаль парня, конечно, толковым мужиком был, царствие ему небесное... Понесла же его нечистая на оружейный склад в mine ковыряться... Никакого тебе соблюдения мер безопасности! Будто дети малые! Там, конечно, того боеприпаса, что кот наплакал, пропили, сволочи, но все равно... Жаль человека...

Волонтер перекрестился и продолжил обсуждать с товарищем смерть бойца добровольческого батальона. Оказалось, на складе произошла детонация, и вместе с Андреем в воздух взлетел весь склад с боеприпасами. Богдан вспомнил последние слова Цевина: «Свою программу я перед Богом выполнил», до боли стиснул зубы – хороший человек ушел, по собственной воле, без принуждения. Голова заныла ещё сильнее, казалось, боль уже не помещается внутри, и что с ней делать, он не знал.

Машина продолжала ехать мимо черной, обожженной лесополосы, мимо опустевших, заброшенных сел. В одном из них она остановилась. Задремавший было Богдан больно ударился лицом, уткнувшись в жесткое сидение спереди, задев при этом голову водителя.

– Совсем про тебя забыл, – будто извиняясь, проговорил тот. – Отдохнем маленько, перекусим, а там и дальше двинем. Туалет – за домом, сейчас покажу.

Он махнул Богдану рукой, приглашая следовать за ним, и быстро пошел по узкой асфальтовой дорожке, накрытой ар-

кой густого, почти осыпавшегося, засохшего без ухода винограда, вглубь двора. Открывшийся перед ними дом, кирпичный, добротный дом, зиял пустыми проемами окон и дверей. От неожиданности мужчина резко остановился, и Богдан, не успев вовремя отреагировать, второй раз за день ткнулся ему в макушку головой.

– Тьфу ты! – волонтер в сердцах сплюнул. – Степан постарался! Ещё в свой прошлый приезд все норовил столярку утащить. Вот гнида – тянет все, за что глазом зацепится! Сюда едет – бросит в кузов для вида кулёк-два негодящего барахла, а домой – еле машина ползет, аж стонет, так нагружена. Здесь много зданий брошенных – дома жилые, дачи, школы, детские сады, вот он и подчищает потихоньку их! Как только его земля святая носит?! А люди вернутся, как жить будут? И так все кругом разбито-разворочено!..

Мужчина нервно ходил по комнатам, ругая нерадивого Степана, поднимал и складывал разбросанное по полу хозяйское добро, распахивал его в ящики, в шкафы, прятал в кладовку... Богдан и себе помогал ему, хотя знал, что все напрасно, что оставленные населением дома, как магнит, будут притягивать подобных «степанов», так что участь их уже решена, и дело только за временем. Где-то через полчаса, кое-как наспех заколотив найденными в сарае досками окна и двери, они присели в тенёчке.

– Старый я уже, Богдан, оттого и сердце болит, когда вижу, как страна на глазах рушится. Молодым не понять – они

в Европу намылились, будто мёдом там намазано... А мне, так кругом работать надо, никто тебя задаром не станет кормить – ни дома, ни за границей. А там языки надо знать, специальность подходящую иметь, чтобы нужники чужие с высшим образованием не чистить, жильё какое-никакое – на вокзале долго не проживешь... Да и полиция, опять-таки, закон... Нарушишь что – слова не успеешь сказать, как, в лучшем случае, депортируют. Ну, и покушать хоть раз в день человеку надобно, святое дело, без еды быстро ноги протянешь, как и без денежного запаса...

Богдан согласно кивал головой, памятуя о своих недавних «сезонах», даже плечо, ушибленное на одном из них, невольно дернулось. Чтобы семью прокормить, ему и грузчиком в Варшаве на «стадионе» – рынок так назывался, пришлось поработать, и на ягодных плантациях польских панов с утра до ночи спину гнуть, и траншеи рыть для теплотрасс, и подсобником на стройках вкалывать...

Интересно, что и сами паны в это время не сидели, сложа руки, а в той же Европе шабашили, только в Западной, где побогаче, в Германии в основном, да в Великобритании... Правда, и платили им в разы больше за ту же самую работу, что они украинцам, так что вряд ли они захотят поменяться местами.

–...Скоро Новосветловка, – сообщил водитель. – Там «Айдар» стоит...

После этих слов он ещё что-то неразборчиво пробормотал

и сплюнул в окошко. Машина в это время неожиданно подпрыгнула на ухабе, надрывно заревела, и окончания предложения Богдан не расслышал.

Добровольческие батальоны в последнее время росли, как грибы после дождя: «Азов», «Днепр», «Полесье», «Винница», «Киевщина», «Сечь», тот же «Айдар»... Вся география Украины налицо.

Говаривали, что к их созданию приложили руку олигархи, что батальоны эти вроде их личных армий, но людям все равно, о чем языками трепать, а вот про Новосветловку он слышал – недавно по телевизору показывали. Показывали, как военные поселок от боевиков-сепаратистов освобождали. Вот молодцы ребята – до сих пор плацдарм держат!..

Машина сбавила обороты, объезжая разбитую военную технику по обе стороны асфальта. Черные от копоти танки с раскуроченными гусеницами и сорванными башнями, перевернутые машины с минометными установками и застывшие БТРы с неестественно вывернутыми обугленными колесами ещё хранили запах боя.

Волонтёры удивленно переглядывались между собой, не понимая, что случилось. Разрушенные дома вдоль дороги, в большинстве своём без окон и дверей, со снесенной крышей, ничем не отличались от машин. Казалось, над посёлком пролетел огненный смерч, уничтожив все живое на пути.

– Здесь у них техникум... был, – обронил старший, показывая рукой в направлении разнесенного снарядами двух-

этажного комплекса. – А там... А там – больница районная...

Остатки техникума и больницы, густо помеченные осколками снарядов, ещё дымились.

– Матерь Божья! – простонал Богдан. – Да что же это такое?

– Война.

Словно в подтверждение этих слов где-то спереди прогремел взрыв, за ним – второй, намного ближе...

Они свернули в просёлок. Ехать стало ещё хуже – дорогу на каждом шагу перегораживали поваленные деревья и перебитые напополам электрические столбы, чтобы проехать, приходилось отодвигать их в сторону или переносить на обочину. Через полчаса, когда уже порядком надоело таскать тяжёлые бревна и ветки, и Богдан хотел предложить возвращаться назад, на трассу, машина остановилась.

Не теряя времени, водитель выскочил из салона и торопливо бросился к руинам ближайшего строения. Скорее всего, снаряд попал «в яблочко» – от дома осталась одна коробка, все остальное, включая крышу, лежало внутри обрушенных почти до основания стен. По-соседству стояли такие же разбитые постройки – дома и гаражи, чудом сохранился только небольшой деревянный сарай, расположенный поодаль от дома.

Василий метался возле развалин, звал кого-то, пробовал разбирать обугленные кирпичи, потом побежал к соседям.

– Баба Варя! Баба Варя, вы здесь? Баба Варя!..

Из сарая, кутаясь в тёплый пуховый платок, вышла нарядно одетая старая женщина. Казалось, будто она собралась идти в гости.

– Пошто кричишь, Василий? Не глухая я, слышу. Успокойся, твои неделю, как уехали... Успели, хвала Господу. Вчера, как началось, как началось, думала, небо на землю ложится, так трясло и грохотало. Хату мою, – старуха повела глазами в сторону разрушенного дома, – ещё раньше положило, в первый раз, когда ребята наши отступали. Так я в сарай жить перешла. Сергей с собою звал – отказалась я, дома помирать хочу, не хочу быть кому-то обузой. Вот нарядилась, лежу, смерти жду...

Баба Варя привычно смахнула кулаком слезу, катившуюся по иссохшей морщинистой щеке:

– А ведь зря жду, сказывается, погрохотала-погремела она вокруг, смерть-то моя, а меня не тронула. Видать, у неё плана на меня ещё нема. На Сашку, соседского мальчика, был план, и на Софию, мать его, тоже был, а на меня – не было... Вот и лежу, плана на себя жду... Да и куда мне ехать? И зачем? Я здесь родилась, здесь жизнь прожила, здесь и помирать буду.

Она рассказала Василию, куда собирался Сергей увозить от войны жену с детьми, как бесчинствовали в селе «гайдарцы», как народ в церкви держали, «будто полицаи при немце», а сами «по хатам шастали», как потом добро награбленное на машины грузили...

– И ко мне приходили, да шо с меня возьмешь? Бедная, шо церковная мышь – холодильник «Донбасс» да телевизор «Рекорд», ни ковров тебе, ни магнитофонов. Мне хватало, а этим... Этим другое подавай – новое, модное, богатое... Старшой так и сказал своим: «У бабки только душа в теле осталась, хорошо встряхни – и та вылетит».

Женщина поежилась, будто от озноба.

– Не тронули. Оставили. Оно и к лучшему – я могилку вырыла, да Сашку с Соней похоронила. Пусть почивают с миром.

Повернувшись в сторону сада, баба Варя троекратно перекрестилась и низко поклонилась:

– Царствие небесное невинно убиенным.

Уезжая, волонтеры оставили женщине немного продуктов. Василий обнял её на прощание и пообещал заехать на обратном пути. Машина тронулась с места, то и дело объезжая рваные воронки, расчленённые на крошево деревья, а Богдан смотрел на одинокую сгорбленную фигуру – возле своего почившего дома в праздничных одеждах стояла баба Варя, ждала смерти и прощально махала им рукой.

На трассу возвращались прежним маршрутом, чтобы не тратить времени и сил на расчистку нового проезда. Крюк, конечно, делали порядочный, зато машина бежала, словно подгоняемая ветром. Ему не терпелось расспросить, кто же эта бабушка Варвара, кем она приходится Василию, и кто такой Сергей, но водитель уж очень внимательно вглядывал-

ся в дорогу, не отвлекаясь на разговоры. Богдан и себе задумался, поэтому не заметил, когда волонтер заговорил.

—...Жена моя, Катерина, родом отсюда, а дом разрушенный – брата её младшего. Мы с Катей сорок лет вместе прожили, раньше каждый год в Новосветловке бывали, в отпуск с детьми приезжали. Потом её родители померли, реже ездить стали... Я ж там каждую тропинку знаю, каждое деревце, каждый кустик... Да что же это творится недоброе такое? Что же это за беда на наши головы?!

В сердцах Василий ударил руками о руль, заодно нажав на клаксон. Гудок получился протяжный и тревожный, будто на похоронах. Больше в машине до самого места назначения не прозвучало ни звука.

Воинская часть, в которую был командирован Богдан, охраняла поселок, а точнее, трассу, соединяющую Донбасс с Ростовом-на-Дону. Населенный пункт, как важный стратегический объект, несколько раз переходил из рук в руки, а вот население в нем почти отсутствовало, не исключено, что именно прямая трасса на Россию сослужила людям благую службу – защитила от войны.

На обширной территории, по всему, являвшейся раньше транспортным предприятием, было совершенно пусто, только изредка в поле зрения попадались шатающиеся тени, подойти к которым Богдан посовестился. На дверях штабного помещения, расположенного в самом центре построек, висел тяжелый амбарный замок. Рядом, в открытой столовой,

на грязных столах стояла неубранная посуда, будто только что закончился обед, но и там не было ни души, если не считать рой мух, лениво ползающих по оставленным невымытым тарелкам. Лишь к вечеру в распоряжение начали прибывать военнослужащие.

– Отлично, – быстро просмотрев документы мобилизованного, выдал штабной офицер. Потом покрутил бумаги в руках и вернул их обратно. – Завтра – на передовую, а сейчас – получить оружие и отдыхать.

Не удивившись такому «радушному» приему, Богдан сам нашел подобие казармы, свободную кровать, и, кажется, только прислонил голову к подушке, как услышал:

– Подъем!

Просто в окно светило яркое августовское солнце. Пять минут на сборы, ещё десять – скудный завтрак, дальше – погрузка в машины и... на позиции.

Передовой оказалась часть посёлка городского типа со стандартными двухэтажными зданиями. Жизнь ушла из него вместе с людьми, и теперь он казался не просто пустым, а мертвым. «Почти, как Припять в Чернобыле, когда её по телевизору в годовщину аварии показывают... – пришло на ум нелестное сравнение. – Только и разницы, что здесь ещё не выветрился запах человека». Богдан огляделся по сторонам и даже носом повел, принюхиваясь. Запахи были обычными, домашними, не предвещающими никакой беды. Немного успокоившись, он сосредоточился на окружающих.

Рядом с ним находились такие же резервисты, отслужившие срочную ещё при Союзе. Они вяло переговаривались между собою, общались с родными по телефону, курили, и вовсе не были похожи на армию. «Просто сбоку припёка, а не армия», – он даже обиделся немного, рассматривая своих невольных однополчан. Небритые, измятые лица, серые, будто молью побитые, пожёванный, не всегда по размеру, камуфляж... Потрепанные и неряшливые, мобилизованные выглядели удручающе.

Не вызвала восхищения и обувь. При виде истоптанных армейских ботинок советского образца рядом с когда-то добротными, но тоже до дыр заношенными кроссовками «рибок» и «адидас», становилось понятным, что обувались «новобранцы» дома, и кто во что горазд.

«Да-а, блин, вояки... Одним видом могут убить... Сразить наповал, – подытожил с горечью. – Неужели у нас все войско такое – оборванное и немытое? А как же воевать? А как же побеждать?»

Какое побеждать?! Прислушавшись к разговору, он понял, что у этих людей, насильно изъятых из мирной обстановки, вообще нет желаний, кроме одного – побыстрее вернуться домой. Там, дома, совсем другая жизнь, свои семейные проблемы, и без хозяина родным не обойтись, так что воевать, а тем более, умирать, они не имеют права.

«А никто и не спрашивает, чего тебе хочется – жить или умереть? – вспомнил шестерых своих попутчиков, остав-

шихся в подорвавшемся на mine бусике. – Тут бы хоть землей присыпали, чтобы ворон глаз не клевал да собаки на куски не рвали. Эт, размечтался!»

С тех пор, как взлетела на воздух машина, прошло менее недели, но ему не раз чудилось, словно каждый день, проведённый на чужой земле, продолжается целый год, и за эти несколько дней-лет он так устал, что хотелось просто исчезнуть, бесследно испариться или уснуть, да так, чтобы проснуться в другой жизни, в той, где нет войны.

«А может, ему просто хочется спать?» Уже от одной этой мысли закружилась голова. Захотелось лечь на землю, где стоял, и хотя бы на минуту закрыть глаза. Хотя бы на минуту, не больше, но и этого было бы достаточно, чтобы отдохнуть. Ему давно уже казалось, что ещё некоторое время без сна, и организм точно не выдержит, откажет... И тогда он умрет, умрет на месте, даже без боя.

Судя по всему, остальным мужикам ситуация на фронте была уже знакома. Перекинувшись словом-другим между собой, они потихоньку, нескромно зевая, расползлись по территории, будто растворились в воздухе, и вскоре на передней линии остался он один.

Привычно набрал на телефоне номера родных, также традиционно получил в ответ: «Вызываемый вами абонент находится вне зоны», потом и себе нашел уютное местечко на солнце, прислонился к теплой стене и закрыл глаза. На голову стало легче, но стоять, даже тесно прижавшись к шер-

шавой штукатурке, было все равно неудобно. Так он продержался ещё с полчаса. За это время ничего важного не случилось, да и не важного – тоже, все так же ярко светило солнце, и все так же сильно хотелось спать.

«Эх, была не была... Если что, успею встать», – решил, внимательно осмотревшись по сторонам. Потом снял куртку, аккуратно, не спеша, сложил её, положил на сухую траву под фундаментом оружие, на него – одежду, а сверху улёгся сам. Почти тут же, как из-под земли, возле него появился ярко рыжий ушастый котенок. Он по-хозяйски обнюхал Богдана, залез к нему на грудь, удобно свернулся калачиком и тихонько заурчал. «А ты откуда взялся? Какая, к черту, война?!» – сонно подумал тот, прижимая к себе рыжее чудо. И едва он успел это сделать, ослепительная вспышка больно полоснула по глазам, перекрыла воздух и пропала...

Богдан с шумом вдохнул воздух, протер глаза. Темно. Почему темно? Где он? Будто в ответ на его мысли мягко щелкает выключатель и до него доносится спокойный мамин голос:

– Вот незадача – опять лампочка перегорела. Ты здесь оставайся, сынок, а я схожу, новую поищу. Стой на месте, милый, не то в потёмках оступишься и упадешь.

Слышатся неспешно удаляющиеся шаги. Мама уходит, оставляя его наедине с темнотой. На какое-то время в комнате воцаряется зыбкая тишина, только слышно, как в оконное стекло бьется заблудившаяся муха, да где-то совсем ря-

дом уныло плачет маленький ребенок.

– Ну вот – порядок, – снова раздаётся щелчок выключателя, и на этот раз в комнате разливается холодный ровный свет. Возле входных дверей стоит мама. У её ног – крошечный рыжий котенок.

– Думала, наконец-то усну... Вроде все дела переделала, а не спится мне, мучит что-то, тревожит... Встала... и вправду, лампочка перегорела, свет потух... Вот теперь все в порядке – можно спокойно отдыхать.

Богдан молча наблюдает за мамой. Совсем, как в детстве, на расстоянии. И, как в детстве, ему хочется прижаться к ней, попросить, чтобы не уходила, чтобы выслушала его... Он не знает, что нужно сделать, чтобы мама задержалась, лихорадочно ищет достойную причину, потом начинает креститься и направляется к матери, чтобы последовать за ней, но, как и прежде, мама строга и невозмутима. Она делает шаг назад, второй...

– А вот этого, сынок, делать не надо... Когда ты родился, я поблагодарила Пресвятую Богородицу...

Мама снова пятится, отступает. Неизвестно откуда в комнате появляется густой молочно-белый туман, и ноги матери будто растворяются в нем. Туман становится плотнее, поднимается выше, обволакивает все вокруг, заполняет собою оставшееся свободное пространство.

Богдан идет быстрее, пробует бежать, протягивает к матери руки, чтобы хотя бы прикоснуться к ней, но мама бес-

следно исчезает. На месте, где она недавно стояла, свернувшись невзрачным клубочком, лежит рыжий котенок, жалкий и беспомощный, как он сам когда-то в детстве...

– Поаккуратнее, поаккуратнее, этот теплый ещё, может, живой... Чш-ш-ш! Да тихо вы, расшумелись, как галки, ничего не слышно! – прикрикивает на беседующих стоящий рядом с ним человек. – Живой! Точно, живой! Дышит! Вытаскивай его!

Чьи-то грубые, бесцеремонные руки хватают его за голову, за ноги, дергают, тянут... Становится невыносимо больно, так больно, будто из него вынимают душу. Он делает попытку кричать, звать на помощь, но тщетно. На минуту боль отпускает его, и он слышит приглушенный разговор.

– Миша, иди сюда! Смотри!..

– Откуда?

– Да вот, у этого... в кармане... И карточка там же была...

Вместе с адресом.

– Грузи его в машину. И второго раненого туда же. Что там у него? Нога?.. Ему перевязку сделали? Да мне пофиг, что кровотечение!.. Жгут наложите, что ли... Нам лишь бы до больницы его довести, чтобы кровью по дороге не сошёл... А там сами разберутся, без нашей помощи. Смотри, молодой совсем, зелёный, жалко, если что... Чем раньше выедем, тем лучше – больше шансов, что живым останется. Бери его... Вот так, осторожно... Чуть выше... ещё... ещё... Ложите рядом. Остальных потом к Иванычу доставим, он знает, что с

ними делать. Ты здесь с ребятами оставайся, а я с ними поеду...

Те же грубые руки вновь поднимают его, куда-то несут, потом не совсем деликатно бросают на твердый пол. Рядом с собой он чувствует человеческие тела. Холодные уже, мертвые. Все кончено. Становится совершенно безразлично, куда его везут и что с ним будет дальше, и он погружается в это безразличие, как в мутный омут...

Сознание возвращается к нему вместе с пониманием, что рядом никого нет. Потом становится ясно, что лежит он уже не в кузове машины, а в помещении, к тому же – на кровати. В комнате остро пахнет лекарствами, хлором и прочей больницей. Запахи эти, как ни странно, не вызывают раздражения, наоборот, успокаивают, но вздохнуть свободнее все равно не получается – по-прежнему сильно болит голова.

Временами ему кажется, что боль живая, что она беспокойно ворочается, крутится, что-то вынюхивает, будто ищет себе место, где бы устроиться поудобнее и остаться там навсегда. А ещё она, эта боль, что-то постоянно бормочет и сердито бухтит, не забывая при этом сверлом вонзаться в мозг.

Ему хочется залезть внутрь головы, в самую её середину, и вырвать уже давно надоевшее болезненное гнездилище с корнями, чтобы закончить, наконец, эту мучительную пытку. Он даже знает, как это сделать, но руки не слушаются его, а вокруг почему-то опять совершенно темно.

«Почему нет света? Где я? Неужели снова лампочка перегорела?» Он силится открыть глаза, но что-то мешает, не дает этого сделать. Тогда он прислушивается к звукам – тихо, только где-то неподалёку продолжает плакать дитя. Сейчас должна прийти мама... Она, без сомнения, поможет ему – включит свет и снимет боль...

Мысли о маме немного успокаивают его, обнадеживают, но, к донимающей ране в голове и окружающей его темноте, присоединяется такая же невыносимая жгучая жажда – ему до безумия хочется пить. Распухший язык уже не помещается во рту. В надежде глотнуть свежего воздуха, он открывает рот и внезапно чувствует на пересохших губах что-то сырое и мягкое. Не раздумывая, со свистом втягивает в себя влагу, потом ещё и ещё...

«Пресвятая Богородице, как же вкусно! Как же невероятно вкусно!» Облизывает губы от удовольствия, затем вновь открывает рот и беззвучно просит: «Ещё! Дайте ещё!» Рядом раздаётся удивленный шепот:

– Впервые вижу, чтобы вата сухой становилась... Посмотри, она совершенно сухая...

– Может, довольно ему? Доктора надо спросить.

После этих слов смоченная в воде вата пропадает. Он делает попытку найти её, раздраженно вертит головой, пробует встать...

– Держите его, – обращается к кому-то женщина с уже знакомым голосом. – Держите, чтобы он себе не навредил...

И снова появляются чужие руки, хватают его за плечи, прижимают к чему-то твердому, не дают пошевелиться.

– Успокойтесь, молодой человек, – голос мужчины звучит спокойно, но строго.

Богдан ненадолго затихает, но через минуту открывает рот по новой, настырно требуя воды. Мужчина терпеливо объясняет:

– Вам дали норму, больной, больше нельзя, – и тут же поправляется: – Сейчас нельзя, позже дадут, не переживайте. Помяло вас немного, стеной придавило, кирпичом присыпало, как бы внутренних органов не повредило... Лучше перестраховаться. А вы умница, молодцом держитесь, если так и дальше пойдёт, то через день-другой можно будет повязки снимать. Будем надеяться, что операция прошла успешно.

«Какие повязки? Какая операция? Может, доктор говорит не про него, может, что-то путает?» Почувствовав, что руки, удерживающие его, ослабляют хватку, он тут же пытается освободиться от навязчивой опеки, но напрасно.

А доктор продолжает объяснять:

– Левый глаз мы спасли, он меньше пострадал – осколок вскользь прошел, черкнул немного, а вот правый меня беспокоит – глазное яблоко пришлось чуть ли не по кускам собирать, возможно, ещё одну операцию придется делать, так что будьте готовы. Ну, на сегодня все. Отдыхайте.

Слышатся шаги уходящих. Дверь тихонько скрипит, закрываясь. «Так вот почему темно – глаза под повязками».

Богдан вытягивает шею, прислушивается. Никого. Слышно только, как гулко стучит его сердце. Он задерживает дыхание, снова прислушивается – в комнате, как и прежде, тихо, значит, точно никого нет. Он поднимает руки, осторожно трогает бинты на лице, нащупывает узлы и пробует развязать их.

– Вам же доктор пообещал, что снимет повязки в самое ближайшее время, зачем спешить? – доносится до него спокойное. – Я тоже прошу вас не торопиться – глаза шуток не любят.

– Где я?

– Ну вот, наконец-то! А то мы уже решили, что, кроме зрения, вы ещё и голос потеряли...

Богдан тревожно заметался на кровати.

– Ой, извините, я не это имела ввиду! Простите меня ради бога, я ведь, ужас, как обрадовалась, когда вы заговорили! Вы же все молчали, молчали... Мы вот и подумали, что вы, возможно, голос потеряли, а тут, оказывается, все в норме, все в порядке! Ну, если с голосом все хорошо, то и со зрением наладится, вот увидите! А давайте, я вам доктора позову! Он все намного лучше объяснит... Вы полежите спокойно-ненько минуточку, хорошо?.. Я быстро! Одну минуту! Уже бегу! Побежала!

Слышно, как открывается и закрывается дверь, легкие шаги быстро отдаляются. «Один, два, три, четыре... – считает он секунды. – ...пятьдесят шесть, пятьдесят...» В кори-

доре звучат голоса. «Ты смотри, не обманула, секунда в секунду», – отмечает добродушно, укладываясь поудобнее.

– И кто тут у нас хулиганит? – нарочито строго спрашивает доктор, но тут же тон его меняется, и уже с нескрываемым удовольствием он отмечает: – Ну и слава Богу, теперь на поправку пойдёт! А повязки вы, больной, не трогайте, придёт время – снимем. Да, чуть не забыл – к нарушителям дисциплины посетителей не пускать!

«Какие посетители? Кому я нужен здесь, на чужой земле?» – думает Богдан, а вслух спрашивает:

– Доктор, я буду видеть?

– Сегодня – точно нет, а завтра – посмотрим! – нескладно шутит доктор, ничего не обещая. – К вам посетитель, больной, прошу любить и жаловать. Встретимся завтра.

«Как посетитель? Кто?» – в недоумении Богдан поднимает голову, вертит ею по сторонам, потом застывает, превращаясь в слух.

– Ну, здравствуй! – слышит он голос. – Не думал, что ещё раз свидеться доведется!

«Ещё раз?»

– Честно сказать, я тебя не узнал, когда ребята из-под завалов вытащили...

«Не узнал? Кто же это? Кто этот мужчина? Что ему от него, Богдана, надо? Голос незнакомый, может...» – руки непроизвольно тянутся к бинтам.

– Больной, не хулиганьте! – медсестра старается копиро-

вать строгий тон доктора, но получается это у неё немного по-детски, несолидно, будто понарошку.

– Слышал – не хулигань! Вы, девушка, к нему поостроже, посуровее, взрослый мальчик как бы, – мужчина смеется. – Да, угораздило же тебя в первый день службы в госпитале очутиться! Лежи теперь, пока не оклемаешься!

«В госпитале? Где он? Кто этот человек?» В ответ на свои мысли он слышит:

– Помнишь женщину, которую после обстрела из подвала засыпанного вытаскивали? Я ещё удивился тогда, что она тебя Мишей назвала, думал, со мной перепутала. А когда в твоих документах фотографию отца увидел, все стало на свои места. Вот ведь как бывает... Длинная история, длиною в жизнь, а если в двух словах, то отец мой когда-то, ещё в молодости, отдыхал во Львове... Там он и встретил маму твою. Понимаешь, жизнь – довольно-таки своенравная и непредсказуемая штука, и так её на поворотах иногда заносит, что мама не горюй. Да что я тебе всё лекции читаю, ты и сам не вчерашний... Хотя, если честно, я тоже не в себе с тех пор, как узнал... как узнал, что такое может случиться. Не понимаю, как это произошло. Поверить не могу... Вот думаю, думаю... Прямо, как в книжках библиотечных... Или по телевизору... Один к одному, как по телевизору. И не то, что с отцом произошло, странно, нет... Не хочу никого обижать, но мало ли у кого байстрюки по миру бегают? Тем более, отец молодым был, холостым, никаких тебе обязательств...

Вообще-то я не про это, я – про другое, про нас с тобой, что так нечаянно в жизни встретились...

Мужчина говорит заготовками, будто перед этим свою речь репетировал, и теперь спешит – боится что-нибудь забыть, потом прерывает своё повествование, а Богдан не может понять, причём здесь его мама и совершенно чужие, незнакомые люди за добрую тысячу километров от его дома? И, главное, какое отношение эти люди имеют к нему?

– Нет батьки больше, земля ему пухом... Ты не подумай, что от войны... Нет-нет, от сердца помер, давно уже. Ему тогда шестьдесят первый шел. На пенсии уже был, а все работал, не хотел без дела сидеть, говорил, не привык. Проснулся утром, чтобы на смену, и... Соседка наша, Женя, прибежала, укол ему, второй, но все напрасно. В пять минут ушёл, не успели спасти. «Скорая» уже после приехала... Смерть засвидетельствовала...

Богдан хочет сказать, что он не тот, за кого принимает его неожиданный гость, но не успевает.

– Ты похож на него... Я – нет, я в матушку пошел. Ну, может, характером немного, да и то – с большой натяжкой, а так... нет, не похож. У меня только имя его. Мама всю жизнь любила отца, да и он отвечал ей взаимностью, но иногда папа рассказывал о львовской девушке – Ядвиге. Запала в душу она ему. Знаешь, с матушкой они только через год поженились... Через год после его встречи с твоей мамой. Отец о тебе не знал. Думаю, если бы знал, наверное, вернулся бы во

Львов...

Рассказчик снова замолкает. В палате воцаряется тишина, а Богдан видит разбитый дом без крыши, открытый люк в полу, вспоминает старую фотографию, как ему раньше казалось, маминого родственника, на деле оказавшимся его... его родственником, а не маминым...

– Да кто его знает – вернулся бы, не вернулся... Одним словом «бы», а имеем, что имеем.

Мужчина немного помолчал, будто замешкался в поисках подходящего слова:

– Может, тебе это покажется странным, но мы с тобой братья. По отцу только, конечно... Но, как говорится, из песни слов не выбросишь... Что ж, давай знакомиться. Михайло.

Он снова сделал паузу:

– Странно как-то получается... Будто передача «Жди меня»... Никогда не поверил бы, что такое возможно... Что такое в жизни случается... Всегда думал, что по телевизору артистов показывают, ан, нет, вот оно как может повернуть! Матушка, когда в себя пришла, рассказала, что к ней во сне отец приходил, опять про Ядвигу свою рассказывал. Я думал, фантазирует, выдает желаемое за действительное. Слабая она уже... Здоровье никудышнее... Да ещё эти стрессы, война... Вот я и не придал её словам значения.

А мама – по новой, ещё раз то же самое повторяет, затем ещё, а потом и ты объявился! Понимаешь, у нас территория небольшая, и когда чужой появляется, его ведут, – и будто

извиняясь, мужчина добавляет: – Не обижайся, время такое. Ты же почти целую неделю скитался по нашей земле, все норювил в каждую щель заглянуть, что-то вынюхивал, выискивал, а потом исчез неожиданно...

– Ну да, я на шпиона похож? – обвинения Михаила задели его за живое. – Я часть свою искал, а не шпионил. Вели они!.. Чего тогда не взяли, «ведуну»? Исчез, говоришь... Неожиданно... Испарился, что ли? В пруд нырнул и не вынырнул? Почему же тогда не спасали, коль важен я? Вели они...

– Кто знал, что у тебя в карманах? Пока опасности не представлял, вели, наблюдали... Говорю же, время такое сейчас... Сложное время. Не мы к вам в дом пришли, и вас к себе с оружием не приглашали...

– Мужчина, – голос медсестры превращается в сталь. – Вас доктор предупреждал, что больному нужен покой, что волнения ему противопоказаны? Прошу вас покинуть помещение!

– Ну вот – поговорили... Вообще-то я так много в жизни никогда не говорил, а это... прям, разошёлся весь – самому не верится. Так, ты это... поправляйся, выздоравливай... Я как-нибудь ещё заскочу, тогда и обсудим все. Ах, да, совсем забыл – ребята просили передать, что Рыжик поправляется! Ну, бывай!

Миша почти выскочил из комнаты, подняв дверью ветер. «Нервишки никуда не годятся! Воды бы сейчас, целый стакан!»

– А вы водички попейте, – будто подслушала его мысли медсестра, и он тут же ощутил в руке трубочку. – Только смотрите, не переборщите, доктор просил вам воду понемногу давать. Вы подумайте себе спокойненько, с силами соберитесь, а я тут выйду ненадолго, хорошо? Эх, сколько всего случилось-то! Сколько всего произошло! Такое даже здоровому человеку не всякому под силу, а уж вам – и подавно...

Девушка ушла, а он лежал, не зная что делать. Впервые в жизни ему не думалось. И не потому, что мыслей не было, нет, наоборот, их было слишком много, столько, что сосредоточиться на чем-то одном было очень трудно, практически невозможно. Он вспомнил давний разговор.

«...– Богдан, ты уже взрослый, сынок, все понимаешь – от нас ушёл отец, – мама, как всегда, была немногословной.

– А когда он обратно вернется?

– Не хочу тебе ничего обещать, проживем – увидим.

Папа вернулся в воскресенье. На время. С новым зеленым самосвалом. У самосвала был почти настоящий руль, который крутился, и высокие черные колеса. Потом был день рождения, первое сентября, день Святого Николая...

А потом у отца появилась другая семья. Об этом также ему сообщила мама:

– Ты ведь понимаешь, Богдан, что у взрослых – взрослая жизнь, и очень много дел?»

Он все понял. Понял, что отец ушел, понял, что по ка-

ким-то неизвестным ему причинам он не будет с ним даже встречаться, и только сегодня, несколько часов назад, он понял ещё одно – он любит отца. Не этого, Мишиного, которого он никогда в жизни не видел и уже никогда не увидит, а своего, родного, того, что остался во Львове.

Тогда, в детстве, обида на папу заслонила собой эту любовь, перечеркнула все, что связывало их прежде, заставила гнать прочь воспоминания, но сегодня он узнал правду, и эта правда многое объясняла. Он дал себе слово, что по приезде домой обязательно найдет отца, найдет, чтобы сказать, как он любит его, как скучал по нему все эти годы, а ещё, чтобы попросить у него прощения за маму, и за её женскую гордость...

– Просыпаемся! Умываемся! Доброе утро, больной!

Женщина с жутким грохотом отодвинула сон, шторы и открыла окно:

– Ну вот, а я к вам солнышко пригласила! Сегодня оно особенно яркое – первое, никак, сентября! Правда, дети в школу не пойдут. Наши дети...

Богдан не знал, какое сегодня число, не видел ни солнца, ни санитарки, но слышал, как она шумно передвигает с места на место кровати, стулья, громыкает шваброй и приговаривает:

– Их дети пойдут в школы и детские сады, а наши будут сидеть в подвалах... Их пенсионеры будут получать пенсии, а наши – не будут... Их дети пойдут в школы, а наши...

По звуку закрываемой двери палаты он понял, что уборщица вышла в коридор, но и там женщина продолжала бубнить слова президента. Он тоже помнил эти слова, но до сих пор не мог понять их. Он – простой среднестатистический гражданин Украины, «пересичный украинец», как любила повторять власть, не мог понять – радоваться ему или печалиться, оттого что высшее государственное лицо – президент, выразил ему и ещё половине страны своё доверие и уважение, а другой половине – неприязнь и презрение?

Наверное, нужно было радоваться, как радовались многие его соседи и знакомые, и гордиться доверием президента, но что-то мешало, что-то не давало наслаждаться такой сомнительной победой...

Ещё через час Богдана отвезли в перевязочную. Врач долго осматривал его глаза, спрашивал о самочувствии, об ощущениях, проверял реакцию зрачков на свет. Потом на правый глаз снова наложили повязку, а левый оставили свободным, хотя видел он им только туман – густой молочный туман, как в недавнем сне, и в тумане этом плавали расплывчатые тени. Опасаясь, что бинты наложат обратно, жаловаться доктору не стал.

Уже в палате, чтобы никто не заметил, он пытался тренировать зрение: открывал-закрывал глаз, рассматривал руку, приближая и отдаляя её, фокусировался на кончике носа, но резкости по-прежнему не доставало, мало того, прежде светлый, туман заметно потемнел, стал мутновато-серым, а во-

круг глаза заплясали огненные искры. Ещё через несколько минут он почувствовал себя, будто выжатый лимон, захотелось спать, и не было ни сил, ни желания сопротивляться этому.

Проснулся он от криков и шума. По коридору, громяхая и повизгивая на поворотах, быстро проносились больничные тележки. Он слышал, как кто-то надрывно командовал, распределяя больных по палатам, как кто-то, то ли от боли, то ли от горя, плакал, как кто-то просил Бога о помощи... Все это продолжалось около часа, потом постепенно успокоилось, затихло.

И только он снова попытался заснуть, как дверь палаты широко распахнулась, пропуская каталку со спящим мужчиной, закрытым до самого подбородка простыней. Вслед за ним, словно на привязи, в комнату просочились медсестры, держащие в руках стойки капельниц. Мужчина не шевелился и, кажется, не дышал. Из бурых бутылок по трубочкам-венам лениво струилась кровь. Не задерживаясь, мрачные змейки неспешно исчезали под белой простыней. Даже не взглянув на Богдана, девушки убежали.

«Что же случилось? Неужели очередной обстрел?» – спрашивал он себя, с любопытством разглядывая спящего. Темно-русые волосы с седыми висками, высокий лоб, на верхнем веке – темная полоска, будто вырисованная тушью. «Шахтер», – отметил знакомое с детства. Такие следы въевшейся угольной пыли он встречал у своих земляков, в соседнем

Червонограде. Там тоже шахты были. Поменьше, конечно, чем в Донбассе, да и качество угля не то, но шахты были. И люди там работали – такие же шахтеры, как и здесь.

В последнее время он часто ловил себя на мысли, что сравнивает две Украины – Восточную и Западную, сравнивает людей, проживающих на этих территориях, их жизнь, уклад, традиции. Для чего ему это – непонятно. Может, для того, чтобы понять, как так произошло, что граждане одной державы воюют друг против друга? А, может, для того, чтобы оправдать эту войну? Или для того, чтобы назначить виновного? Тогда, кто прав, а кто виноват? Казалось, мысли роились в голове, как пчёлы в улье, отчего поселившаяся там тупая зудящая боль становилась практически невыносимой.

Он закрыл глаза, но ни боль, ни вопросы, мучившие его, не исчезали. «Кто прав? Кто виноват? – пульсировала кровь в висках. – А что, если люди, живущие по разные стороны Киева, даже не подозревают, что происходит там, в противоположной части Украины? Ведь не знал же он, пока сам не попал на Донбасс...»

Дверь открылась снова, и, прервав его размышления, в палату вошел доктор. Кивнув Богдану, он поправил простыню, накрывающую только что прибывшего, измерил пульс, потом наклонился над спящим мужчиной. Низко-низко наклонился, так низко, что казалось, будто он его нюхает.

– Дыхание ровное. Спит, – произнес он, обращаясь к подошедшей женщине.

Она тоже наклонилась к больному, коснулась губами его лба.

– Спит. Как он, доктор?

– Все в руках божьих. Сделали все возможное. Будем надеяться...

Богдан не верил своим глазам, он даже привстал от неожиданности – напротив него стояла Татьяна Ильинична. Она тоже заметила недавнего гостя:

– Богдан, сынок, а с тобою что? Что с глазами? Ты куда пропал? Савва приехал расстроенный, говорил, только людей нашел, вызвавшихся Богдану помочь, глянь, а его в машине нет. Что случилось, дорогой? Рассказывай.

– Татьяна Ильинична, я – мобилизованный...

– Да знаю я, знаю! У нас территория небольшая... – замахала руками женщина, будто повторяя слова Михаила. – Ты мне другое скажи, что с глазами твоими? Как ты себя чувствуешь? Сам понимаешь, Володя проснется – не до тебя будет.

После этих слов все остальное, приготовленное Богданом в качестве оправдания, потерялось, оказалось лишеным смысла. Как же так – он ночами не спал, подбирая слова, отвечая на свои же вопросы, и вдруг – ничего этого не надо? Стало обидно, что все просто, что не надо юлить, не надо оправдываться, не надо врать, можно просто сказать правду, и мир от этого не рухнет... Почему так случилось, почему? Почему то, к чему он был готов, перевернулось с ног на го-

лову?

И снова в голове громоздился невообразимый хаос, снова мысли путались, мозги плавались, но понять происходящее он был не в состоянии.

То, что он был этим людям враг, ему стало давно понятно. Как там сказал Михайло: «Не мы к вам в дом пришли, и вас к себе с оружием не приглашали»? И по старой привычке, приготовившись к худшему, к неприятию и непониманию, Богдан был ошарашен, что эта женщина его понимает. Мало того, она относится к нему, как к человеку, просто, как к нормальному человеку...

«Но так нельзя! Нельзя всем поголовно верить, ведь люди разные бывают...» – думал Богдан, в который раз удивляясь доверчивости Татьяны Ильиничны. Он не мог понять, почему эта женщина так доверяет ему? А ещё не мог понять, зачем врачам его спасать? Он многого не мог понять, и от этого становилось ещё хуже. Лишь одно он знал, был в этом твердо уверен: он – враг этим людям, и пришёл к ним не с благими намерениями.

«Враг! Враг!» – стучал в голове молоточек. – Нет! Не может этого быть! Так нельзя!» Внезапно ему показалось, что последние слова он прокричал вслух. Он оглянулся на Татьяну Ильиничну, но та спокойно поправляла постель на кровати мужа.

Женщина не слышала, или он не кричал? Временами ему казалось, что он сходит с ума. Полуявь-полусон на шаткой

границы с реальностью, полумрак в глазах и полуобморочное состояние в голове переплелись в вязкий живой клубок, растущий на глазах, увеличивающийся с каждой минутой, и с каждой минутой впитывающий в себя чувство вины и гнева, досады, раздражения и ещё чего-то невысказанного, тяжелым камнем лежащего на сердце и не дающего жить дальше... Этот клубок заменил ему на время жизнь.

Так больше не могло продолжаться. Изъеденные нервы могли не выдержать и лопнуть, как струна. Что делать? Как ему жить? Подсознанием он чувствовал, что разгадка где-то рядом, где-то на поверхности, на видном месте, и нужен только толчок, чтобы её найти. А ещё ему хотелось говорить. Хотелось рассказать о себе, о своей семье... Что-нибудь рассказать... Просто так... Рассказать, чтобы эти люди знали, какой он человек, чтобы понимали, что он не представляет для них опасности, что он никому из них не желает зла, что никому намеренно не причинит боли...

Не выдержав напряжения, он заговорил:

– В детстве мне нравилось ходить в гости к бабушке. Она за городом жила, в частном доме. Рядом с домом лес, озеро... Гуляй – не хочу! Я все лето только тем и занимался, что играл с друзьями, ходил в походы на другой конец леса, к ручью, и купался в озере... Беззаботная жизнь, не правда ли? Но была в доме бабушки тайна, которая мучила меня, не давала покоя.

Эта тайна жила в маленькой, всегда запертой на ключ,

комнате, куда входить имела право только бабушка, остальным домашним вход был строго воспрещён. Понятно, я не мог смириться с данным положением вещей. Шло время, я подрастал, и вместе со мной росло желание попасть в тайну, а со временем это желание превратилось в дело чести, в «идею фикс».

Для начала я тщательно обследовал окно, но, к моему глубокому сожалению, оно оказалось закрытым наглухо, а само помещение надёжно спрятано от посторонних глаз тяжёлыми плотными шторами.

Потом пришла очередь чердака, но, кроме больших деревянных сундуков со старыми газетами и журналами, там тоже ничего интересного не было. Тогда я решил взять неприступную крепость осадой.

Набрав с чердака недавно найденных журналов, я устроился в коридоре, да так, чтобы одним глазом видеть заветную дверь. Время от времени я покидал свой пост, делая вид, что у меня есть другие, более важные занятия – гулял с друзьями, играл с ними в футбол, ходил в кино, но каждый раз я возвращался обратно на свой пост, переживая, не пропустил ли самого главного.

И вот однажды, когда я целиком и полностью отчаялся увидеть человека, чьё присутствие в доме так тщательно охранялось, дверь открылась, и из комнаты донеслось:

– Заходи, Богдан, нечего под дверью ошиваться. Познакомься с Настей, дорогой.

Три шага, разделяющие меня и тайну, дались мне нелегко – меня бросало то в жар, то в холод, а сердце отчаянно вырывалось из груди, не давая дышать. Еле справившись с эмоциями, я переступил порог. Не знаю, что я ожидал увидеть – сказочного рыцаря, златовласую красавицу или сокровища Али-Бабы, но явно не то, что увидел – то, к чему я так безумно стремился, ради чего безвозвратно потратил массу драгоценного времени, на деле оказалось обычной, с изъеденным оспой лицом, закутанной в тёплый платок старой женщиной. Ничего худшего я не мог себе представить...

Богдан прервал свой рассказ, вспоминая детскую горечь от рассыпанных в пыль иллюзий. Даже сейчас, спустя несколько десятков лет, он помнил своё глубокое разочарование, граничащее с шоком.

Это был крах! Это был конец света! Он не знал, что делать. Не знал, как рассказать друзьям, что в доме бабушки живет ещё одна бабушка, к тому же, не самая здоровая... И все! Больше ничего! Никакой тайны на самом деле нет.

А ещё он боялся, что ребята засмеют его, затюкают. В тот день он потерял не только свою мечту, но и веру в чудо. Другим решил о случившемся не говорить, будто бы ничего и не произошло, все по-старому – комната закрыта, а ключ у бабули. И лишь спустя несколько лет он узнал, кто такая эта женщина, годами не выходившая из дома.

Однажды им позвонила взволнованная бабушка. Выслушав её, мама оделась в костюм, тот, что в нем в церковь ходи-

ла, и уехала, приказав Богдану запереть дверь и учить уроки. Не было мамы весь день, а вечером, после возвращения домой, она усадила его напротив себя и рассказала о Настасье.

– Богдан, ты должен знать, что во время войны в нашем городе жили разные люди – добрые и не очень. Вторые, недобрые, не понимая, какой грех творят, забирали из дому людей и убивали их. Однажды они пришли и за семьей Насти. Вместе с другими такими же несчастными семьями их отвели в лес и там расстреляли...

– Как в кино, мама? Совсем расстреляли? – не выдержал Богдан.

– Как в кино, сынок, совсем, – согласилась мама. – Только маленькую Настеньку её мама закрыла своим телом, и девочка не пострадала. Через три дня её, чуть живую, нашли люди, приехавшие, чтобы похоронить страдальцев. Они отдали дитя нашей бабушке. Настя долго болела, но Пресвятая Богородица помогла ей, правда, с тех пор девочка боялась людей. Она прожила долгую жизнь, если, конечно, это можно назвать жизнью – пережитое не давало ей покоя: она кричала по ночам, могла неделями не говорить и не любила выходить из дому. Сегодня Настасья умерла, царствие ей небесное. Отмучилась, несчастная... Не дай, Господи, никому такой доли...

Мама перекрестилась на икону Божьей Матери, а на следующий день дала Богдану в школу конфеты – на помин души Анастасии. Уже старшим он узнал, что Настя и её семья

были евреями, а его бабушка, полячка по-национальности, ухаживая за девочкой во время войны, когда преследовались и первые, и вторые, рисковала накликать беду не только на себя, но и на своих родных. Больше эту тему они с мамой не обсуждали.

Татьяна Ильинична слушала, не перебивая, изредка кивая головой, а Богдан внезапно подумал, что герой его рассказа – вовсе не он, а человек, шагающий рядом, и он не о себе рассказывал, а об этом чужом человеке, которого знает намного лучше, чем себя.

В его семье было много тайн, закрытых для чужих, и много моментов, о которых предпочитали молчать даже между собой. Оказалось, что и сам он – не исключение, и, возможно, если бы не его мобилизация, он так и не узнал бы, что его отец ему не родной, не узнал бы, что у него есть брат... На этот раз – родной... Почти родной...

Да, что-то пошло не так, но он не знал, что именно не так, не знал, где правда, а где ложь – все перемешалось, перепуталось, мир перевернулся вверх ногами, и отыскать истину в этом невероятном беспорядке было практически невозможно.

И ещё эти сны... Сны, в которых ему казалось, что душа покидает его тело и живет отдельно, независимо от него, не особо переживая, что в это время случилось с ним на земле. Мало того, она, его мятежная душа, в своих путешествиях была абсолютно зрячей и видела даже то, что видеть было

крайне нежелательно...

Неожиданно больной зашевелился. Он судорожно сглотнул, до хруста сжал руку Татьяны Ильиничны, открыл глаза и, не мигая, уставился в потолок. Медсестра побежала звать доктора. Тот с полувзгляда приказал:

– В реанимацию.

И снова палата опустела, но в этой гулкой пустоте осталась надежда на возвращение, надежда на жизнь. Богдан осторожно встал. Вышел в коридор. Ни звука. Медленно прошел мимо закрытых дверей палат, повернул направо и застыл на месте – в уголке на коленях, со сложенными в молитве руками, стояла женщина. Смутившись, он тихо попятился назад.

Казалось, время остановилось. Процедуры, еда, осмотр глаз происходили параллельно, отдельно от того важного времени, в котором решалась судьба человека. Он весь превратился в слух, в ожидание, уповая на последний миллиграмм чуда, на крохотную частичку везения, дарованного Богом каждому человеку.

Приходила и уходила санитарка, справлялась о самочувствии медсестра, молилась в уголке женщина, а он ждал. Кажется, дышал через раз, ждал, будто от того, выживет ли Владимир, зависела и его жизнь.

Звука каталки он даже не услышал, просто почувствовал её приближение. А еще почувствовал стук сердца, живого человеческого сердца. Владимир жив. Должен жить. Почему

же они не едут? Минуты ожидания превратились в вечность, пустота в голове – в вакуум...

Он закрыл глаза, вспомнил молитву: «Царице моя Преблагая, надеждо моя, Богородице... Зриши мою беду, зриши мою скорбь, помози ми, яко немощну... Обиду мою веси, разреши ту, яко волиши...»

– Ну вот, мы вернулись, – донеслось до него уставшее.

«Слава Богу, вернулись», – вздохнул он облегченно.

И снова по трубочкам-венам громко капала жизнь, и снова Татьяна Ильинична держала в руках руку мужа, передавая ему свою любовь и силу.

– Доктор пообещал, что будет жить, – одними губами прошептала она. – Сегодня нашу школу обстреляли. Второй раз за неделю... Только-только отстроили, в порядок привели после недавнего обстрела, как опять... Хорошо, детей ещё не было. Володя там случайно оказался – подарки от организации на праздничную линейку привез, а тут такое началось...

«Опять на высоком здании пристреливались», – вспомнил он батальон, в котором служил покойный Цевин.

–...Все в живых, слава Богу, остались, только привалило чуток... Он и кинулся из-под завалов людей выгребать... Дело уже к концу шло, когда оступился и на торчащую арматуру напоролся... Крови много потерял... Доктор обещал...

Татьяна Ильинична не договорила, что обещал доктор, глубоко вздохнула, потрогала лоб мужа, провела рукою по его щеке:

– Не бритый. Все некогда... С тех пор, как случилось это у нас, изменились люди, серьезными стали, на слова скупыми, осторожными. Глаза у людей изменились. Даже у детей глаза взрослые... Знаешь, такие себе маленькие старички, больно смотреть.

Наклонившись к мужу, будто что-то поправляет, женщина украдкой смахнула слезу.

– Одно не изменилось – душа... Как закончилась стрельба, все на помощь бросились, голыми руками пострадавших откапывали... Мы же шахтеры, мы ко всему привычны.

«Ко всему привычны», – повторил про себя Богдан. Перед его глазами, как в замедленной съемке, появлялись и пропадали разбомбленные села и города, разрушенные дома и заводы, накрытые густой сажей-пылью и обгоревшими тряпками трупы, покореженные мертвые машины и танки вдоль дороги, испуганные детские глаза под кроватью и длинная живая очередь за гуманитарной помощью...

– К такому нельзя привыкать, – произнес он вслух. – Это неправильно! Это неестественно – привыкать к войне!

Татьяна Ильинична посмотрела на него, будто увидела впервые:

– А что делать? Что нам делать, милый человек? Раньше я тоже так думала! И верила, что бомбежка Луганска – случайна, что нас обстреливают – по ошибке, по какому-то нелепому недоразумению, и что все это скоро закончится... Все в это верили. Но потом была Одесса, были эти девочки, по-

что дети, разливающие коктейли Молотова, а потом – сбитый самолет, пассажирский Боинг...

Только тогда я поверила, что не сплю, и, что весьма вероятно, ко мне в дом придет мой племянник... Придёт с оружием – убивать меня...

Знаешь, Богдан, а ведь в самом начале событий он позволил нам: «Тетя Таня, на вас я зла не держу, не переживайте, но время такое... смутное – надо осторожными быть, так вот – хочу вас попросить больше нам не звонить».

Позже Оля перезвонила, за сына извинилась, пообещала общаться. Звонила ещё раз, и все – на этом общение наше прекратилось, закончилось... То ли сама испугалась последствий, то ли сын, Дмитрий, запретил, всякое может быть, – искала женщина оправдание молчанию родных. – А мы же сестры, понимаешь?! Сестры! У нас нет больше никого! Одни мы! Детдомовские. Брошенные... Уже однажды брошенные! Всю жизнь держались друг за дружку! Даже когда я замуж на Донбасс вышла – в гости ездили, звонили... И вдруг – нельзя... Да и племянник мой – родная кровь, не чужой, а нам запрещают родными быть, лбами сталкивают, и не в переносном, а в прямом значении... Разделили нас, рассорили, представляешь, даже общаться нельзя!..

«Нельзя», – согласился про себя Богдан. Отсутствие связи с семьей и для него превратилось в пытку, и помочь ему никто не мог, даже врачи.

Тысячу раз он отгонял от себя навязчивую мысль, что

нельзя было отсылать Наталью с девочками в Россию, тысячу раз упрекал себя, что сам пошел в военкомат, тысячу раз он каялся... Тысячу раз... Но, как говорится, все мы задним умом сильны, случилось то, что случилось, и теперь надо было думать, как с этим жить.

– А знаешь, Богдан, когда перелом произошел? Знаешь, когда мы поняли, что никому в мире не интересны судьбы нескольких миллионов человек? – Татьяна Ильинична сделала паузу, словно давая ему возможность самому определить точку невозврата Донбасса.

– Когда Америка объявила виновных в катастрофе с малайзийским самолётом, с этим Боингом. Знаешь, мы сначала не поняли, удивлялись: как так – трупы в поле лежат, человеческие тела, и никому они не нужны, никто их забирать не собирается, чтобы по обычаю похоронить, никто не опрашивает свидетелей, не проводит расследования... Вообще никто не приезжает! Наши ребята охрану выставили, поле оцепили, следили, чтобы с места крушения ничего не пропало. Оказалось, что труды их напрасны – все равно никто не приезжал. Как ты думаешь, интересны кому-нибудь чужие, если свои не нужны?

«Свои не нужны...» – как же точно сказано. Он и сам ненужным себя чувствовал, давно уже, а понял это, ещё когда работу искал. Вроде все человеку подходит – и образование его, и стаж работы, и навыки по специальности, а как услышит, что за сорок, тут же теряет интерес, будто после со-

рока только на кладбище дорога. После нескольких таких переговоров он основательно потерял веру в себя, почувствовал себя старой бесполезной развалиной, переживал сильно, что никому не нужный, а сейчас он ещё одно понял, понял, что, по сути, его личные переживания – ничто по сравнению с жизнью миллионов людей, загнанных в угол только за то, что осмелились быть людьми.

–...Зато обстрелы с украинской стороны не прекращались. Ни днем, ни ночью... Накрывали поле, будто плугом пахали, – женщина заметила удивленный взгляд Богдана. – Мы здесь все военными стали, с ходу определяем, откуда снаряд летит... И где взорвется, знаем. Устали мы бояться, Богдан, устали умирать. И жить в постоянном аду устали. Мои ведь все в ополчении, даже дочка с невесткой, одна я дома сижу. Володя успокаивает: «Стрелять ты, Танюша, все равно не умеешь, в разведке от тебя толку ещё меньше, так что занимайся тем, что лучше всего получается – вари борщи». Оно и понятно – повар я... Вот и варю.

Женщина погладила руку мужа:

– Я и с ним благодаря борщам познакомилась...

В это время раненый открыл глаза, повел ими по сторонам, увидел жену... На лице мужчины появилась едва заметная улыбка, и он снова уснул. У Татьяны Ильиничны заблестели глаза.

Неловко отворачиваясь, чтобы не показывать своих слез, она попросила:

– Я выйду на секунду, Богдан, хорошо? А ты посматривай, пожалуйста, за Володей, если что – зови, я враз прибегу.

Вернулась женщина с врачом. Тот осмотрел больного, что-то задумчиво пожевал, хмыкнул, почесал нос и, не сказав ни слова, ушёл.

– Ну вот, такие вот дела, – подытожила Татьяна Ильинична, тяжело вздыхая. – Человек в этом мире – гость. Будем надеяться на лучшее...

Дверь в палату опять отворилась. На этот раз доктора сопровождала медсестра. Он повторно осмотрел больного, как и прежде, немного подумал, а потом решил:

– Будет жить.

– И я так думаю – будем жить.

Последние слова произнес Владимир. Взгляды присутствующих плавно переместились на него.

– На перевязку.

И снова ожидание. Он уже не помнил, какое сейчас число, месяц, день недели, не знал, который час – его жизнь превратилась в сплошное ожидание, состоящее из мучительной надежды на встречу. И снова вспомнились дети, Наталия, и её последняя просьба: «Давай куда-нибудь уедем, дорогой, насовсем уедем. У нас дети, Богдан, им отец нужен».

Из раздумья его вывели приглушенные женские голоса, которые доносились из открытого окна, и запах сигаретного дыма. Разговаривали двое. Богдан повернул голову к окну и прислушался.

–...Я в этом году в институт поступать собиралась. Медучилище с красным дипломом закончила, учиться дальше думала. Не успела...

Голос умолк, но собеседницы не ушли – запах дыма не исчезал. После небольшой паузы другой голос произнес:

– А мне бы в Питер ещё съездить. На балет. Понимаешь, я слово маме дала... Давно... Ещё в детстве. В нашем театре гастроли другого оперного были, отец билеты взял, чтобы маме удовольствие доставить. Любил он больно её, гордился очень, что мама, образованная интеллигентка, за него, простого шахтёра, замуж вышла. Он ей книги умные покупал, в музеи возил, на концерты... Работать не разрешал, представляешь? Любил!..

И снова пауза. Богдан недоумевал, как можно во время войны думать о балете? Странно как-то получается – вокруг стреляют, людей убивают, проливается кровь, а тут о любви говорят и о детских обещаниях... Да ещё о каких обещаниях – сходить на балет! «Да, пути твои, Господи, неисповедимы».

За окном снова послышалось:

–...А я мелкой была, ничего не понимала, взяла и... уснула! Представляешь, во время первого акта уснула. Только и помню, что «Щелкунчик» ставили. Папа – ничего, даже не обиделся вовсе, так и продержал меня, спящую, на руках весь спектакль, чтобы мне удобней было. А вот мама... мама сильно огорчилась, потухла вся... Она этот балет очень сильно любила... Мечтала в Петербурге посмотреть, на глав-

ной сцене Мариинского театра, да все некогда было, откладывала... Теперь вот не попадет...

Было слышно, как женщина глубоко затаилась и глухо закашлялась.

– Её прямым попаданием... Даже не мучилась.

Богдан отвернулся к стене. Ему было не по себе. Казалось, будто он подслушал что-то очень личное, сокровенное, посмотрел в «глазок» чужую жизнь, и сделал это намеренно. А хуже всего было понимание, что он является косвенным виновником происходящего. Возможно, не по доброй воле, но все равно виноват – из-за своего равнодушия, безразличия, нежелания понять, что нельзя сохранять нейтралитет, когда на кону – человеческая жизнь, преступно быть свидетелем убийства, даже не сделав попытки предотвратить преступление.

В последнее время ему не давала покоя мысль, что в стране существует две реальности: там, в другой Украине, не этой, жизнь по-прежнему бьет ключом – рождаются дети, учатся, женятся, и не знают, что совсем рядом, в соседней области, идёт война, что там убивают людей, обстреливают их дома, школы, больницы... Но самое страшное, что делают это сами украинцы, на своей же территории... Украинцы убивают украинцев... Убивают самих себя...

Господи, как же болит голова!.. Боже праведный, неужели нет конца этим мучениям?! Кажется, будто боль уже просверлила дырку в черепе, а сейчас подбирается к сердцу...

«Спаси, Господи милосердный! Спаси и помилуй!»

Богдан сжал голову, пытаясь унять боль, но перед глазами стояли разрушенные, сожжённые дома... Он закрыл глаза, но в ушах раздавалось: «Её прямым попаданием... Даже не мучилась...» Он зарылся под одеяло, зажал руками уши, но и это не спасло его от боли. «Пресвятая Богородице, помоги! Господи Боже, спаси и сохрани!..» – молился, будто в последний раз. Невероятной силы звук оборвал его молитву.

– Снаряд?! Не мой. Может, следующий мой?

Неожиданно все отошло на второй план – боль, тревога, смятение, осталось только одно – ожидание смерти.

– Господи Боже милосердный, прими мою душу!

– Богдан, ты чего там бормочешь? Тебе плохо? Позвать сестру?

Кто-то тормошил его за плечо. «Михаил, – узнал по голосу. – Да что же они, сговорились все, что ли? Добить хотят?!»

«У-ух!» – раздалось за окном, и на землю хлынул ливень.

– Гроза. Не снаряд, гроза, – прошептал чуть слышно.

– Что ты опять шепчешь? – ворчливо спросил Михаил, доставая из сумки какой-то предмет. – Грозы испугался? Как ребёнок малый, ей богу! Чего её бояться? Это ж не снаряд тебе, не мина, да по большому счету, и к ним привыкли. Устали жить в постоянном страхе. Держи подарок. Вот только не знаю, как твои сторожа отреагируют, наверное, опять меня выгонят?

В руках Миши появился рыжий котенок. Он принялся,

фыркнул, потом уверенно прошел к Богдану и улегся ему на грудь.

– Ты смотри, вспомнил. И чем ты его взял? – удивленно хмыкнул мужчина. – Ах, да, чуть не забыл... Мне ребята телефон твой передали, так я порылся в нем немного, по-родственному, так сказать, порылся... Ты же не обижаешься на меня, правда? В телефоне я номер супруги твоей нашел и перезвонил ей на всякий случай...

Михаил достал телефон и, словно в собственном, стал искать номер.

– Знаешь, она сначала мне не поверила, думала, подстава. Еле удалось убедить её в обратном, доказать, как всё на самом деле... Да что там размусоливать – на, общайся.

Богдан осторожно, будто стеклянную, взял трубку. После нескольких вызывающих гудков из неё послышалось:

– Бодя, ты? Это ты? Ты живой?..

Не успел Богдан ничего ответить, как в телефоне раздался какой-то шум, потом глухой звук удара, и после него – звонкий голос Ксюшеньки:

– Папа, папа, и взаправду, это ты? А мама брыкнулась, то есть упала – она сознание потеряла... Наверное, от радости, что ты нашелся, папа, – продолжила дочка, как ни в чем не бывало. – Но ты не переживай, хорошо? Здесь врачи есть, много. Они ей помогут. Они всем помогают...

Ксюша продолжала что-то трещать в трубку, а он ничего не понимал. Не понимал, где сейчас его жена и дочь, не

понимал, почему там врачи, и почему их много, а ещё ему не понравилось, откуда у Ксюши это «брыкнулась»... Потом телефон отключился.

– Ты не переживай за родных, Богдан, у них все нормально. Я с Натальей разговаривал давеча... Они у брата её остановились. Татьяна учёбу продолжит, в Петербурге. Ксюшу в школу определили, а сама Наталья в Центре приёма беженцев работает, волонтером пока... Думаю, с работой у неё обязательно сложится – медсестры везде на вес золота, так что сильно не переживай.

Миша ещё пытался что-то расспрашивать о здоровье, рассказывать о своём, но после нескольких односложных ответов засобирался домой.

– Знаешь, Богдан, тут матушка моя тебе привет передавала, просила к нам заехать после выздоровления, поговорить... – Михаил неловко замялся. – Понимаешь, дело в том, что ты на отца больно похож, прям, как две капли воды, похож, вот матушка и хочет на тебя ещё разок взглянуть. Думаю, без расспросов здесь не обойтись – о маме твоей, о Ядвиге. Женская ревность, понимаешь ли... Ты подумай, если что... А коль отказаться вздумаешь, мы на тебя зла не будем держать, воля твоя...

Он снова упаковал в сумку Рыжика.

– Ну, выздоравливай,.. брательник. Если что – звони, я тебе номер свой вбил, найдешь там, в контактах...

Дверь палаты захлопнулась, но тут же распахнулась снова.

На пороге стоял все тот же Михаил.

– И снова здравствуйте! Ты это... если надо чё, звони, не стесняйся, не чужие, однако... Мне ведь что? Да мне ничего, интересно даже – всю жизнь один, а тут – на тебе ваше с кисточкой, братан собственной персоной... Даже почти родной... Ну, так чё я говорил? А!.. Звони, это... Не стесняйся... брательник!.. Вот черт, все никак не привыкну... Надо же... Ну, я пошёл. Пока.

«Брательник», – повторил про себя Богдан. Брата у него, как и у Миши, тоже никогда не было, как, впрочем, и сестры. Единственными родственниками долгое время оставались бабушка и мама. И ещё – отец... Папа... Да, папа, но это, как оказалось, отдельная история... Потом появилась Наталья, затем – дети... Вот и все родственники – на одной руке можно сосчитать, но дело в том, что все они – свои, родные, а вот Михаил...

Михаил – чужой. Чужой по определению. Как он там говорил? «Даже почти родной»? Нет, не родной... И даже не «почти», и его появление не сулило Богдану ничего хорошего, разве только головной боли добавилось. Его другое сейчас беспокоило – как там жена с девочками. Брат Наталью не обидит, понятное дело, но у неё муж есть, дом...

Он вспомнил первую встречу с женой, свадьбу, рождение детей... Вспомнил, как у Тани прорезался первый зубик, и она смешно стучала по стенке чашки, когда пила воду... Вспомнил, как Ксюша однажды принесла домой бездомного

котенка, а чтобы ему в рюкзаке не было тесно, учебники и тетрадки в школе оставила... Задумавшись, он даже не заметил, как в палату вернулась Татьяна Ильинична.

– Пришла я, – устало улыбнулась она. – Володя ещё в процедурном, девочки обещали после перевязки привезти.

Женщина присела на краешек стула, будто в гостях, выпрямила спину, сложила руки на коленях и застыла. Богдан тоже молчал. Каждый молчал о своем.

«...Никогда не думала, что замуж за шахтёра выйду. Не понимала, как это – спускаться в забой. Ты на шахту, а я – на колени, просить у Пресвятой Богородицы защиты – и тебе, и себе. Ты не оставляй меня, Володя, нечестно так, не по-совести – война у порога, а ты же знаешь – я взрывов боюсь... Помнишь, на шахте газ взорвался... Я онемела тогда, говорить не могла... Даже когда тебя на-гора подняли, живого-невредимого подняли, не могла слова вымолвить... Про себя кричу, а другим не слышно.

А ещё я мышей боюсь, ты же знаешь, и крыс... Мне недавно соседка рассказывала, что в войну крысы в дома шли, в ту войну, Отечественную, с немцем... А кто их знает, как они себя сейчас поведут? И темноты я боюсь... И... И как же я без тебя одна, а? Не выживу ведь, помру без тебя, Володенька, на второй день после тебя помру...»

«...Обещаю тебе, что больше никогда не брошу... Куда ты, туда и я. Не захочешь во Львове жить, продадим квартиру, в другом месте купим, там, где тебе понравится, где тебе

удобно будет... А мне... мне все подойдет, лишь бы ты была рядом. Ты и девочки...»

В этом молчании медсестры вкатили тележку со спящим Владимиром Ивановичем.

– Спит. Устал он в жизни сильно, силу потерял... – положила Татьяна Ильинична удобнее руку мужа. – Я ведь в молодости быстрой была, все в руках горело, всюду успевала. После работы – репетиция хора, пьесы какие-то, постановки... Всего и не припомнишь... А потом – танцы. У нас отдыхающих много было, особенно зимой... По профсоюзной путёвке приезжали, рабочие в основном. Однажды парень мне приглянулся. Видный такой, красивый, разговорчивый – не переговоришь и не остановишь... Севоё звали... Всеволод, значит. Гляжу, и он ко мне равнодушный, все Танечка да Танюшенька. Ну, думаю, пропала девка!

Прибегает однажды он ко мне: «Просьба к тебе, Танечка, имеется, помощь нужна. Тут ко мне друг один приехал, так его... Ну, сама увидишь». Чего уж, думаю, помогу, если надо, люди хорошие, чего не помочь? Так вот, приводит Сева этого друга своего и официально так: «Знакомьтесь, Татьяна Ильинична, Владимир. Прошу любить и жаловать».

Я сразу и оробела от официальности такой, а затем в себя пришла, глаза вверх подняла, смотрю... А он, батюшки мои светы, сам длинный такой, высокий, что тебе жердь, и тощий-тощий, будто с креста снятый. Я так и обмерла вся – никогда в жизни таких худющих не встречала. Ты бы его

видел – одни кожа да кости! Такого жаловать ещё куда ни шло, а вот любить?.. С любовью тут не получится, думаю, да оно и без надобности...

Потом оказалось, что Володя тогда после болезни был – простыл где-то, воспаление подхватил, двухстороннее, и вес, и силы потерял... Как вот сейчас... Взяла я, значит, шефство над ним – откормить пообещалась. Так и пошло: всем норму – ему полторы, да ещё пирожок свеженький, да тефтельку на добавочку, да котлетку с конфеткой... Девчата на кухне первое время смеялись, потом, вижу, тоже прикармливать стали – «я твоему Володьке то, а я твоему Володьке это...» Будто игра такая получилась... Так три недельки и пролетели, как пить дать. Привыкла я к нему, уже и на художбу внимания не обращаю – мой, да и мой. А однажды...

Женщина встала, подошла к окну. Богдан видел только её силуэт, а еще лицо, лицо со свадебной фотографии – молодое, задорное, с румянцем во всю щеку, совсем непохожее на нынешнее – уставшее, с горькими складочками у рта. Через минуту Татьяна Ильинична продолжила свой рассказ:

– Прихожу однажды я на смену, а их нет – ни Севы нет, ни Володи. Уехали, не попрощавшись. У меня будто сердце из груди вынули, даже не думала, что буду так переживать. Обиделась я сильно тогда... На весь мир обиделась. По вечерам дома сижу, никуда не выхожу – кружки забросила, хор... На танцы – ни ногой, сижу, реву, себя жалею.

Но люди говорят – время лечит. Таки правду говорят. На-

чала и я в себя приходите. Потихоньку, правда, полегоньку, но дома уже не запираюсь. И вот выходим мы однажды с Настюхой, подругой моей, из кино, с последнего сеанса, а в самый аккурат возле выхода Володька мой стоит, небеса головой подпират.

Ну, думаю, устрою я тебе самодеятельность, дорогой, чтобы знал, как девушек бросать, чтобы впредь неповадно было. Сделала вид, что не знакомы, Настю под руку и вперёд. Он – за нами: «Таня, подожди!» да «Танечка, прости!». А мы, знай своё, ещё быстрее побежали. Молодые были, зеленые... Сейчас, как вспомню, смешно становится, а тогда... тогда казалось, что именно так и надо было поступать. Время было другое, люди другие... Наивные мы были, бесхитростные, не то, что современная молодежь...

Так вот, бежим мы и не оглядываемся даже, и вдруг я слышу: «Татьяна, стоять! Разговор серьёзный к тебе имеется!» От неожиданности стала, как вкопанная. Не привыкла я, понимаешь ли, к такому обращению, дай, думаю, ответу счас. А Владимир-то мой не стал ждать, к нам подошел и с ходу: «Выходи за меня замуж, Танюша. Жить без тебя не могу». Даже обижаться перехотелось. Так и живём с тех пор душа в душу. Состарились уже... Дети, внуки...

Татьяна Ильинична прикоснулась ко лбу мужа, провела рукою по волосам:

– Совсем седой стал, а я и не заметила...

Богдан приготовился слушать продолжение истории, но

его не последовало. Вскоре он и сам задремал. Сквозь сон к нему доносились негромкие разговоры, суета вокруг соседа по палате, но не успевал он полностью проснуться, как снова проваливался в черную бездну, теряя нить происходящего...

А там, в крошечной темноте, он упорно пытался догнать серебристого ворона, с такой же упрямой решимостью уходящего от него по прямой, как струна, дороге. Иногда он чувствовал, как силы покидают его, ватные ноги заплетаются, а в груди не хватает воздуха. Тогда ворон, будто догадываясь, что его преследователь устал и с минуты на минуту остановится, поворачивал голову назад, удивленно смотрел на него строгим, не мигающим глазом, широко открывал серебристый клюв и сердито хрипел: «Поррра!», заставляя его снова и снова идти за собой...

Еще не открывая глаз, он ощутил яркий свет в комнате и услышал тихий, но уверенный голос:

– Ну-с, молодой человек, давайте знакомиться. Владимир Иванович я, Володя. А вас, я так понимаю, Богданом нарекли? Я на «ты», если не обидишься, буду? По возрасту ты мне в сыновья годишься, да и обстановка сейчас такая, что ни к чему условности. Я про тебя уже наслышан. Ты ведь со Львова к нам пожаловал? Красивый город, интересный, когда-то приходилось бывать...

Увидев удивление в глазах Богдана, его сосед улыбнулся:
– О тебе Савва доложил, да и Таня словечко доброе замолвила... Ещё дома... Даже не думал, что посчастливится уви-

даться. Она все переживала, куда ты исчез, как сквозь землю провалился. А ещё я разговор ваш слышал. Сил не было показать, что слышу, понимаешь, глаза не мог открыть, ресницами пошевелить... Пренеприятнейшее, признаюсь, состояние.

Ну, а сейчас вроде все, вроде отпустило маленько, полегчало... Даст Бог, выкарабкаюсь, и не такое случалось. Вот и тогда, когда с Татьяной познакомился, тоже не мёд был, это она, жалея меня, не все тебе выложила. То, что я худой был, это ещё мягко сказано! Кощера знаешь? – хитровато прищурившись, спросил Владимир Иванович. – Так вот, он – писанный красавец по сравнению со мной! Приболел я дюже тогда, в шахте сквозняков нахватался, а молодой, ретивый был, думал, сам выкручусь, своими силами... Недели две температурил, пока ребята силой в медпункт не отвели. Пришлось чуток в больнице поваляться, как сейчас...

Володя прервал рассказ и закрыл глаза. Дыхание его стало частым, прерывистым, лоб покрыла испарина, словно он только что тяжело работал или бежал кросс. Украдкой рассматривая мертвенно-бледное, будто пергамент, лицо соседа, его заострённый нос, капли пота над верхней губой, Богдан уже не надеялся услышать продолжение истории, когда Владимир открыл глаза и снова заговорил:

– Так о чем я тебе толковал? Ага, на следующий день мы к Ольге пошли, к сестрице её старшей, благословенья вроде как просить. Оля уже домашняя была, пристроенная, хозяй-

ственная такая, деловая: при муже, при детях, свекровь со свекром рядом... Как увидела она меня, сразу мужика своего куда-то послала, а сама давай Таню уговаривать с замужеством не торопиться, лучшей партии подождать.

Представляешь, и это все при мне, не стесняясь, притом не в самых лучших, так сказать, выражениях, словно я и не человек вовсе, а так... вроде мебели. Потом Олин муж вернулся, а с ним – брат его двоюродный, важный такой – хозяин... У него, скорей всего, на Таню вид имелся. Чуть не побили они меня тогда... Взаправду! Хорошо, Татьяна характер проявила, успокоила. Родственнички, однако!.. Потом, правда, к консенсусу пришли – свояк весьма приятным человеком оказался. Да и брат его ничего, быстро в обстановке разобрался... Мы потом даже дружили некоторое время, семьями.

Владимир Иванович рассмеялся, вспоминая комичность ситуации, но потом серьёзно произнес:

– Я иногда вот думаю – зря связалась она со мной... Понимаешь, голос у Тани редкий, уникальный. Ей бы учиться продолжать, да в певицы, а не в повара... А тут ещё дети пошли друг за дружкой... Сказал ей об этом однажды, а она обиделась, глупенькая, мол, избавиться от неё хочу. Как дитя малое, обиделась...

Мужчина довольно улыбнулся. Было видно, что и сейчас, спустя почти полвека, он влюблен в свою супругу и гордится ею.

– Она такая – все может! Обижается, что в ополчение не берут, а сама, знаешь, как помогает?! И борщи для потерявших жилье варит, и каши, и одежду с подругами собирает, людей одиноких пристраивает... У них даже штаб есть свой, женский, где они дела разные обсуждают. Все наши, Богдан, в ополчении – и мы, и дети наши, и знакомые... Всем миром свой дом защищаем, всем миром.

У соседей, в Луганске, представляешь, армией немец командовал! Да-да, самый настоящий немец... Лёша, правда, в Стаханове родился, но уже лет двадцать, как в Германии живет, то есть, жил. Когда у нас это случилось, приехал помогать... Хороший он человек, со стержнем. Настоящий.

И в Украине, там, в той Украине, Богдан, тоже люди всякие... Разные люди... Как и всюду – разные. Да что я тебе буду рассказывать – сам знаешь, как и то, что многие не ведают, что творят. Иногда мне кажется, что заблудились они, заблудились по самое некуда, с дороги сбились, а вот как выбраться – не понимают. Вроде котят слепых – куда идти не знают... Суется, мечутся, из стороны в сторону бросаются, а выйти не могут – направление потеряли...

«Разные... Это верно, – молча соглашался с Владимиром Ивановичем Богдан. – И что суется-мечутся – тоже верно. И что с дороги сбились – правда, вот только как выход найти? Как из этого страшного лабиринта выбраться?»

–...А мы политикой, Богдан, не занимались. Работали, детей рожали, на ноги их поднимали... Кто мог подумать, что

такое будет? Я даже в самом страшном сне не мог себе представить, что к нам придёт война...

Начавшийся обход прервал их разговор. Доктор на удивление рассеянно отправил на перевязку Владимира, отпустил медсестру и, тщательно закрыв за ней дверь палаты, устало опустился на стул возле Богдановой кровати.

– Молодой человек, вы уже не дитя, буду говорить прямо – мы сделали все, что могли, чтобы вы зрение не потеряли. Не хочу вас пугать, но этого мало – вам консилиум специалистов требуется, хорошее лечение, уход, а время такое, что, увы... Сами понимаете, нет возможности, нет... Эх, раньше было – только заикнешься, как тут тебе и хирург столичный, и офтальмолог, и терапевт – любое научное светило приезжало, чтобы больного осмотреть, лечащего врача проконсультировать. Бывало, что и вовсе пациента забирали на операцию или лечение, а сейчас... Сами видите, что сейчас – и хотели бы выше себя прыгнуть, да не получается. Даже из Донецка не всегда могут приехать – у них у самих работы невпроворот, особенно после обстрелов... Что сделаешь – война...

Доктор огорчённо развел руками. Называя непонятные медицинские термины, он коротко обрисовал состояние правого глаза и возможные рецидивы впоследствии. Из длинного набора умных слов Богдан выудил самые важные, как ему показалось, названия – внутриглазное кровоизлияние, отслойка сетчатки и повреждение мембраны стекловидного

тела. Последнее запомнилось только благодаря сочетанию, казалось бы, не сочетаемого, вот только что означают эти понятия, он не знал, и доктора спрашивать не хотел – ему было все равно, что в будущем произойдет с глазом, или даже с обоими глазами, или по большому счету с ним самим.

Будущее вообще не беспокоило его. Впрочем, как и настоящее. В какое-то мгновение его жизнь остановилась, и теперь все больше напоминала фарс, пустой бесплодный фарс, бессмысленный и никому не нужный, ненужный, как и он сам, житель западно-украинского города, бог весть почему возомнивший себе, что его правда выше правды других, его жизнь – выше жизни других, и что за своё существование остальные должны платить ему высокую цену.

Увидев безразличие пациента, доктор закончил монолог, немного помолчал, смутившись, что его слова остались без внимания.

– Я знаю, у вас дети, Богдан, жена, не буду объяснять вам прописные истины, тем более, не думаю, что в дальнейшем вам нужны проблемы, не исключаю, даже слепота. Так вот, повторюсь, все, что в наших силах, мы сделали. Завтра – на выписку...

Он снова замолчал, присел на кровать, опустил устало плечи и, положив на колени худые, будто иссохшие, тонкие руки, пронизанные бугорками синих вен, отрешенно уставился в облупленную стену напротив. Длинные цепкие пальцы его то и дело нервно сжимались, отчего сосуды станови-

лись похожими на острые треугольники, готовые прорезать гладкую сухую кожу в темно-коричневые пятна.

– Я старый одинокий человек, Богдан, привыкший резать, кроить, ампутировать... И это в жизни кому-то нужно делать... Но раньше я оперировал во имя жизни, избавлял пациентов от боли... А сейчас моя работа все больше приводит к другим последствиям – к продолжению мучений... Не удивляйтесь, молодой человек, но часто безногие, безрукие обрубки людей не совсем рады своему спасению... И что делать? Как это исправить? Как изменить?

Доктор тяжело вздохнул и заговорил снова.

– Я думал, что с годами потерял сочувствие, очерствел, но когда на стол кладут ребёнка... искалеченного осколками – это страшно. А ещё я понять не могу, зачем эта война? Зачем? Одно знаю, это ужасная война, война против человека. Жертва Великой Отечественной священной была – с пришлым врагом воевали, с фашистом, а сейчас? Вот как, к примеру, мне вас называть?

Сердце Богдана на мгновение остановилось. Он давно уже ожидал этого вопроса, но все равно оказался к нему не готов. Сначала его бросило в жар, потом по всему телу поползли ледяные ручейки, пижама стала мокрой, хоть выкручивай... Мозг лихорадочно искал ответ, но доктор не стал ждать, ответил сам:

– Ну вот, и вы не знаете... И я не знаю... Ещё недавно все было просто – пациент, больной, а сегодня идёт война, и

мы оказались по разные стороны баррикад. В одной стране мы с вами стали врагами... Мало того, молодой человек, нас заставляют друг друга ненавидеть и убивать... Вместо того, чтобы работать – вы едете воевать, а я, вместо того, чтобы больных лечить, спасаю раненых... Была бы моя воля... Была бы возможность заставить время идти в обратном направлении...

Доктор рассеянно потёр виски, ещё больше ссутулился, отчего стал похож на рано постаревшего подростка.

– Вам могут показаться нелепыми мои слова... слова старого, немощного человека, но мне все чаще кажется, что мы – ненужные люди, что кто-то отдал приказ уничтожить нас, уничтожить всех жителей Донбасса, что мы мешаем каким-то неведомым чужим планам...

«Ненужные люди...» В последнее время эти слова проносились настолько часто, что уже не вызывали ни возмущения, ни удивления. Ненужные люди, лишние, а ещё – мелкие, незаметные, ничего не значащие... Букашки. Но, если ненужными считают себя жители Донбасса, которым запрещено иметь своё мнение под дулом смерти, то жители остальной Украины, чувствуя свою ненужность, покидают родную землю в поисках лучшей доли в других странах. И вместе их уже миллионы.

Возникает вопрос, кто же тогда нужен? И кто решает, кто делит украинцев на нужных и ненужных? Голова уже не выдерживала напряжения, казалось, ещё секунда, и она разле-

тится на части, но это был ещё не конец.

– Живите, Богдан. Вы даже не представляете, как вам крупно повезло, знаете, попади вы к нам сегодня, шансов на выздоровление было бы намного меньше... Сегодня доктор, оперировавший вас, на работу не пришел... Снайпер.

Последние слова раскаленным металлом упали на мозг, заставляя его извиваться от боли... Казалось, нервы сложились в одну тонкую длинную линию, и невидимый нож гильотины с хладнокровным цинизмом методично кромсал эту линию на равные по величине доли.

«Пожалейте меня! – кричал он сердцем. – Пожалейте! Нельзя так больно! Я не заслужил!» Но никто не слышал этого безмолвного крика, никто его не понимал. И только он один знал, что муки его предначертаны судьбой, и по какой-то неизвестной причине он должен пройти все круги этого мучительного испытания.

А ещё он знал, что бездонная воронка, созданная по воле человека человеческими же руками, не пощадит ничего вокруг. Эта воронка с невероятной скоростью поглощает все живое и неживое на своём пути, но он должен выбраться из нее, выбраться, что бы это ему ни стоило, выбраться, чтобы рассказать о случившемся другим людям, чтобы всем вместе противостоять злу, противостоять силам, начавшим эту братоубийственную войну.

И снова в голове его проносились отрывки жизни, слышались голоса родных, что-то пытался доказывать Цевин, гром-

ко стучали зубами, подпрыгивая на ухабах, спящие однополчане, а ещё широко улыбался незнакомый человек в белом халате... Все это сбивалось в одну кучу, смешивалось, переплеталось, и он уже не различал, где реальность, а где сон...

Медсестры привезли Владимира Ивановича, который после перевязки снова уснул, а он боялся закрывать глаза, боялся услышать хрипкое «пор-р-ра», боялся увидеть серебристую птицу, зовущую за собой, и потом в холодном поту додумывать, что бы это значило. Но больше всего на свете он боялся увидеть вращающийся в воздухе светящийся куб, на одной из граней которого было написано его имя и дата рождения...

Постепенно мысли его возвратились к Татьяне Ильиничне, к её обещанию прислать на замену детей. Возможно, невестка придёт... или дочь... или та и другая вместе... Сядут возле отца и будут рассказывать, что уже сделали в школе. А может быть, придет Савва, и он сможет с ним поговорить...

– Ещё не соскучился? Доброго вечера тебе, Богдан.

Он сразу узнал голос Татьяны Ильиничны, потом увидел её расплывчатые очертания. Единственный открытый глаз в последнее время вёл себя совершенно отвратительно, забывая о своём прямом предназначении. Иногда свет надолго пропадал в нём, потом снова, совершенно неожиданно, появлялся, но, памятуя слова доктора, Богдан отказывался даже допускать, что может потерять зрение. Как ни странно,

после разговора с врачом ему хотелось жить, а ещё хотелось видеть...

По звуку он слышал, как женщина шелестела пакетами, стучала дверью тумбочки, потом затихла. Как же ему хотелось, чтобы пришел Савва! Хотелось поговорить с ним, поделиться своими мыслями, хотелось просто высказаться, как на исповеди, не требуя ни ответа, ни совета.

Татьяна Ильинична для этого не годилась – она была женщиной, слабой женщиной, она не поймет, не сумеет понять, как его, взрослого мужика, со здоровыми, казалось бы, мозгами угораздило попасть в такую западню. В последнее время он и сам этого не понимал, что уже говорить о других?

Сейчас у него было время, чтобы проанализировать ситуацию, разложить её по полочкам и сделать выводы. Результаты были неутешительны. Получалось, что он сам, лично, позволил использовать себя, как обыкновенный лох, сам разрешил обмануть себя, как несмышлёныша. Когда же это произошло? Когда случилось, что он стал бездумным исполнителем чужой воли, бездушным, запрограммированным роботом, автоматически выполняющим указания хозяина?

Может, тогда, когда на Майдане обрабатывал йодом ссадины и царапины своих обнаглевших «соратников» по революции, в то время, как рядом, будто свечи, вспыхивали бойцы «Беркута», политые коктейлями Молотова этими же самыми «революционерами»? Или тогда, когда молча уехал с Майдана, уехал в мирный, степенный Львов, когда в Киеве

на главной площади страны горели шины и раздавались выстрелы?

Все возможно, но и его можно понять, у него причина была, уважительная причина – дома умирала мама, и его присутствие было необходимым, нет, не просто необходимым, обязательным. Да и, хорошенько покопавшись в памяти, не сложно оправдать, почему он отсиживался в медчасти, когда на Грушевского шли бои за... Нет, не «за», бои шли «против», и не против власти, а, прежде всего, против народа.

Все можно было оправдать, все... Тем более время ушло, как говорил доктор, его нельзя повернуть вспять, нельзя прокрутить обратно, как пленку, как нельзя защитить от разъяренной толпы «беркутенка», почти мальчика, которому у всех на виду возле сцены Майдана оторвали руку и выкололи глаз, чтобы он не смог стрелять, хотя ни у него, ни у его сослуживцев даже не было намёка на оружие...

А главное, нельзя вернуть жизнь погибшим на кровавом пире вседозволенности, беспредела и ненависти, в народе называемом Евромайданом. Говорят, если Господь Бог хочет наказать, он лишает человека разума, неужели на этот раз он наказал миллионы?..

– Дети заняты, а я отдохнула чуток... Вот покушать тебе принесла, домашнего. Бери пирожки, дорогой, угощайся. Володе нельзя ещё, а тебе нужно – без калориев на поправку не пойдешь.

Он слышит, как женщина раскладывает на стульчике воз-

ле кровати пирожки и другую снедь. Пирожки аппетитно пахнут, почти как в детстве мамыны, и на вкус похожи – так и тают во рту.

– Кушай, кушай, не стесняйся. Я своим девчатам в школу тоже отнесла – они там днюют и ночуют, и дети с ними, а я здесь помаленьку, возле Володи посижу. Дома одной все равно не сидится... А он пусть поспит немного, скорее на поправку пойдет – сном быстрее болезнь выходит.

Татьяна Ильинична помогает Богдану сесть, наливает из термоса горячего чая:

– И чайку им отнесла, и яблок... Работы у них непочатый край – половину школы снарядами разнесло, а время не терпит – детям учиться надо. Сегодня снова крышу кроют, уже второй раз за месяц. Шахта помогает – лес привезли, утеплитель, обещали специалистами пособить. Опять-таки, родители пришли – с самого утра во дворе что-то чинят, чистят, моют, убирают... Всем миром работают... Молюсь, чтобы снова нас не обстреляли, чтобы школу не разрушили. Нелепая война какая-то... Нелепая...

Женщина тяжело вздыхает, отхлебывает из чашки чай.

– Я гражданский человек, Богдан, к тому же – женщина, да и войну только по фильмам знаю, да по рассказам, но то, что у нас происходит, это не война даже... Ну, как тебе объяснить... Даже не знаю...

Она снова молчит, будто что-то вспоминая или пытаюсь найти нужные слова, чтобы объяснить то, в чем и сама до

конца ещё не разобралась.

– Понимаешь, почти полгода по нам стреляют, нас убивают, и нам говорят, что это делаем себе мы сами... Как думаешь, это нормально? Нормально обвинять людей в самоуничтожении, в самоликвидации? Это же подлость по отношению к нам, Богдан, подлость и преступление.

Я же раньше как думала, война – это, как в кино: вражеские солдаты, пушки, танки, наступление, а оказалось, что все по-другому, иначе, и даже враги – не враги, а так, свои... Вчера свои...

А ещё исподтишка все, будто змея из-под колоды: прилетели снаряды с той стороны, разбили все – дома, сараи, дороги, станцию насосную, вот школу уже по второму разу разбомбили, соседей наших... Они как раз из двора выезжали... Вся семья была в машине... Всех разом и накрыло... Всех насмерть... Одновременно. А ещё, понимаешь, у нас горе горькое, а они сидят себе и, как мы мучаемся, по телевизору наблюдают. Страшно это и нелепо... Нелепо как-то кровь льется...

«Нелепая война... А ведь лучше и не придумаешь. Нельзя признать разумным кровопролитие, уничтожение, разруху, как нельзя назвать здравомыслящими людей, сознательно начинающих братоубийство. Как же должны себя чувствовать те, кто совершил подобные преступления?»

Перед глазами появляется Майдан. Сейчас, почти через год, все видится абсолютно по-другому, не так, как прежде,

из толпы, а словно над толпой, с высоты... С высоты здравого смысла и понимания, подтвержденного временем и жизнью.

С бешеной скоростью на сцене меняются выступающие. Темная человеческая масса на площади шумит, колышется, напоминает то море во время шторма, то зыбучие пески... Стоп-стоп-стоп... А ну-ка, обратно...

Словно в кино, кадры понеслись в обратную сторону... Невероятно! Стоп! А вот и он, Богдан, совсем рядом со сценой. Плечом к плечу с ним – его знакомый. Мужчина наклоняется к Богдану, что-то беззаботно кричит ему на ухо, поворачивается назад... В это время сам Богдан прислушивается, достает из кармана телефон, прислоняет к уху, наклоняется...

Что же дальше? Что случилось в это время с соседом? Где он? Кадры движутся в поиске. Стоп! Вот он, стоит, воодушевленно слушает выступающего. Внезапно лицо мужчины меняется, будто на него резко падает тень. На мгновение он застывает на месте, а потом, словно подрубленный, падает на землю. Богдан выпрямляется, поворачивается – прямо из крыши дома напротив в прорезь маски на него пристально смотрит человек. Снайперское ружьё рядом с ним ещё дымится...

– Мне до боли обидно, – размышляет вслух Татьяна Ильична, – что по ту сторону Киева народ не знает правды. Я дома в основном сижу, телевизор постоянно включён, так ты

не поверишь, что про нас там, в той Украине, говорят... Такое говорят, что даже страшно повторять... Господи Боже, прости их грешные души.

Женщина крестится на угол палаты и продолжает:

– Сплошным потоком ложь из Киева льётся... Ложь, грязь и обман... Грех это, большой грех... И перед Богом, и перед людьми... Неужели люди не боятся ответственности за свои слова? Неужели завтра конец света? Да и перед концом света покаяние должно быть, а не ложь и враньё. Говорят, что мы – боевики, что сепаратисты, террористы... А мы дом свой защищаем... Дом свой...

Татьяна Ильинична тяжело вздыхает. Богдан видит, как в одно мгновение женщина состарилась, поникла. Губы её сжались в тонкую полоску, возле них появились горькие складочки, но это было только одно мгновение, а потом в голосе её снова звучит сила, снова звучит уверенность:

– Наша это земля. И дом наш. И защищать мы его будем для наших детей и внуков.

Женщина отходит к окну, подозрительно шмыгая носом, потом возвращается к кровати мужа, грузно садится, а Богдан вспоминает разбомбленный поселок, старую учительницу, кутающуюся в шаль, её вынужденных постояльцев и лицо Саввы: «Из минометов, мрази, лупили. Ад крошечный! Почти вся деревня выгорела...» Дом... Для детей... Да, эти люди будут защищать свой дом, защищать от таких, как он, пришедших разрушить его...

Мысли его переносятся во Львов. Перед глазами возникает узкая, мощёная брусчаткой, улица. Он «открывает» кованную железную дверь в подворотню, «проходит» в чистый, с традиционным кошачьим запахом, двор... Дверь в подъезд непринужденно распахивается, и перед его глазами появляется лестница с массивными чугунными перилами. Внизу одного из отполированных людьми и временем деревянных поручней прячутся три маленькие буквы. Рука привычно тянется к укромному местечку, нащупывает полустертую надпись «К.Б.З.». Свои инициалы он вырезал ещё в четвертом классе, в тайной детской надежде «оставить след на земле и память для потомков».

Внезапно сверху по лестнице хлопает дверь, слышно, как кто-то быстро спускается вниз по ступенькам. Не желая «встретиться» с соседями, Богдан «возвращается» на улицу, где мимо него, весело позванивая на ходу и негромко постукивая на стыках, пробегает аккуратный трамвайчик, обклеенный яркими афишами воздушных акробатов, крохотных забавных обезьянок и серых унылых слонов с обвисшими от старости ушами.

В самом центре цирковой рекламы самодовольно ухмыляется огромный клоун с широкой искусственной улыбкой и неожиданно жёстким взглядом прищуренных щёлочек-глаз. На ближайшем повороте клоун вдруг оживает, ехидно показывает Богдану язык и крутит у виска пальцем.

Трамвай и себе насмешливо подмигивает ему на проща-

ние габаритными огнями и исчезает за углом дома, а вокруг воцаряется благословенная тишина – тишина, в которой не слышно ни воя снарядов, ни взрывов мин, тишина, в которой не рыдают скорбно матери, и не плачут раненные дети...

Снова раздаётся звук открываемой двери, на этот раз ближе, в палату. Уставший глаз Богдана едва различает очертания нескольких вошедших, потом слышит голос доктора:

– Ну вот, повезло вам, молодой человек, право, под счастливой звездой родились... М-да, под счастливой звездой...

Доктор возбужденно жестикулирует, довольно потирает руки, кажется, ещё немного – и он пустится в пляс или взлетит в небо, как птица.

– Знакомьтесь, Богдан, это – Александр Васильевич, наш коллега – врач-офтальмолог, из Донецка. Теперь я уверен, Богдан, что ваше зрение в надежных руках. Целиком и полностью в надежных руках...

Доктор отходит к двери, пропуская к кровати человека с приятным лёгким запахом. Богдан принимает, пытается вспомнить, откуда он знает этот аромат. «Туалетная вода «О'жен»... Да-да, это «О'жен»!» В памяти всплывает яркий свет операционных ламп из недавнего сна и знакомые глаза на закрытом медицинской маской лице.

Человек молчит, но Богдан чувствует на себе его пристальный взгляд. «Не может быть! Александр... Саша? Конечно же, он – Александр Васильевич, бывший его сослуживец! Точно, он! Кто же ещё? Вот это сюрприз! Ну да,

его же тогда отец после интернатуры в армию сдал, чтобы сын, прежде чем идти на работу, «школу жизни» прошёл. Ты смотри, каким важным стал – доктор, однако! Совсем на прежнего ботаника не похож», – радуется он за друга, но раскрываться не спешит – пусть тот помучается немного, узнавая.

Из открытого окна доносятся глухие раскаты. «Снова гроза», – думает беспечно, с удивлением наблюдая, как Татьяна Ильинична темнеет на лице и вытягивает шею, прислушиваясь к звуку.

Александр подается вперед, пробует разглядеть его лицо, часть которого скрыта повязкой, смешно прикрывает глаз, медленно открывает рот, но мимо него, как слон в посудной лавке, к Богдану пробирается третий посетитель, которым оказывается Михаил. Он бесцеремонно отодвигает приезжего доктора в сторонку, поближе к выходу, по-медвежьи обнимает Богдана, крепко, до боли сжимает его руку в приветствии.

– Ну вот, брательник, зря сомневался, будешь видеть! Теперь уж точно, наверняка! Сам слышал, как доктор обещал!..

Миша что-то спрашивает, громко смеется, но Богдан уже не слушает его, а, как и Татьяна Ильинична, внимательно прислушивается к звуку грома, начиная подозревать что-то неладное.

Раздается ещё один удар... Ближе... Прямо перед собой Богдан видит огромные от ужаса глаза Татьяны Ильиничны,

слышит пронзительный вой и громкий женский крик:

– Ложись!..

В последний момент Богдан обхватывает руками Михаила и, что есть мочи, прижимает к себе, наваливаясь на него всем телом. Почти одновременно в лицо ему с запредельной силой бьет яркий свет операционных ламп. Становится невыносимо больно, будто чья-то невидимая рука провела по спине острым хирургическим скальпелем.

Свет понемногу меркнет, тухнет, пока, наконец, не наступает кромешная тьма. И тогда жгучая боль пропадает, уступая место удивительному безгранично-сладкому спокойствию и безмятежности, а в темноте появляется мерцающий клубок, состоящий из миллионов тонких переплетенных нитей. Клубок медленно приближается, разрастается и прямо на глазах становится похожим на полный, идеальной формы кокон.

«Господи, спасибо!» – благодарит он Всевышнего за избавление от боли и направляется навстречу струящемуся в темноте свету.

Сверкающий клубок вращается, наматывает новые нити, с каждым разом увеличиваясь в размерах и уменьшая скорость, а он вдруг замечает, что не идет, а словно парит в воздухе, необыкновенно легкий, почти невесомый.

Серебристый кокон, привлекающий и отталкивающий своим неземным совершенством, замедляет движение, и наконец, неторопливо покачиваясь, зависает на месте. Внутри

его заметны суетящиеся тени.

Богдан застывает в ожидании опасности, прислушивается, снова устремляется к шару, и снова в изумлении останавливается перед плотной стеной мерцающих нитей в поисках входа. Рядом с ним проносится легкий ветерок, и он чувствует, что сзади кто-то стоит. Этот «кто-то» не напрягает, не вызывает у него ни страха, ни опасения...

– Снова спешишь, сынок? – внешне мамин голос спокойный, бесстрастный, но он различает в нем скрытую печаль. – Иди, Богдан, ступай обратно. Ещё не время... Тебя отец проводит... Твой отец.

За спиной слышится звук, напоминающий шелест сухой листвы, гонимой порывом осеннего ветра, потом кто-то незримый уверенно берет его за руку, они вместе, одновременно, делают шаг вперед и свободно попадают в больничную палату.

В палате царит кромешный ад, словно по ней только что пронесся ураган – кровати и тумбочки сдвинуты с привычных мест, на них и между ними лежат тела людей, а в окне торчит огромный сломанный кусок седого тополя.

Возле самого выхода из комнаты, загораживая дверь, стоит кровать Владимира Ивановича. Сам он, безжизненный, будто застывший, уже находится на неправдоподобно белой тележке, которую толкает к выходу человек в безупречно белом халате. Богдан не видит его лица, как и лица другого человека, халат и тележка которого так же безукоризненно

белы.

На второй каталке лежит Татьяна Ильинична, прикрытая нереально белой, как и все вокруг, больничной простыней. Женщина не шевелится, её глаза закрыты, но Богдан чувствует, что она жива – в палате нет запаха смерти.

Тележки исчезают, будто растворяются в стене, и только сейчас он замечает, что на полу ещё остаются два человека. На спине верхнего медленно расплывается кровавое пятно. В раненом он узнает себя, но не спешит себе на помощь, а намеренно делает шаг назад и в то же мгновение оказывается за пределами шара.

«Назад дороги нет, – решает он окончательно. – Мама, я так устал, ты извини».

Вместо ответа слышится нарастающий шум. Он стремительно приближается, усиливается, и вдруг навстречу этому шуму устремляются другие потоки воздуха, несущие невероятное количество самых странных и самых неожиданных предметов – армейские кровати, столы, деревянные ящики... Между ними – более мелкие: посуда вперемишку с оружием, одежда, сапоги...

Среди всего этого безумия Богдан узнает кладбищенские кресты и святящиеся кубы, на последнем из которых читает: «Костив Илья... Костив Юрий... Костюшко Богдан...» Прямо на его глазах последняя надпись исчезает, воздушные потоки с необыкновенной силой сталкиваются, и куб скрывается из виду, увлекаемый стремительным вихрем.

Безжалостный смерч пронесется мимо него и где-то далеко в глубокой темноте пропадает, а к нему возвращается невероятно сильная боль... Болит спина. Просто чудовищно болит спина. Пронзительная боль не дает дышать. Открытым ртом он хватает воздух и чувствует, как под ним кто-то тяжело вздыхает и шевелится.

–...Быстрее, быстрее... Доктор, обильное кровотечение... Ранение в спину...

– В операционную...

Он чувствует, как чужие холодные руки поднимают его, кладут на каталку... От этого холода его начинает трясти, как в лихорадке. Потом он снова срывается вниз, проваливается в масляно-густую темноту...

–...Второго он собою закрыл... Ни единой царапины...

И снова темнота...

На мгновение сознание выхватывает яркую вспышку. Её сопровождает оглушительный удар грома. Снова молния... Гром... И нечеловечески-адская боль...